

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2015

№ 2(9)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Текст. Книга. Книгоиздание»

- И.А. Айзикова** (Томск) – председатель
Т.Л. Воробьева (Томск) – отв. секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
О.А. Дашевская (Томск)
В.С. Киселев (Томск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
Д.А. Олицкая (Томск)
А.В. Подчиненов (Екатеринбург)
Г.Н. Старикова (Томск)
Е.И. Тулякова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К читателям.....	5
------------------	---

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ПРИКЛАДНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Киселев В.С.</i> Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева (статья первая).....	6
<i>Тулякова Е.И.</i> Коммуникативные стратегии издателя в журнале «для детского и юношеского чтения» В. Майкова «Подснежник» (1858–1862).....	25
<i>Нургалеева А.Ф.</i> Восприятие поэтического текста поэтом (М.И. Цветаевой).....	39

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Айзикова И.А.</i> Проблема читателя в литературной критике В.А. Жуковского	44
<i>Никонова Н.Е.</i> В.А. Жуковский – читатель немецкой поэзии 1840-х гг.: сборник Георга Гервега «Стихи живого человека» (1841)	59
<i>Карташова Т.П.</i> Русская и зарубежная классика в сибирской деревне (по материалам анкетирования сельских народных библиотек Томской губернии начала XX в.).....	79
<i>Масяйкина Е.А.</i> Аналитическая справка о деятельности современной сельской библиотеки как источник изучения читательских предпочтений	89

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Есипова В.А.</i> Техника воспроизведения книги и поведение автора и читателя (по материалам коллекций отдела рукописей и книжных памятников)	106
<i>Ложкина К.А., Климова О.В.</i> О целесообразности приведения макета аннотированной каталожной карточки в вузовских изданиях (на примере изданий, выпускаемых Издательством Уральского университета)	117

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	123
----------------------------------	-----

CONTENTS

To the Reader	5
---------------------	---

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Kiselev V.S.</i> The book and journal sources of the anthology <i>Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812</i> by N.M. Kugushev (Article I)	6
<i>Tulyakova E.I.</i> Communication strategies of the publisher in V. Maykov's <i>Podsnezhnik</i> , a magazine "for children's and adolescents' reading" (1858–1862)	25
<i>Nurgalieva A.F.</i> Poetic text perception by poet Marina Tsvetaeva	39

BOOK IN CULTURE

<i>Ayzikova I.A.</i> The problem of the reader in V.A. Zhukovsky's literary criticism	44
<i>Nikonova N.E.</i> V.A. Zhukovsky, a reader of the German poetry of the 1840s: <i>Gedichte Eines Lebendigen</i> by Georg Herwegh (1841)	59
<i>Kartashova T.P.</i> Russian and foreign classical literature in a Siberian village (based on survey of rural public libraries in Tomsk Province at the beginning of the 20th century)	79
<i>Masyaykina E.A.</i> Analytical reports on the activities of the modern rural library as a source of reading preferences study	89

BOOK PUBLISHING

<i>Esipova V.A.</i> Title print techniques of the book and behavior of the author and the reader (based on collections of the Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library)	106
<i>Lozhkina K.A., Klimova O.B.</i> The feasibility of the annotated catalog card layout in university publications by the Ural Federal University Publishing House	117
Information about the authors	123

К читателям

Дорогие читатели, перед вами очередной тематический выпуск журнала, посвященный проблемам культуры чтения и читательских практик. В нем опубликованы статьи сотрудников Национального исследовательского Томского государственного университета, Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, Научной библиотеки Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова.

В статьях, вошедших в этот номер, рассматриваются формы социокультурной коммуникации, характерные для эпохи раннего национального строительства начала XIX в., и их отражение в репертуаре источников известной поэтической антологии Н.М. Кугушева, посвященной Отечественной войне 1812 г.; коммуникативные стратегии издателя в журнале «для детского и юношеского чтения» В. Майкова «Подснежник»; особенности восприятия поэтического текста поэтом. Две статьи посвящены В.А. Жуковскому – читателю и литературному критику, поднимающему проблемы чтения. Другие две статьи описывают предпочтения сельского читателя, прослеживаемые в эволюции – от XIX к XXI в. Проблемам связи техники воспроизведения книги и поведения читателя и целесообразности приведения макета аннотированной каталожной карточки в вузовских изданиях посвящены две последние публикации выпуска.

Редакционная коллегия журнала выражает благодарность всем участникам научного семинара по проблемам чтения и читательских практик, организованного кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета и прошедшего в ноябре 2014 г., за вклад в подготовку выпуска.

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/23062061/9/1

В.С. Киселев

КНИЖНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» Н.М. КУГУШЕВА (статья первая)

Статья излагает результаты изучения книжных и журнальных источников, вошедших в состав поэтической антологии Н.М. Кугушева «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (1814). Стихотворения были заимствованы из журналов и брошюр 1812–1814 гг. и сохранили тесную связь с их коммуникативными стратегиями. Статья намечает модели коммуникации «Русского вестника», «Сына отечества», «Вестника Европы», «Друга юношества», «Чтений в Беседе любителей русского слова», «Санкт-Петербургского вестника» и малоформатных книжных изданий военного времени, отразившихся в антологии Н.М. Кугушева и воплотивших стремление к национальной консолидации.

Ключевые слова: история русской литературы, история русской журналистики, литературная коммуникация, Н.М. Кугушев, Отечественная война 1812 г.

1

Условия наполеоновского вторжения и общенародной войны 1812 г. существенно повлияли на состояние литературной коммуникации, приведя к возникновению ряда новых форм и модернизации старых. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева, представляющее собой поэтический срез эпохи, отразило в своем составе следы этих социокультурных изменений. Его генезис неразрывно связан с судьбой целого ряда коммуникативных форм от журнала до листовки-брошюры. Для адекватного понимания антологии необходимо обозначить главные моменты данного контекста.

Здесь отчетливо выделяются несколько аспектов. Прежде всего, это радикально повысившаяся роль общественного мнения, выраже-

ние и формирование которого в определенном русле стало одной из главных политических задач момента. Движение в данном русле активно шло уже с первых лет александровского царствования. Новый цензурный устав 1804 г., сняв многие запреты, сделал бурно растущую журналистику полем интенсивного обсуждения идеологических тем, в том числе с оппозиционных точек зрения, как консервативных, так и либеральных¹. Сам император, провозгласивший программу широкомасштабных реформ, отлично осознавал, что без опоры на общественное мнение, без его подготовки невозможно достижение намеченных целей. Так, еще в 1798 г. он выступил покровителем «Санкт-Петербургского журнала», издававшегося И.П. Пниным и А.Ф. Бестужевым (см.: [5. С. 9–30], [6. С. 107–144]), а впоследствии оказывал прямую или косвенную поддержку различным печатным органам, становившимся рупором предпочтительной идеологии.

Особая роль общественного мнения влияла не только на повышение идеологической значимости изданий, но и на изменение их системы и структурных особенностей. Так, еще в самом начале века Н.М. Карамзин в «Вестнике Европы» создал новый, универсальный тип метатекста, призванный отразить общую панораму культурно-идеологического движения эпохи. Он предложил и новую форму – литературно-политический журнал, стремящийся к энциклопедическому охвату действительности и сопрягающий ориентацию на современность (политические и культурные новости, новинки литературы) с приверженностью «вечным» темам (см.: [7. С. 201–204], [8. С. 269–276], [9. С. 63–84]). Хотя в предвоенные годы до уровня карамзинского журнала периодика в своей массе подняться не сумела, но он оказал глубокое влияние на тенденции журналистики.

Подобные процессы затронули и форму альманаха, которая под воздействием опытов того же Н.М. Карамзина («Аглая» и «Аониды») начала превращаться из феномена дилетантской или узкокружковой коммуникации (издания Благородного пансиона, Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и т.п.) в орудие широкого представления отечественной словесности, в том числе с идеологической стороны (см.: [10. С. 3–15]). В этом плане альманах

¹ См. общий обзор журналистики данного периода: [1. С. 155–176], [2], [3], [4. С. 36–51].

приобретал черты антологии, причем источником текстов для него являлась в первую очередь журналистика, как в «Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» В.А. Жуковского (М., 1810–1815). «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева стало еще одним ярким образцом нового альманаха.

Под влиянием журналистики оказались и другие типы изданий – от крупноформатных, вроде трактата или романа, до малых в виде оды или статьи. Так, А.Ф. Бестужев в 1798 г. на протяжении ряда выпусков публиковал в «Санкт-Петербургском журнале» трактат «О воспитании военном относительно благородного юношества», а С.Н. Глинка представил публике «Опыт о народном нравоучении» в номерах «Русского вестника» первой половины 1812 г. Схожей была судьба оды, которая в XVIII в., как правило, печаталась отдельными изданиями, а затем входила в авторские собрания сочинений. Теперь оды чаще всего помещались сначала в журнале, будь то «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Друг юношества» или «Русский вестник», и лишь потом выходили особыми брошюрами.

«Журнализация» словесности свидетельствовала о новом состоянии публичной коммуникации, отразившем наметившийся переход от имперской модели культуры к модели национальной. Система литературного патронажа, органичная для самодержавно-сословного государства, организовывала общение узкого круга субъектов власти и дворянской элиты¹. Процесс нациостроительства, подстегнутый александровскими реформами и отражавший общеевропейское движение, предполагал вовлечение в культурную коммуникацию больших масс населения, преодоление сословных границ и, как следствие, перенос внимания с самодержавной власти на общество – в лице его политических и культурных элит². Полнее всего эти задачи решала профессиональная литература, в начале XIX в. еще не сформировавшаяся в России. Ее функции частично приняла на себя система кружковой коммуникации, в рамках которой определенные группы дворянства, более или менее замкнутые,

¹ См. наиболее подробное ее рассмотрение в кн.: [11].

² О влиянии процессов нациостроительства на литературную коммуникацию см.: [12. С. 33–59].

вырабатывали культурно-идеологические программы развития, но востребованность и влияние им придавали уже не только власть, но и общество, где крепили стремления к национальному единству, к полноценному нациостроительству, выразившиеся в том числе и в настойчивом обсуждении проблемы национальной самобытности, народности¹.

Наполеоновские войны, в которые Россия вступила в 1805 г., подстегнули усилия по взаимодействию власти и общества: из печати правительство могло почерпнуть сведения о состоянии умов, о настроениях различных групп дворянской элиты и с учетом контекста проводить активную информационную политику. Как убедительно показал М.Б. Велижев, в роли проводника официальной идеологии в 1806–1807 гг. эффективнее всего выступал «Вестник Европы», который редактировал М.Т. Каченовский [17]. Тильзитский договор и смена правительственного курса с антифранцузского на профранцузский определили новую сложную задачу журнальной пропаганды, предполагавшую необходимость объяснения столь крутых поворотов. Разочарование императора Александра в возможности союза с Наполеоном вновь привело в 1810–1811 гг. к изменению информационной стратегии и обращению к ресурсам националистической риторики, заставлявшей апеллировать к патриотическим изданием вроде «Русского вестника» С.Н. Глинки (см.: [18. С. 187–266]).

Отечественная война 1812 г. затронула все российское общество и превратила идеал национальной консолидации в конкретную социально-политическую задачу. Это глубоко повлияло на состояние литературной коммуникации, которая, с одной стороны, оказалась затруднена в связи с военным положением и затем оккупацией Москвы, важнейшего культурного центра империи, но с другой – приобрела особую значимость и интенсивность, отражая общую заинтересованность в новостях с театра военных действий, в обсуждении настоящего и будущего страны. Журналистика и книгоиздание этой эпохи неоднократно становились объектом описания (см., в частности: [3. С. 41–49], [19. С. 215–232], [20], [21]), поэтому подчеркнем

¹ О модели кружковой коммуникации см.: [13]. См. также о полемике вокруг категории народности и нации: [14. С. 108–122]; [15. С. 228–237]; [16. С. 42–66].

лишь ряд важнейших аспектов, необходимых для понимания коммуникативного фона «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева.

Прежде всего, в годы войны сократилось количество журналов. Продолжали издаваться лишь несколько старых, Санкт-Петербургские «Чтения в Беседе любителей русского слова», московские «Вестник Европы», «Русский вестник» и «Друг юношества», и два новых – «Санкт-Петербургский вестник», основанный в начале 1812 г., и «Сын отечества», начавший, с одобрения императора, выходить в северной столице с октября 1812 г. Из них часть являлась кружковыми органами и имела явные черты альманаха, нацеленного не столько на внешнюю коммуникацию, сколько на отражение внутренней жизни Вольного общества любителей словесности, наук и художеств («Санкт-Петербургский вестник»), Беседы любителей русского слова («Чтения») и московского масонского круга М.И. Невзорова («Друг юношества»)¹. Отражение современных событий на их страницах имело фрагментарный характер, в том числе в виде поэтических публикаций, приобретавших характер концентрированного выражения общенационального духа.

Полноценных органов освещения и обсуждения войны было всего три: «Русский вестник», «Вестник Европы» и «Сын отечества». Они демонстрировали разные подходы к репрезентации материала и ориентировались на отличные читательские группы. Для «Русского вестника» и «Вестника Европы» аудиторией выступал провинциальный помещик, «Сын отечества» 1812–1813 гг. адресовался всему образованному национальному сообществу. Кроме того, московские журналы позиционировались как литературно-публицистические, в особенности «Вестник Европы», в годы редактирования В.А. Жуковского приобретший характер в первую очередь художественного издания (подробнее см.: [17], [22. С. 322–358]). В «Русском вестнике» доминировала скорее публицистика, ориентированная, однако, не на сиюминутный контекст, не на детальное осмысление сложившейся политической ситуации, а на морально-патриотическое вос-

¹ К подобным изданиям 1812 г. можно добавить еще несколько – московские «Труды Общества любителей российской словесности» и откровенно дилетантский авторский журнал «Муза, или Собеседник любителей древнего и нового стихотворства и вообще словесности, издаваемый И.И. Сиряковым».

питание, использующее современные события как урок и пример. Для «Сына отечества» главным был новостной блок, усиленный приложениями с публикацией журнала военных действий, часто эксклюзивного характера, а затем и особым бюллетенем «Политический листок». Фоном для новостей выступал обширный публицистический раздел с актуальными идеологическими материалами, отражавшими общественные настроения и предпринимавшими опыты целостного осмысления текущей политики («Глас истины» Э.М. Арндта, «Отступление французов» Э. Пфуля (Гилсдорфа) и др.). Разница в подходах влияла и на роль поэтических текстов о войне: в «Вестнике Европы» они занимали скромное место, хотя и отличались высоким уровнем и художественной обобщенностью (стихи В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина); «Русский вестник» печатал их из номера в номер, в первую очередь оды издателя С.Н. Глинки, и они становились своеобразной хроникой патриотических настроений; в «Сыне отечества», где иные художественные материалы отсутствовали, регулярный поэтический блок, помещавшийся в конце номера, служил эмоциональной кодой и часто обнаруживал параллелизм новостному разделу.

Последняя тенденция – сближение поэзии и новостных материалов, удовлетворявших общую потребность публики в быстром осмыслении событий, – ощущалась не только в журналах, но и в оперативных формах печати – газете, листовке, брошюре, получивших бурное развитие в 1812–1813 гг., в том числе благодаря Военно-походной типографии Главной квартиры штаба русской армии. Организованная в июле 1812 г., она печатала как агитационную публицистику, листовки и брошюры, разоблачавшие наполеоновскую политику и адресованные солдатам Великой армии и европейской публике, так и материалы, освещавшие в официальном ключе ход военных действий и предназначавшиеся отечественному читателю на фронте и в тылу («Журнал военных действий», патриотические листовки)¹. В число последних входили и художественные тексты разных жанров от басен И.А. Крылова до лубочного «Послания Се-

¹ О ее работе см.: [19], [21].

рединской станицы козака Ермолая Гаврильевича к атаману своему Матвею Ивановичу»¹.

Главная квартира выступала основным поставщиком военной информации, но в дальнейшем, а иногда и опережая Военно-походную типографию («Список пленных французских генералов», воззвание М.И. Кутузова к жителям Пруссии, опубликованные в «Сыне отечества»), она распространялась в газетах и журналах, вступавших в своеобразную конкуренцию, как произошло в случае «Сына отечества», имевшего благодаря поддержке правительства первоочередной доступ к известиям с фронта, и газеты «Русский инвалид» П.П. Пезаровиуса, перехватившей в 1813 г. эту инициативу. Сближение газеты и журнала отозвалось в изменении журнальной структуры, наиболее очевидной в «Сыне отечества», номера которого обычно сопровождались приложениями-листовками, в которых иногда размещались и поэтические тексты («На погребение генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского» Н.Ф. Остолопова, анонимное «Завещание Бонапарте» и др.). В свою очередь, влияние журнала испытала на себе малоформатная печать. Только за 1812 г. в обеих столицах вышло более 50 брошюр, воспроизводивших журнальные материалы («Отступление французов» Э. Пфуля (Гилсдорфа) и др.) или близких к ним по жанру (памфлеты, воззвания, афиши, рассуждения) [26]. В их число входили и стихотворные тексты, нередко имевшие параллельные версии – журнальную и книжную («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П.И. Голенищева-Кутузова, «Ода на случай войны с французами 1812 года» М.И. Невзорова и мн. др.). Подобные произведения сохраняли в своей семантике элементы журнального контекста и, как правило, циркулировали в литературной среде, связанной с определенным кружком и его главным печатным органом («Беседа любителей русского слова», «Друг юношества» и т.п.). Непременным их элементом выступали и агитационная установка, выражение патриотических чувств и осмысление текущих событий в свете определенной идеологии (националистической, религиозно-мистической, либеральной).

¹ Опыт их анализа см. в серии статей И.Ю. Фоменко: [23. С. 249–251], [24. С. 348–352], [25. С. 70–79].

2

Таким образом, можно констатировать, что «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» собралось под своей обложкой тексты, генетически связанные с определенными формами социокультурной коммуникации военного времени. Начать их обзор стоит с книжных малоформатных публикаций. Как свидетельствует «Опыт каталога всем отдельным сочинениям... об Отечественной войне 1812 года» И.П. Липранди, в этот период вышло в свет около 100 подобных поэтических изданий. Н.М. Кугушев достаточно полно представил в сборнике их спектр. В состав антологии вошло 27 стихотворений, напечатанных в 1812–1814 гг. в виде отдельных брошюр или в их составе. Они существенно отличались по художественному уровню: здесь соседствовали знаменитые «Певец во стане русских воинов» и «К князю Смоленскому» В.А. Жуковского, «Освобождение Европы и слава Александра I» Н.М. Карамзина, рядовые образцы одического творчества П.И. Голенищева-Кутузова, Н.П. Николева и М.И. Невзорова, наконец, вполне дилетантские тексты Д.П. Глебова, С.В. Юшкова, И.В. Попова и др. Отдельных публикаций последнего типа в годы войны было много (оды С.В. Салтыкова, Е.А. Кушелева, Г.В. Геракова и пр.), и из них составитель выбрал в первую очередь московские, очевидно более ему доступные, и отличавшиеся объемностью, как обширные «Сражение при Бородине. Эпическая песнь» (М., 1813) Д.П. Глебова и «Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих» (М., 1813; 2-е изд. М., 1814) свящ. М. Аврамова (М.А. Знаменского).

При разном эстетическом достоинстве совокупность стихотворений, извлеченных из отдельных публикаций, отражала общую установку подобных изданий. В XVIII столетии они являлись привычным элементом системы литературного патронажа и, как правило, были нацелены прежде всего на восприятие адресата-покровителя и только потом широкой публики. На рубеже веков это соотношение существенно изменилось в пользу образованного общества, оставив открытую комплементарность дилетантской словесности. Отечественная война 1812 г. создала новую ситуацию, когда субъектом исторического действия выступили не только отдельные лица – император, полководцы, вельможи, но и нация в целом. Это превращало

поэтические брошюры из репрезентации персонального мнения в выражение общего духа, объединявшего автора и предполагаемого адресата, чаще всего коллективного. Показателем патриотической переориентации выступали, в частности, посвящения. Так, из текстов, напечатанных в «Собрании», Н.М. Карамзин посвятил «Освобождение Европы» «московским жителям», Д.П. Глебов адресовал «Сражение при Бородине» «храброму российскому воинству», И.В. Попов – «московским гражданам». Безусловно, много было од и старого, «патронажного» образца, вроде «Оды его императорскому величеству государю императору Александру Первому на покорение столицы Франции победоносным его оружием» (М., 1814), которую «с чувствованиями и сердцем, его славою восхищенными, благоговейно» посвящал «верноподданный Павел Г. Кутузов». Тем не менее и в них комплементарная установка не заслоняла ориентации на общественное мнение.

Со всей очевидностью изменение социокультурных функций отразилось в знаковых отдельных публикациях эпохи – «Певце во стане русских воинов» В.А. Жуковского (СПб., 1813, два издания) и «Освобождении Европы и славе Александра I» Н.М. Карамзина. «Певец» создавался в кругу А.С. Кайсарова и был связан с пропагандистской работой Военно-походной типографии¹. Включенность автора в события, близость к участникам сражений акцентировались подзаголовком «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине», сохранным в «Собрании»². Особое значение имели и черты хроникальности, следование за свежими событиями, подвигами героев, складывавшимися в куплетно раздвигающийся ряд поэтических биографий. Наконец, сама центральная сюжетная ситуация текста – поэт, находящийся в окружении воинов и исполняющий для них песнь, – меняла одическую вознесенность над аудиторией на равное дружеское общение, подчеркнутое лексикой единства («наш союз», «друзья», «братья»). Какая-либо персональная адресация не вписывалась в коммуникативную структуру «Певца», что, очевидно, почувствовала вдовствующая императрица Мария Федо-

¹ О деятельности В.А. Жуковского во время Отечественной войны см.: [27. С. 71–75], [28. С. 138–147].

² Во втором отдельном издании «Певца» это указание было перенесено в примечания. Ср. подзаголовок к стихотворению «К князю Смоленскому» (СПб., 1813) «Писано после сражения под Красным» (не сохранен в «Собрании»).

ровна, не одоблив замысел В.А. Жуковского посвятить ей второе издание (вышло в конце октября 1813 г.; см. комментарий А.С. Янушкевича: [29. С. 597]). И действительно, стихотворение уже в 1813 г. стало общенациональным достоянием, разойдясь на крылатые слова, цитаты в журналах, вызвав массу подражаний¹, помещенных в том числе и в «Собрании» Н.М. Кугушева («Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И.В. Попова, анонимный «Певец на гробах братьев-воинов россиян»).

«Освобождение Европы и слава Александра I» Н.М. Карамзина, посвященные взятию Парижа и отречению Наполеона, подводили итог Отечественной войне и заграничным походам. Историкограф, признанный глава новой литературы, в 1812–1813 гг. он фактически ничего не печатал, хотя очень внимательно следил за новостями и современной публицистикой². Публикация его стихотворения, разошедшаяся в двух изданиях и продублированная в «Вестнике Европы», воспринималась как попытка оценить общий смысл эпохальных событий. Знаменательно, что Н.М. Карамзиным одновременно задумывался исторический труд об Отечественной войне, от которого сохранились предварительные заметки («Мысли для истории Отечественной войны») [34. С. 292–293]. Обобщающая точка зрения тем не менее не превращала оду в тяжеловесный идеологический манифест, а адресовалась равному собеседнику, пережившему те же события, на что нацеливало посвящение, не воспроизведенное в «Собрании»:

С вами, добрые москвитяне, провел я четверть века и лучшее время моей жизни; с вами видел грозу над сею столицею Отечества; с вами ободрялся великодушием достойного нашего градоначальника; с последними из вас удалился от древних стен Кремлевских – и с вами хожу ныне по священному пеплу Москвы, некогда цветущей. Сердце мое принадлежит вам более, нежели когда-нибудь. Во дни тревоги и бедствий видел я вашу доблесть: лица горестные, но ознаменованные твердостью; слезы, но слезы умиления, всегда исчисляемые Отцом небесным: они были для тирана Европы гибельнее самого оружия героев российских. Примите жертву моей ис-

¹ О восприятии современников см.: [30. С. 3–23], [31. С. 110, 115–116].

² О деятельности Н.М. Карамзина в этот период см.: [32. С. 74–81], [8. С. 278–279], [33. С. 77–79].

кренности. Счастлив буду, если, пользуясь остатком дней моих и способностей, успею изобразить на скрижалях истории чудесную, беспримерную славу Александра I и нашу: ибо слава Монарха есть народная [35. С. 3–4]. (Ц.р. от 19 июня 1814 г.).

Сопоставление узурпатора Наполеона и освободителя Александра, содержавшее очевидный «урок» царю, наставление русскому императору на будущее, сопровождалось в оде постоянной актуализацией общего исторического опыта и предполагало как прочный эмоциональный контакт, так и вовлечение читателя в совместную рефлексивную. Судьба центральных героев ставилась автором в зависимость от исторических судеб нации, которая являлась и главным действующим лицом, и основным адресатом текста¹.

На фоне отдельных изданий В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина, чьи тексты вынесены в кугушевском «Собрании» в начало первой части и в конец второй, в сильные композиционные места, остальные публикации имели очевидный кружковый характер, хотя и в них ощущалась установка на консолидацию аудитории, на обращение через «группового» читателя к нации в целом. Примечательным образцом здесь служат вполне дилетантские «Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И.В. Попова (М., 1813; 2-е изд.: М., 1814) и мини-альманах «Знай русских!» (М., 1813). Как вспоминал К.А. Полевой, автор первой брошюры «званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков <...> и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых <...> он был самый жалкий писатель и рифмотворец, исписавший горы бумаги» [37. С. 106]. Колоритным эпизодом его биографии выступила и публикация «Певца», сопровождаемая эпиграфом из претекста В.А. Жуковского и предисловием, где описывались обстоятельства создания: песнь предназначалась для исполнения на празднике московских купцов в годовщину освобождения Москвы. Примечательно, однако, что текст для кружкового слушателя И.В. Попов мыслил частью общенациональной истории:

¹ Подробнее о поэтике и проблематике оды см.: [30. С. 6–8], [36. С. 44–46].

В угождение их воле и по желанию собственному сия Песнь написана мною 6 числа того же октября, т.е. в самый тот день, в который Полночные Герои наши <...> довершили священнейший подвиг праведного мщения <...> в достопамятнейший день единственной в летописях мира битвы Лейпцигской, коей благодетельные следствия неизобразимы. <...> Радуюсь ото всего сердца, что всеконечное поражение злодеев всемирных, совершенное на равнинах лейпцигских, видел я в душе своей, находясь в стенах Москвы и – первый воспел оно [38. С. 2] (Ц. р. – 22 мая 1814 г.).

Лубочная брошюра «Знай русских!» являлась уже непосредственным образцом коллективного творчества. Она была составлена из семи небольших анонимных произведений, отсылавшихся на победы русских войск и воплощавших общее, не нуждающееся в персонализации, мнение о смысле и ходе войны. Из этих текстов в «Собрание» вошли четыре: «Акростих на новый 1813 год»¹, «Совет русского французам, народная песня», «Надпись короновавшемуся железною короною» и «Надгробие французам на Руси». Помещенные в конце антологии, они воспринимались как выражение национального духа и народной мудрости, видящей в поражении французов провиденциальный знак превосходства россиян. Характерной чертой мини-альманаха «Знай русских!» являлась и стилизация под фольклорные формы песни, паремии, под простонародно-диалектный дискурс («Мысли украинского жителя о нашествии французов, малороссийская ода»), сохраненная в «Собрании» и органично вписывавшаяся в контекст других «русских песен».

Подобные формы циклизации были характерны и для «высокой» литературы. Так, в кугушевскую антологию вошли стихи из брошюр Н.П. Николева «Три лирические стихотворения» (М., 1814) и М.И. Невзорова «Три оды» (М., 1814). Обе они соединяли тексты, ранее напечатанные в журналах² и посвященные разным эпизодам Отечественной войны, в плотное тематическое целое, за которым вырисовывалась картина общей исторической судьбы, переживае-

¹ «Акростих на новый 1813 год» принадлежал перу Н.Д. Иванчина-Писарева и был опубликован ранее в [39. С. 197].

² О чем, например, предуведомлял читателя М.И. Невзоров в примечании к «Оде на чудесные российские победы»: «В первый раз напечатано в апреле месяце «Друга юношества и всяких лет 1814 года» ([40. С. 11] (без даты ц.р.)).

мой автором и его аудиторией. Особенно выразительно это звучало в брошюре Н.П. Николева, связанной образом слепого поэта, чьи личные страдания усугубляются бедствиями родины. Н.П. Николев, который до последнего момента в своем подмосковном поместье «помогал и утешал бедный народ, а при том принимая, кормя, поя, леча и похороня ежедневно приходящих ко мне раненых и умирающих» [41. С. 410] (письмо Д.И. Хвостову от 5 ноября 1812 г.), после оставления Москвы бросил все свое имущество и с трудом добрался до Тамбова, где и были созданы стихотворения, вошедшие в брошюру («Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытия его величества в Москву июля 12 дня», «Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове по изгнании всеобщего врага из пределов Российских», «Ода победам российского воинства»), а затем в «Собрание» Н.М. Кугушева.

В целом стихотворения, извлеченные из отдельных публикаций, занимали в антологии значительное место. Среди еще не упоминавшихся это «Любовь к Отечеству. Ода» А. Писарева (СПб., 1812), «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года» (М., 1812), «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» (М., 1813), «На взятие Парижа. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов Великого Государя Императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона» (М., 1814) П.И. Голенищева-Кутузова, «Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» (СПб., 1812) Н.Ф. Остолопова, «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» (М., 1813) Д.П. Глебова, «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» (Харьков, 1813) С.В. Юшкова, «Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским» (СПб., 1813; 2-е изд.: СПб., 1814) Г.А. Окулова, «Наполеонов бостон» (СПб., 1813) Я.О. Пожарского. В совокупности они создавали в кугушевском «Собрании» фон активного персонального участия в литературной коммуникации, стремления литераторов разного уровня, мировоззрения, художественных ориентаций обратиться к нацио-

нальной аудитории напрямую, быстро откликаясь на текущие события. Их универсальной формулой становился образ «поэта среди сограждан».

Литература

1. *Очерки по истории русской журналистики и критики*. Л., 1950. Т. 1.
2. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
3. *Березина В.Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965.
4. *Иезуитова Р.В.* Литературные объединения и журналы первой четверти XIX века // *История русской литературы*: в 4 т. Л., 1981. Т. 2.
5. *Даденков Н.* Иван Петрович Пнин: Опыт его биографии и обзор литературной деятельности. Нежин, 1912. (Известия Нежинского историко-филологического института. Т. 27).
6. *Орлов В.Н.* Русские просветители 1790–1800-х годов. М., 1950.
7. *Гиттис В.В.* «Вестник Европы» 1802–1830 годов // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 201–204.
8. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.
9. *Зубков Н.Н.* Иностранная литература в журнале «Вестник Европы» Н.М. Карамзина: (Структура журнала и позиция издателя) // *Книга в системе международных культурных связей*. М., 1990.
10. *Киселев В.С.* «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // *Русская литература*. 2008. № 2.
11. *Кляйн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010.
12. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
13. *Тодд Ш У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996.
14. *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков*. СПб., 2006.
15. *Агейкина И.Н.* Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // *Вестн. РГГУ*. 2008. № 11.
16. *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010.
17. *Велижнев М.Б.* «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
18. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
19. *Лотман Ю.М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К столетию пятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962.
20. *Листовки Отечественной войны 1812 года*. М., 1962.
21. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967.
22. *Киселев В.С.* Мегатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск, 2006.

23. *Фоменко И.Ю.* Редкие издания Военно-походной типографии (1812–1815) в фонде Музея книги Российской государственной библиотеки // *Русская литература*. 2002. № 1.
24. *Фоменко И.Ю.* «Большая походная сума» – редкое издание Военно-походной типографии // *Отечественная война 1812 года: Источники, памятники, проблемы: материалы XII Всерос. науч. конф.* М., 2005.
25. *Фоменко И.Ю.* Военно-походная типография и стилистические поиски первой четверти XVIII в. // *Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы* : материалы XIII Всерос. науч. конф. М., 2006.
26. *Липранди И.П.* Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876.
27. *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958.
28. *Березкина С.В.* А.С. Кайсаров и В.А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова: (По неопубликованным воспоминаниям Н.А. Старынкевича) // *Русская литература*. 1986. № 1.
29. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1999. Т. 1.
30. *Янушкевич А.С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // *Проблемы метода и жанра*. Вып. 9. Томск, 1983.
31. *Янушкевич А.С.* В мире Жуковского. М., 2006.
32. *Дурьлин С.Н.* Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943.
33. *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М., 1983.
34. *Пигарев К.В.* Неосуществленный замысел Карамзина // *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры*. М.; Л., 1966.
35. *Освобождение Европы и слава Александра I.* Стихотворение Н. Карамзина, посвященное московским жителям. Второе издание. Продается в пользу С.П.Б. женского патриотического общества. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1814. (Ц.р. от 19 июня 1814 г.).
36. *Фризман Л.Г.* 1812 год в русской поэзии. М., 1987. С. 44–46.
37. *Полевой К.А.* Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1.
38. *Попов И.В.* Певец среди московских граждан 11-го Октября 1813 года. М.: В типографии С. Селивановского, 1814.
39. *Вестник Европы*. 1812. Ч. 66, № 23/24.
40. *Три оды.* Сочинение Максима Невзорова. М.: В университетской типографии, 1814.
41. *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980.

THE BOOK AND JOURNAL SOURCES OF THE ANTHOLOGY COLLECTION OF POEMS RELATING TO THE UNFORGETTABLE 1812 BY N.M. KUGUSHEV (ARTICLE I).

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 6–24. DOI: 10.17223/23062061/9/1

Kiselev Vitaliy S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: history of Russian literature; history of Russian journalism; literary communication; N.M. Kugushev; Patriotic War of 1812

The paper aims to analyze the forms of social and cultural communication typical of the early nation-building of the early nineteenth century, and their reflection in the sources of a poetic anthology by N.M. Kugushev dedicated to the Patriotic War of 1812. The Napoleonic Invasion and the Patriotic War of 1812 significantly affected literary communication: new forms appeared and old ones were modernized. N.M. Kugushev's *Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812* (1814), as the poetic picture of the era, reflected the consequences of these socio-cultural changes. The origin of the *Collection* is inextricably connected with the fate of a number of communicative forms, from the journal to the leaflet. The poetic texts N.M. Kugushev selected for the anthology were published in six journals: *Vestnik Evropy* (26 poems), *Drug yunoshstva* (12 poems), *Chteniya v Besede lyubiteley russkogo slova* (6 poems), *Sankt-peterburgskiy vestnik* (2 poems). The vast majority of the poems were originally published in the most popular editions of the time, *Russkiy vestnik* (55 poems) and *Syn otechestva* (48 poems). 27 poems of the anthology were published in 1812–1814 as separate booklets or parts of anthologies. These editions offered original models of socio-cultural communication; model features were the background for the poetic interpretation of the events of the Patriotic War of 1812, and readers of the anthology perceived them.

Publication sources show how the increased attention to the contemporary events that become historically significant on the spot transforms cultural communication, highlighting the efficiency, ability to fast and, possibly, comprehensive, universal interpretation of the material. This pronounced topicality made the poetry of *Syn otechestva* and *Russkiy vestnik* the most significant phenomenon of literature, and the carcass of the anthology. In the context of topicality, literary journals (*Vestnik Evropy*), circle editions (*Drug yunoshstva*, *Chteniya v Besede lyubiteley russkogo slova*, *Sankt-Peterburgskiy vestnik*) altered their communicative orientations losing their semantic and artistic isolation. Reflection on modernity was connected with the desire to address a broad, nationwide audience, and expressed the changes in the collective consciousness formed by the totality of individual voices. The range of sources of the *Collection*, reflecting the diversity of ideologies, aesthetic positions and author styles, demonstrates the challenging way to unity supported by the ideal of national integrity, by the urgent need in a consistent nation-building.

References

1. Evgen'ev-Maksimov, V.E. et al. (eds) (1950) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
2. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy chetverti XIX veka* [Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
3. Berezina, V.G. (1965) *Russkaya zhurnalistika pervoy chetverti XIX veka* [Russian Journalism of the First Quarter of the XIX Century]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Iezuitova, R.V. (1981) Literaturnye ob"edineniya i zhurnaly pervoy chetverti XIX veka [Literary associations and magazines of the first quarter of the 19th century]. In: Prut-

sko, N.I. at al. (eds) *Istoriya russkoy literatury: V 4 t.* [The History of Russian Literature. In 4 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.

5. Dadenkov, N. (1912) Ivan Petrovich Pnin. Opyt ego biografii i obzor literaturnoy deyatel'nosti [Ivan Petrovich Pnin. The experience of his biography and an overview of literary activity]. *Izvestiya Istoriko-filologicheskogo instituta*. 27.

6. Orlov, V.N. (1950) *Russkie prosvetiteli 1790–1800-kh godov* [Russian Educators of 1790–1800s.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

7. Gippius, V.V. (1939) “Vestnik Evropy” 1802–1830 godov [*Vestnik Evropy* in 1802–1830]. *Uchenye zapiski LGU*. 46(3), pp. 201–204.

8. Lotman, Yu.M. (1997) *Karamzin* [Karamzin]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

9. Zubkov, N.N. (1990) Inostrannaya literatura v zhurnale “Vestnik Evropy” N.M. Karamzina: (Struktura zhurnala i pozitsiya izdatelya) [Foreign literature in *Vestnik Evropy* by NM Karamzin (the structure and the position of the magazine publisher)]. In: Kotrelev, N.V. (ed.) *Kniga v sisteme mezhdunarodnykh kul'turnykh svyazey* [Book in the System of International Cultural Relations]. Moscow: All-Russian State Libraru of Foreign Literature.

10. Kiselev, V.S. (2008) “Sobranie obraztsovykh russkikh sochineniy i perevodov v proze” i al'manakhi-antologii nachala XIX veka [*The Collection of Russian Best Works and Translations in Prose* and anthologies of the early 19th century]. *Russkaya literatura*. 2.

11. Klein, I. (2010) *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow: Indrik.

12. Andersen, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: KANON-Press-Ts.

13. Todd III, U.M. (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Literature and Society in the Age of Pushkin]. Translated from English by A.Yu. Mirolyubova. St. Petersburg: Akademicheskij Proekt.

14. Badalyan, D.A. (2006) Ponyatie “narodnost” v russkoy kul'ture XIX veka [The concept of “narodnost” in the Russian culture of the 19th century]. In: Koposov, N. et al. *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI – XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia in the 16th – 20th century]. St. Petersburg: Aleteya.

15. Agejkina, I.N. (2008) Ideologemy “narod” i “narodnost” v russkoy publitsistike XIX v. [Ideologemas “people” and “nationality” in Russian publicism of the 19th century]. *Vestnik RGGU – RSUH/RGGU Bulletin*. 11.

16. Miller, A.I. Priobretenie neobkhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponyatiya natsiya v Rossiyu (nachalo XVIII — seredina XIX v.) [The necessary, though not quite convenient, acquisition: the transfer of the notion ‘nation’ to Russia (the early 18th – mid 19th centuries)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium Inter Pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

17. Velizhev, M.B. (2004) “Vestnik Evropy” v literaturnoy i obshchestvennoy zhizni vtoroy poloviny 1800-kh gg. [*Herald of Europe* in the literary and social life of the late 1800s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

18. Zorin, A.L. (2001) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX veka* [Feeding the

Double-Headed Eagle ... Russian Literature and State Ideology in the late 18th – early 19th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

19. Lotman, Yu.M. (1962) Pokhodnaya tipografiya shtaba Kutuzova i ee deyatelnost' [The military typography of the Kutuzov's Headquarters and its activities]. In: Fadeev, A. et al. (ed.) *1812 god: K stopyatidesyatiletyu Otechestvennoy voyny* [1812: To the Patriotic War Sesquicentennial]. Moscow: USSR AS.

20. Beskrovniy, L.G. (ed.) *Listovki Otechestvennoy voyny 1812 goda* [The Leaflets of the Patriotic War of 1812]. Moscow: USSR AS.

21. Tartakovskiy, A.G. (1967) *Voennaya publitsistika 1812 g.* [Military journalism in 1812]. Moscow: Mysl'.

22. Kiselev, V.S. (2006) *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze konitsa XVIII – pervoy treti XIX veka* [Metatextual narrative structures in the Russian prose of the late 18th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

23. Fomenko, I.Yu. (2002) Redkie izdaniya Voенно-pokhodnoy tipografii (1812–1815) v fonde Muzeya knigi Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Rare editions of the Military typography (1812–1815) in the Museum of the Book in the Russian State Library]. *Russkaya literatura*. 1.

24. Fomenko, I.Yu. (2005) [*The Biggest Travelling Bag* - a rare edition of the Military typography]. *Otechestvennaya voyna 1812 goda: Istochniki, pamyatniki, problemy* [The War of 1812: Sources, Monuments, Problems]. Proc. of the 12th All-Russian Research Conference. Moscow. (In Russian).

25. Fomenko, I.Yu. (2006) [The military typography and stylistic pursuits of the early 18th century]. *Otechestvennaya voyna 1812 goda: Istochniki, pamyatniki, problemy* [The War of 1812: Sources, Monuments, Problems]. Proc. of the 13th All-Russian Research Conference. Moscow. (In Russian).

26. Liprandi, I.P. (1876) *Opyt kataloga vsem otdel'nym sochineniyam po 1872 god ob Otechestvennoy voyne 1812 goda* [A Catalog of all the works about the 1812 Patriotic War till 1872]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities.

27. Lotman, Yu.M. (1958) *Andrey Sergeevich Kaysarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni* [Andrey S. Kaisarov and the literary and social struggle of his time]. Tartu: Tartu State University.

28. Berezkina, S.V. (1986) A.S. Kaysarov i V.A. Zhukovskiy v voennoy tipografii pri shtabe Kutuzova (Po neopublikovannym vospominaniyam N.A. Starynkevicha) [A.S. Kaisarov and V.A. Zhukovsky in the Military typography at Kutuzov's headquarters (based on the unpublished memoirs of N.A. Starynkevich)]. *Russkaya literatura*. 1.

29. Zhukovsky, V.A. (1999) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

30. Yanushkevich, A.S. (1983) Zhanrovyy sostav liriki Otechestvennoy voyny 1812 goda i "Pevets vo stane russkikh voinov" V.A. Zhukovskogo [The genre of the lyrics of the 1812 Patriotic War and the "A Bard in the Camp of the Russian Warriors" by V.A. Zhukovsky]. In: *Problemy metoda i zhanra* [The Problems of Method and Genre]. Issue 9. Tomsk: Tomsk State University.

31. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In Zhukovsky's World]. Moscow: Nauka.

32. Durylin, S.N. (1943) *Russkie pisateli v Otechestvennoy voyne 1812 goda* [Russian Writers in the Patriotic War of 1812]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

33. Eidelman, N.Ya. (1983) *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow: Kniga.
34. Pigarev, K.V. (1966) Neosushchestvlenyy zamysel Karamzina [The unfulfilled plan of Karamzin]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoy kul'tury* [The Role and Importance of the 18th-Century Literature in the History of Russian Culture]. Moscow; Leningrad: Nauka.
35. Karamzin, N. (1814) *Osvobozhdenie Evropy i slava Aleksandra I* [The liberation of Europe and the glory of Alexander I]. St. Petersburg: Typography of I. Ioannesov.
36. Frizman, L.G. (1987) *1812 god v russkoy poezii* [1812 in the Russian Poetry]. Moscow: Znanie. pp. 44-46.
37. Polevoy, K.A. (1860) *Zapiski o zhizni i sochineniyakh N.A. Polevogo* [Notes on the Life and Works of N.A. Polevoy]. Part 1. St. Petersburg.
38. Popov, I.V. (1814) *Pevets sredi moskovskikh grazhdan 11-go Oktyabrya 1813 goda* [The Singer Among Moscow Citizens on the 11th of October, 1813]. Moscow: S. Selivanovsky.
39. *Vestnik Evropy – Herlad of Europe*. (1812) Part 66. 23/24.
40. Nevzorov, M. (1814) *Tri ody* [Three Odes]. Moscow: University Typography,
41. Makogonenko, G.P. (ed.) *Pis'ma russkikh pisateley XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka.

Е.И. Тулякова

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИЗДАТЕЛЯ
В ЖУРНАЛЕ «ДЛЯ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО
ЧТЕНИЯ» В. МАЙКОВА «ПОДСНЕЖНИК» (1858–1862)**

В статье рассматриваются две издательские коммуникативные стратегии, используемые В.Н. Майковым в детском журнале Подснежник» и позволяющие назвать его журналом «нового типа». Первая – прагматическая, реализуемая через издательский паратекст журнала и связанная с точкой зрения взрослого адресата. Вторая – художественная, направленная на читателя-ребенка, рассчитанная на его восхождение под руководством взрослого наставника от читателя «наивного» к читателю рецептивному посредством чтения и восприятия художественных произведений в журнальном метатексте.

Ключевые слова: детский журнал, коммуникативные стратегии, читатель, метатекст.

В журналистике 1850–1860-е гг. называют временем становления профессионального детского журнала. Развиваясь вслед за журналом взрослым, детский журнал впитывал в себя продуктивные издательские стратегии, тем самым пытался вписаться в общелитературный процесс и занять там свое особое место. Среди достижений детской журналистики этого периода авторитетный современный исследователь в данной области Л.Н. Колесова выделяет следующие: увеличение количества детских журналов (в XVIII в. их было 1–2, в первой половине XIX в. – 32, во второй половине – 70), дифференциация по возрастам, специализация по тематике, интересам, общественно-политической, педагогической, эстетической ориентации [1. С. 61–62]. Начинают формироваться типичные черты детского журнала как вида издания: периодичность, рубрицированность, единообразие оформления, привлекательность для читателя, многосубъектность, установка на общение с читателем и пр. Если взрослый журнал «принял близкий к современному вид и стал выполнять современные функции» в 1820–1830-е гг. [2. С. 581], то детский журнал – в 1860-е гг.

Журналом «нового типа» (М. Костюхина), положившим начало профессиональному детскому периодическому изданию, стал жур-

нал «Подснежник» (1858–1862). Его основателем и редактором-издателем стал Владимир Николаевич Майков (1826–1885), один из четырех сыновей известного живописца Николая Аполлоновича Майкова (1794–1873). Фигура издателя во многом определила и место, и концепцию, и судьбу журнала. Владимир Николаевич Майков, человек образованный (в 1850 г. окончил Петербургский университет), хорошо эрудированный (прекрасно знал английский язык, занимался переводами), трудолюбивый (занятия литературой совмещал со службой «нелитературного характера»), хорошо известный в литературной среде своего времени благодаря братьям (Аполлон Николаевич – поэт, Валериан Николаевич – литературный критик, Леонид Николаевич – кандидат филологических наук) и собственному дарованию (в его переводе в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» публиковались произведения Ч. Диккенса, В. Ирвинга, В. Скотта, Г. Бичер-Стоу, Г. Филдинга), проявил особый интерес и к издательскому делу. В 1856–1857 гг. он помогал А.В. Дружинину, редактору «Библиотеки для чтения». Это сотрудничество, очевидно, дало Владимиру Майкову тот опыт организации журнального дела, который позволил ему создать свой журнал, имеющий собственное направление, определенное и литературной позицией (увлечение европейской литературой), и личными интересами своего создателя (чувственные воспоминания собственного детства, гармоничная, творческая и счастливая семья, а также искренняя любовь к своей семье, жене и детям)¹.

Из коммерчески успешного взрослого журнала «Библиотека для чтения» Майков заимствует, прежде всего, прагматические коммуникативные стратегии издателя-книгопродавца А.Ф. Смирдина. Если детские журналы первой половины XIX в. имели ограниченную аудиторию (были ориентированы на детей высшего сословия, или учащихся определенных заведений), сферу распространения, высокую цену и потому «не выживали» долго, то В. Майков попытался расширить читательскую аудиторию, о чем говорят и тематика публикуемых произведений (появляются непривычные для детской ли-

¹ Фактический материал о жизни и деятельности В.Н. Майкова полно представлен в работе: Володина Н.В. Майковы; отв ред. В.А. Котельников. СПб.: Наука, 2003. 340 с. (Преданья русского семейства). Приведен нами с опорой на данное издание [З. С. 163–164].

тературы, но актуальные темы социального неравенства, крестьянского быта, тяжелого положения детей и пр.), и новый тип героя (крестьянские дети, бедные дети); сделать приемлемой цену (подписка на 12 книг в год стоила 6 р. Ср.: книги, которые приводятся в рекламных отделах журнала, стоят в среднем 1 р. 50 к., дороже журнала в 3 раза при том же объеме); расширить территорию распространения журнала, включая провинцию, предложить различные варианты подписки и др.

Прагматический подход определил издательский паратекст журнального ансамбля. Как и во взрослом журнале, он ориентирован на взрослого первочитателя-покупателя, реальную, биографическую личность.

Издательский паратекст, представляющий совокупность околотекстовых компонентов, выступая как самостоятельный вторичный (или периферийный) текст, имеет коммуникативно-прагматическое содержание и реализует совокупность функций: коммуникативную, рекламную, эстетическую. Обладая таким потенциалом, он репрезентирует первичные тексты издания и дает о нем самое первое представление, формируя читательские ожидания, определяя потребность в издании. В детском журнале «Подснежник» издательский паратекст выстраивается таким образом, чтобы убедить покупателя, взрослого наставника, в первую очередь в авторитетности журнала и полезности его приобретения для юного читателя.

Особенно актуальным это становилось в период идеологической борьбы за статус и место детской литературы и детской книги. Благодаря активному участию взрослых писателей, критиков, педагогов, общественных деятелей, издателей к 1860-м гг. было сформировано более или менее единое мнение: издание для детей должно быть одобрено цензурой, педагогикой, критикой; особым образом оформлено: сопровождаться иллюстрациями, прикладным материалом. По сути, все это и было критериями «хорошей» и «плохой» детской книги, в том числе и для ее покупателей.

Майков рассчитывал на широкое распространение журнала «Подснежник» и ему важно было убедить потенциального покупателя, что его детский журнал удовлетворяет основным требованиям к детскому изданию.

Для этого, во-первых, в журнал вводится официальный дискурс: на обороте титульного листа каждого номера издатель размещает

цензурное дозволение с указанием даты и имени цензора, а также одобрение Министерства народного просвещения на самом титульном листе.

Во-вторых, значительное место уделяется педагогическим материалам. Так, в № 2 (февраль) за 1860 г. на открывающей полосе (после раздела «Содержание») издатель помещает рекомендательное распоряжение господина министра народного просвещения об «употреблении журнала «Подснежник» в учебных заведениях министерства народного просвещения; в рекламном отделе к отдельным номерам (№ 2. Февраль. 1858; № 3. Март. 1860 и др.) Майков печатает статью «Об издании «Журнала для воспитания», которая занимает шесть полос издания и напрямую обращена ко взрослому читателю: «...прямое предназначенье нашего издания сделаться необходимым и вполне полезным руководством для родителей, воспитателей и преподавателей» [4. 1858. № 2. С. 172].

Педагогически-методический характер носят и статьи от издателя, регулярно помещаемые в разные номера журнала. Например, в № 2 (февраль) за 1859 г. взрослому покупателю разъясняется назначение журнала «Подснежник», который должен стать «непрерывным, беспрестанно наполняющимся и разнообразным источником чтения, которое должно служить правильным, периодическим *дополнением и развитием преподаваемых детям и юношам уроков по всем частям знаний*» (выделено мною. – *Е.Т.*), здесь же приводится его программа в совокупности образовательных, развивающих, воспитательных, эстетических задач. В № 1 (январь) за 1861 г. издатель формулирует методические принципы изучения истории: «соответствие современному состоянию исторической науки, (исторические факты. – *Е.Т.*) обнимали бы подробности предмета, изображались с возможною выпуклостью личности исторических деятелей, передавали происшествия с драматической занимательностью и представляли бы дух времени и колорит местности» [4. 1861. № 1].

Педагогический дискурс определяет цель и характер многих редакторских примечаний к статьям. Например, Майков объясняет связь исторического материала, помещаемого в журнал, с учебным курсом истории: «...а самый текст (должен. – *Е.Т.*) служить пополнением тех сведений, которые в учебники войти не могут, но без которых история мертва» [4. 1860. № 3. С. 86]; пытается донести до читателя свое видение преподавания истории: «...курс отечествен-

ной истории приходится сокращать, ограничивая его указанием и объяснением только важнейших явлений народной жизни. Соответственно с этим, составляются программы преподавания и пишутся учебники, причем и те и другие неизбежно грешат или сухостью, происходящею от желания коснуться как можно большего числа фактов, или неполнотою, если имелось в виду оживить имена, числа и происшествия драматическим рассказом и историческою мыслию» [4. 1860. № 3. С. 84].

Заметим, что издатель в этих материалах апеллирует только к взрослому читателю, укорененному в повседневно-практической сфере. Прямой читатель журнала, ребенок, здесь является лишь объектом редакторских замечаний. Методические материалы журнала предполагают осведомленность покупателя в современных педагогических конвенциях и потому должны быть оценены им высоко.

В-третьих, потенциального покупателя необходимо было убедить в качестве публикуемых материалов, в первую очередь художественных. В.Н. Майков делает ставку на литературную компетентность взрослого покупателя.

Прежде всего, издатель заостряет внимание на авторском уровне в организации журнала. Определенным знаком для взрослого читателя должно было послужить имя самого издателя, как говорилось выше, известного в литературной и культурной среде общества. Не случайно свое имя Майков помещает на титульном листе каждого номера, выделяет его достаточно броским полужирным шрифтом.

Планомерно издатель работает над авторским составом своего журнала, о чем свидетельствует программная рубрика самого первого номера «Участвующие в журнале». Всю полосу выходного титульного листа занимает список авторов, где среди малоизвестных имен детских писателей, полиграфически выделяются имена известные как в детской (Е.Е. Барышов, В.И. Водовозов, А.А. Пчельникова, М.О. Ростовская и др.), так и во взрослой литературе (И.А. Гончаров, Г.П. Данилевский, Н.А. Майков, Н.А. Некрасов, А.В. Никитенко, И.И. Панаев, А.Ф.Писемский, Я.П. Полонский, И.С. Тургенев и др.).

Фамилии и инициалы авторов произведений Майков размещает и в содержании каждого номера (это выглядит значимым на фоне принятого безавторства детских журналов XVIII–XIX вв.).

Акцентируется внимание к автору путем введения популярно-просветительских подстрочных примечаний. Например, в № 2 (февраль) за 1858 г. Майков помещает два стихотворения под заголовком «Из Саади» и дает достаточно развернутую биографическую справку о персидском писателе [4. 1858. № 2. С. 3–4]; в № 7 (июль) указывает на авторство рассказа «Лебеди»: «...этот рассказ взят из воспоминаний немецкого писателя Ламотт-Фуке, автора «Ундины», переведенной Жуковским [4. 1858. № 7. С. 19].

В отделе, посвященном рекламе книг, продаваемых в магазине В.А. Исакова, также выделяются (прописным начертанием) имена европейских и русских авторов, известных просвещенному читателю: Фенелон, Свифт, Бюффон и др. [4. 1858. № 5. С. I–V].

В номерах журнала встречаются рекламно-просветительские заметки редактора о выборе публикации того или иного автора. Так, в № 8 (август) за 1858 г. в статье «От редакции» подписчики уведомляются о подготовке для номеров «Подснежника» повестей для детей Натаниэля Готорна. Имя писателя здесь выделено крупным начертанием, издатель подчеркивает, что это знаменитый американский писатель и его произведения успешны в Америке и Европе, а потому «редакция надеется, что повести эти, исполненные юмора и глубокой нравственности, написанные изящным языком, будут иметь у нас такой же успех» [4. 1858. № 8. С. 148].

Примечательно, что ценность обещанных за подписку подарков от издательства, литературно-художественных изданий, издатель определяет именами их авторов (не случайно выделяет их жирным шрифтом). Например, подарок, обещанный в № 12 (декабрь) за 1858 г. ценен тем, что в него войдут отрывки из сочинений И. Тургенева, И. Гончарова, стихотворения А. Фета, Я. Полонского, А. Майкова.

Высокий художественный уровень публикуемых материалов подчеркивает и отбор хорошо известных, прежде всего в литературе взрослой, жанров и произведений. Майков отказывается от привычных для детского журнала жанров назидательной повести, басни, отдавая предпочтение привычным для взрослой публики стихотворению, рассказу, роману.

Наконец, в-четвертых, взрослому читателю, знакомому с книгоиздательской культурой своего времени, предстояло оценить, насколько внешне привлекателен детский журнал и удобно ли им

пользоваться. Этим объясняется строгое, четко структурированное оформление «Подснежника».

Содержание вынесено в начало каждого номера, по виду оно полноохватное, часто аннотированное, позволяющее составить представление о наполнении журнала и уровне публикуемых материалов; в отдельных номерах имеется ретроспективное содержание номеров журналов за прошлые годы (например, оно подверстывается к № 3 за март 1860 г.). Структура каждого номера оформляется системой рубрик: каждое новое произведение верстается с новой полосой со спусковым заголовком.

Забота издателя о достойном оформлении журнала видится в подборе иллюстративного материала. Например, редакция уведомляет читателя, что ею «выписаны из Парижа для «Повестей, заимствованных из мифологии» Натаниэля Готорна... картинки известного французского рисовальщика Берталля» [4. 1859. № 1. С. 137], в программе к журналу издателем обещаны «картинки, чертежи, географические карты, планы, которые, прикладываются к статьям» [4. 1859. № 2. С. VI] и пр.

Таким образом, прагматическая коммуникативная стратегия реализуется через издательский паратекст журнала, который формируется как единый самостоятельный риторический текст, рассчитанный на точку зрения взрослого адресата, его литературную и педагогическую компетентность, интересы, покупательские возможности. Издательский паратекст дает возможность представить взрослого «читателя» журнала как образованного человека, искушенного читателя, знакомого с литературным и издательским процессом своего времени, озабоченного эстетическим и интеллектуальным воспитанием ребенка в русле современной ему педагогической и культурной традиции.

Иная коммуникативная стратегия выстраивается издателем по отношению к читателю-ребенку, ее можно назвать эстетической или художественной. Она реализуется в процессе прочтения и восприятия художественного произведения, а потому в ситуацию общения оказываются втянутыми все участники художественного диалога: автор, персонаж и читатель.

В рамках отдельного произведения между ними возникают свои межличностные связи. Коммуникативные стратегии художественного произведения раскрываются через авторскую этико-эстетическую

позицию, воплощаются на разных уровнях поэтики и влияют на читателя. Их цель – вовлечение читателя в активный рецептивный диалог сопереживания – сотворчества – понимания.

Художественную стратегию общения с читателем использует и издатель, которого М.Н. Дарвин определил как «особого творческого субъекта, автора этой (журнальной. – *Е.Т.*) формы». И далее отметил: «Творческая роль автора журнала может быть сведена к созданию особой целостности формы как соединения разнородных текстов художественного и нехудожественного значений» [5. С. 277].

Художественная коммуникативная стратегия издателя реализуется в отборе, способах и последовательности представлении художественных произведений, вошедших в журнал, с расчетом их определенного восприятия. Преследуя цель в первую очередь эстетического развития ребенка, отбирая качественные произведения известных авторов из мировой художественной литературы, В.Н. Майков проектирует образ идеального читателя, не просто умеющего читать, но и владеющего «кодами» литературного произведения. Такого идеального читателя предстояло взрастить в рамках журнального метатекста. «Это означало, говоря словами В.С. Киселева, что в рамках метатекста, двигаясь от произведения к произведению, он расширял кругозор и усваивал новые способы ориентации, итогом же становилось превращение субъекта... в универсальную личность» [6. С. 25]. Это ориентация издателя придавала читателю внебытовой статус, делая его участником художественной реальности.

Однако преобразование читателя-ребенка было возможно только путем постепенного восхождения. Детский журнал как «многоязычное» издание учитывал разный уровень интересов, компетентности, культуры, возраста (детский и юношеский) читателя, а потому издателю было важно выстроить общение с ним так, чтобы не отпугнуть от чтения, затем вовлечь в этот процесс, а далее сделать его участником активного рецептивного диалога. По сути, издательская художественная коммуникативная стратегия имела четкую направленность от читателя «наивного» к читателю рецептивному под руководством взрослого читателя-наставника.

Такая издательско-авторская позиция обнаруживается, прежде всего, в тех материалах, в нарративную структуру которых встраивается повествовательная ситуация с участием взрослого и ребенка. Такое художественное произведение появляется буквально в каждом

номере «Подснежника», причем от номера к номеру усложняется коммуникативная модель: от авторитарных форм, где ребенок выступал в роли ведомого, к более свободным, предполагающим не прямые способы влияния, эстетическое воздействие.

В журнальном комплекте за первый 1958 г. отдельного внимания заслуживают произведения, части которых построены в форме беседы взрослого с ребенком, старшего с младшими. Известно, такие жанры, как беседа, наставление, поучение, были традиционны для детской литературы с момента ее зарождения, но критикой и педагогикой 1860-х гг. они были признаны архаичными в силу открытой назидательности, а потому нерекомендуемыми для детских изданий и писателей. Однако эти жанры были хорошо знакомы юному читателю из-за их распространенности в детской литературе первой половины XIX в. В.Н. Майков интуитивно почувствовал, что при первом знакомстве с изданием читатель будет искать в нем то, что ему ближе, а потому помещал в каждый номер журнала художественные произведения со встроеным знакомым жанровым механизмом.

Жанровая модель беседы-наставления выступала в своем привычном виде, выполняя традиционные функции: задавала программу прочтения, знакомила с тематикой художественного повествования, выводила к морали. Как правило, такие риторические зачины принадлежали повествователю или персонифицированному рассказчику, повествовательно-назидательная манера которого объединяла композиционные, достаточно самостоятельные части произведения: вводную, риторическую и основную, художественную. Роль повествователя сводится к прямому воздействию на читающего, и тот и другой оказываются за рамками художественного мира произведения.

В № 1 за 1858 г. издатель помещает рассказ В.И. Водовозова «Анализ», построенный по такому принципу. В первой части от лица повествователя вводится небольшой сюжет о некоем Авдее Михайловиче, который использовал ученое слово «рационально» не по назначению и оттого был смешон. Далее дается установка на сам рассказ: если вы будете знать слово «анализ», то сможете уместно его употреблять. В «художественной» части рассказа раскрывается сюжет о мальчике Косте, который не знал значение данного слова. Однако риторическое слово повествователя обнаруживается и здесь за счет прямой апелляции к читателю: «вы верно, подобно моему

знакомцу, не будете хвастать своею ученостью», «вы верно строго не осудите малютку», «представьте досаду, горечь, беспокойство Коли» и пр. Таким образом авторитарная позиция повествователя диктует восприятие текста ребенком. В составе журнального целого такую же позицию занимает издатель: в журнал входят две русские народные сказки, обработанные М. Михайловым, с очевидной моралью в финале (сказка «Три зятя» учит не завидовать, жить своей жизнью, «Кот и петушок» – быть послушным), поучительный рассказ «Машенька» В. Водовозова. Итак, художественная коммуникативная стратегия издателя в первых номерах «Подснежника» предполагала диалог-согласие автора журнала – авторов произведений – читателя.

Постепенно журнал наряду с риторически-назидательными рассказами вводятся произведения, рассчитанные на более высокий уровень читательского восприятия, причем от номера к номеру их становится больше. Например, рядом с русскими сказками, дидактическим рассказом Водовозова, очерком о Преподобном Феодосии Печерском Л.Н. Каймова, написанным по канонам жанра жития, в № 2 за 1858 г. Майков помещает произведение И.А. Гончарова «Два случая из морской жизни». Повествование здесь строится в виде привычной юному читателю беседы взрослого путешественника со слушающими детьми. Но риторическое слово рассказчика уступает место художественному. Читатель вовлекается в художественный мир произведения, занимая точку зрения персонажей, его образ встраивается в коммуникативную систему рассказа. Так, Майков задает читателю более сложный художественный код прочтения, наделяет определенной степенью свободы интерпретации и подготавливает к переходу на новый уровень читательской практики.

Этот переход осуществляется в журнальном метатексте второго года выпуска «Подснежника». Номера 1859 г. объединяет произведение Н. Готорна «Собрание чудес, повести для детей, заимствованные из мифологии», которое можно назвать программным как для каждого номера, так и для годового комплекта в целом: каждый номер открывается повестью из готорновского цикла. Выбор данного произведения в качестве центрального может быть обусловлен несколькими причинами, одна из которых – соответствие сложной субъектной организации цикла коммуникативным задачам издателя.

Каждая мифологическая повесть имеет художественную раму со своим сюжетом, поданным от лица безличного повествователя (встреча и подготовка беседы в начале и обсуждение услышанного в конце), системой героев (это подросток, юный наставник, ученый муж Евстафий Брайт, «заслуживший между детьми славу рассказчика волшебных сказок», и его слушатели – маленькие дети), со своей пространственно-временной организацией (идиллический хронотоп). Самостоятельность рамочного текста в составе отдельной повести подчеркивает и индивидуальный заголовок к нему, имеющий пространственное обозначение: «На крыльце Тенгвильда», «На берегу ручья», «На склоне холма». Художественно-мифологическое повествование о голове Горгоны, золотом осязании и прочем вложено в уста «любезного братца», «милого кузена» Брайта и адресовано слушающим.

Н. Готорн объединяет миниатюры, формируя художественную жанровую структуру «истории в истории», где повествователь, рассказчик и слушатели становятся художественными образами. Помещая такое произведение в свой журнал, Майков окончательно отходит от риторических форм общения с читателем-ребенком, размывая текстовые границы и на какое-то время погружая субъекта в иное коммуникативное измерение, понять которое можно, владея определенными художественными кодами. В составе журнального целого реализации такой коммуникативной стратегии издателя способствовал и журнальный художественный контекст: это отрывки из романа Бичер-Стоу (1859. № 2, 3), Ферри (1859. № 7), Шарля Дели (1859. № 7) и др.

Начиная с третьего года существования журнала общение с читателем-ребенком теряет любые риторические формы, целиком переносится в мир художественного произведения и выполняет художественно-эстетические функции. Издатель продолжает помещать в журнал произведения, воспроизводящие ситуацию общения взрослого с ребенком, но теперь и тот и другой являются героями художественного повествования. Таков рассказчик в повестях «Утиное болото» (перевод с фр.) (1860. № 2), «Дедушка и внучка» (составлено по роману Ч. Диккенса «Лавка древностей») (1861. № 1) и др. В процессе их прочтения читатель вынужден соотносить свои ощущения с чувствами и ощущениями персонажей, переносить на себя их эмоции, проходить череду событий, обретая новое для себя.

Постепенное приобщение читателя к таким произведениям с позиции издателя выдвигало на первый план культуртрегерскую функцию журнала, в чем состояла задача художественной коммуникативной стратегии Майкова.

Таким образом, использование двух различных по своим функциям, задачам, адресатам издательских коммуникативных стратегий позволило В.Н. Майкову сделать свой журнал «Подснежник», с одной стороны, коммерчески успешным, популярным, заслужившим положительные отклики взрослой аудитории: подписчиков, критиков, педагогов, журналистов, а с другой стороны, интересным и неназидательно полезным для детского читателя, разного по культурному опыту, социальной принадлежности, читательской компетентности, имеющего возможность «вырасти» в метатекстовом пространстве журнала. Единство этих стратегий, на наш взгляд, и определяет новизну данного издания.

Литература

1. Колесова Л.Н. Детские журналы России (1785–1917): учеб.-метод. комплект. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 260 с.
2. Мордовченко Н.И. Журналистика двадцатых – тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т 6: Литература 1820–1830-х годов. С. 579–610 // ФЭБ. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il6/il6-579-.htm>
3. Володина Н.В. Майковы; отв ред. В.А. Котельников. СПб.: Наука, 2003. 340 с. (Преданья русского семейства).
4. *Подснежник*: журнал для детского и юношеского возрастов / изд. В.Н. Майков. Санкт-Петербург. 1858–1862.
5. Дарвин М.Н. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / М.Н. Дарвин, В.И. Тюпа; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии. Новосибирск: Наука, 2001. 292 с.
6. Киселев В.С. Читатель в метатекстовой коммуникации // Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск, 2004. С. 23–28.

COMMUNICATION STRATEGIES OF THE PUBLISHER IN V. MAYKOV'S *PODSNEZHNIK*, A MAGAZINE "FOR CHILDREN'S AND ADOLESCENTS' READING" (1858–1862).

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 25–38. DOI: 10.17223/23062061/9/2

Tulyakova Elena I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: purple15@rambler.ru

Keywords: children's magazine; communication strategies; reader, metatext.

The journalism of the 1850s–1860s referred to the 19th century as to the time of professional children’s magazine development. At this time, the number of children’s magazines increases, they show differentiation and develop typical features. A magazine of the “new type” that laid the foundation for the professional children’s periodical was *Podsněžnik* (“Snowdrop”) (1858–1862). Its concept and place in the children’s journalism was largely determined by the figure of its publisher, Vladimir Nikolaevich Maikov (1826–1885). Knowing well the literary and journalistic milieu of his time, he organized a children’s magazine as a successful business enterprise using pragmatic and artistic communication strategies.

The pragmatic strategy of the publisher was connected with the expansion of readership, distribution territory, price reduction, marketing moves (a gift for a subscription, advertising of books and bookshops), and so on. A pragmatic approach also determined the publishing paratext of the magazine. It primarily focused on the adult reader-buyer with literary and pedagogical expertise, familiar with the book culture of the, and concerned with the aesthetic and intellectual upbringing of the child. The publishing paratext was organized in order to convince an adult mentor in the authority of the magazine and in the usefulness of its purchasing for the young reader. This, according to the publisher, was evidenced by the censorship permission, pedagogical materials (instructive pedagogical articles, educational and aesthetic program of the magazine, educational notes of the editor to the popular scientific articles), the high quality of the published works of art (selection of authors the adult reader knew, selection of the best works written especially for children, part of children’s reading, focus on the popular genres adult literature: a lyric poem, novel, short story), the visual appeal of the magazine, its usability (the rigor and clarity of design, selection of illustrations, etc.).

The publisher had a different communication strategy for the child-reader, it can be called aesthetic, or artistic. It is related to the selection, method and sequence of materials placement in the metatext unity of the magazine. The strategy is designed for the upbringing of ideal readers from their introduction to reading to involvement in this process and participation in the receptive dialogue under the leadership of the adult reader-mentor. This publisher and author’s position reveals primarily in the materials whose narrative structure integrates a narrative situation involving an adult and a child. It is no coincidence that materials with forms of conversation appear in virtually every issue of *Podsněžnik*; and with every issue the communicative model becomes more complicated: from authoritarian forms where the child was guided to free ones, implying indirect influence, an aesthetic impact. It is the unity of the two opposing communication publishing strategies that determines the novelty of the children’s magazine *Podsněžnik*.

References

1. Kolesova, L.N. (2014) *Detskie zhurnaly Rossii (1785–1917)* [Children’s magazines in Russia (1785–1917)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
2. Mordovchenko, N.I. (1953) Zhurnalistika dvadtsatykh — tridtsatykh godov [XIX veka] [Journalism of the twenties – thirties [19th century]]. In: Meilakh, B.S. (ed.) *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [The History of Russian Literature: In 10 Vols.]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 579-610. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il6/il6-579-.htm>.
3. Volodina, N.V. (2003) *Maykovy* [The Maykovs]. St. Petersburg: Nauka.

4. *Podsnezhnik* [Snowdrop]. A Magazine for Children and Youth. St. Petersburg. 1858–1862.

5. Darwin, M.N. & Tyupa, V.I. (2001) *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cycles in Pushkin's Works: On Studying the Poetics of Convergent Consciousness]. Novosibirsk: Nauka.

6. Kiselev, V.S. (2004) *Stat'i po teorii i istorii metateksta (na materiale russkoy prozy kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka)* [Articles on the theory and history of the metatext (based on the Russian prose of the late 18th – early 19th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 23-28.

А.Ф. Нурғалиева

ВОСПРИЯТИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ПОЭТОМ (М.И. ЦВЕТАЕВОЙ)

В статье намечаются закономерности прочтения поэтического текста Райнера Марии Рильке поэтом М.И. Цветаевой. Автор исследует коммуникацию как источник для понимания поэтических стратегий М.И. Цветаевой. Рассматриваются специфика обращения с «чужим» словом и особенности самораскрытия художественного мира через диалог с поэтом. На примере переписки анализируется взаимосвязь поэтики творчества М.И. Цветаевой и её отзывов о творчестве Р.М. Рильке. Ставится вопрос о диалектическом, философском характере лирики М.И. Цветаевой.

Ключевые слова: поэзия М.И. Цветаевой, восприятие поэзии, Р.М. Рильке, диалог.

Отношения читателя и автора всегда индивидуальны. Ключевым моментом в формировании роли читателя становится желание или нежелание воспринимающего вступить в диалог с чужим текстом. В творческое наследие М.И. Цветаевой входят посвященные поэтам лирика и эссе, а также письма. Адресатами поэтического и прозаического слова становятся А.А. Ахматова, В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, А.А. Блок, В.В. Маяковский, М.А. Волошин, Б.Л. Пастернак, К.Д. Бальмонт, О.Э. Мандельштам, Н.П. Гронский, А.С. Пушкин, Дж. Байрон, И. Гете, Г. Гейне, Р. Рильке.

Специфика диалога заключаются в том, что чужая поэзия является для поэта Цветаевой не материалом, к которому может быть найден некий «подход», а автор – не героем, который имеет некоторый биографический контекст. Вместе они становятся для поэта, по выражению Бахтина, «принципом», способом быть. В диалоге с творчеством Райнер Мария Рильке М.И. Цветаева, называя это явление, используют слово «сущность».

«Статья о Рильке потому еще бесполезна, – пишет М.И. Цветаева, – что он статей о других не писал, а о себе не читал. Не прочел бы (не прочтет) и моей. Рильке и статья (в Германии о нем даже пишут диссертации) – дикость. Вскрыть сущность нельзя, подходя со стороны. Сущность вскрывается только сущностью, изнутри – внутрь, – не исследование, а проникновение. Взаимопроникнове-

ние». Далее Цветаева использует образ реки. «Дать вещи проникнуть в себя и – тем – проникнуть в нее. Как река вливается в реку. Точка слияния вод – но оно никогда не бывает точкой, посему: встреча вод – встреча без расставанья, ибо Рейн – Майн принял в себя, как Майн – Рейн. И только Майн о Рейне правду и знает (свою, майнскую, как Мозель – мозельскую, вообще-Рейна, – вообще-Рильке – нам знать не дано). Как рука в руке, да, но еще больше: как река в реке. Проникаясь, проникаю. Всякий подход – отход» [1].

Переведя эти слова на научный язык, можем сказать, что лирический герой становится субъектом сознания самого поэта. Лирический герой Рильке входит в художественный мир М.И. Цветаевой и в нем трансформируется. Это подтверждается и тем, как автор отзывается о субъекте. Он наделяет художественный мир другого поэта такими характеристиками, которые мы могли бы отнести к его собственному.

После прочтения «Дуинских элегий» (1923) М.И. Цветаева не размышляет о звучании стиха, о его музыкальности, ритмичности, образности. Художественный мир Рильке растворился в ее поэтическом сознании и стал основой для трансляции собственных смыслов. Читатель становится автором:

«Тот свет (не церковно, скорее географически) ты знаешь лучше, чем этот, – пишет М.И. Цветаева, – ты знаешь его топографически, со всеми горами, островами и замками. Топография души – вот, что ты такое. И твоей книгой (ах, это была не книга – это стало книгой!) о бедности, паломничестве и смерти ты сделал для Бога больше, чем все философы и проповедники вместе (12-го мая 1926 г.)» [2].

Поэзия Рильке становится отражающим зеркалом для поэта М.И. Цветаевой, и ее поэзию тоже можно назвать «топографией души». «Поэтические “ситуации”, – пишет О.Г. Ревзина о поэзии М.И. Цветаевой, – не сюжетны, не событийны, а связаны с душевным прозрением, с мышлением о мире на поэтическом языке» [3]. Не случайно свой первый сборник «Вечерний альбом» Цветаева называет лирическим дневником. А на примере «Попытки комнаты» (1926), или «Поэмы воздуха» (1927), или «Поэмы Горы» (1924, 1939) мы видим, что художественное пространство уступает личностному переживанию, которое симультанно, которое не вспоминается, а переживается в данный момент, суть которого, по мнению Б.М. Гаспарова, может и остаться вне образов, так как поэт еще сам его не зна-

ет: он сначала его записывает, а затем уже в написанном узнает [4]. Но записывает его как реальность души, как реальность духовную, поэтому Священная история становится одним из источников образов лирики поэта, а глагол «быть» получает особый статус. Быть – значит отражать суть. Об этом, в частности, пишет исследователь лингвистического аспекта поэзии М.И. Цветаевой Л.В. Зубова [5].

Вслушивание поэта в свой душевный мир и фиксирование его через детали внешнего, осязаемого, имеющего устойчивые оценки, исследователями принято называть мифологизацией. Но, как уже было сказано, впечатление в произведениях М.И. Цветаевой не замещает мысль, как в творчестве импрессионистов, здесь впечатление трансформируется в осознание.

Осознание, выросшее в союзе с другим поэтом, читатель Цветаева доносит в письме до поэта Рильке, т.е. снова вступает в диалог, на что получает ответ надписью на «Дуинских элегиях» (1923): «Марине Ивановне Цветаевой. Касаемся друг друга. Чем? Крыльями. // Издалека ведем свое родство. // Поэт один. И тот, кто нес его, // Встречается с несущим временами. Райнер Мария Рильке. (Валь Мон, Глион, Кантон Во, Швейцария, в мае 1926)» [6].

Диалог с субъектом своего сознания выводит поэта к задачам философа и дает возможность продолжения диалога на другом уровне. Сознание поэта становится предметом для собственных интенций и интенций читательских, художественный мир разомкнут, так же как разомкнута читательская позиция.

«Поэт – тот, кто преодолевает (должен преодолеть) жизнь», – пишет М.И. Цветаева Рильке. «Вы возвращаете словам их изначальный смысл, вещам же – их изначальные слова (ценности). Вы говорите “великолепно”, Вы говорите о “великой лепоте”, о значении слова при его возникновении. (Теперь же “великолепно” – всего лишь стершийся восклицательный знак)» [6].

Каким образом эта характеристика может относиться к самой Цветаевой? Её лирика легко прочитывается в постклассической эстетике благодаря сталкиванию логически не связанных образов, на основе которых, казалось бы, невозможно построить повествование.

Истоки этого приема лежат в романтической эстетике. Поэтом создается поэтическое пространство, где органично могло бы развернуться «неизъяснимое» путем выстраивания семантических рядов через этимологическое значение слова. Таким образом, в глуби-

не между художественными образами лежит связь, разгадать ее как некий шифр, ребус предоставляется другому сознанию, и лирика М.И. Цветаевой также является заданностью для восприятия другого. Готовность стать субъектом другого сознания позволяет быть читателем, проникающим в мир другого поэта. Границы художественного мира воспринимающего и воспринимаемого становятся прозрачными.

«Дорогой Райнер, – пишет. М.И. Цветаева, – у Гёте где-то сказано, что на чужом языке нельзя создать ничего значительного, – я же всегда считала, что это неверно. (Гёте никогда не ошибается в целом, он прав в итоговом смысле, поэтому сейчас я несправедлива к нему). Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелagать» [6].

Мы же скажем, что читать стихи другого для М.И. Цветаевой – это значит перелagать чужой художественный мир на свой родной язык.

Литература

1. «Несколько писем Райнер Мария Рильке». http://www.tsvetaeva.com/prose/prg_rauner_nesk.php
2. *Письма* Р.М. Рильке. http://www.tsvetaeva.com/letters/let_rajner_7.php
3. *Ревзина О.Г.* Собственные имена в поэтическом диалекте М. Цветаевой. Состав собственных имен. <http://danefae.org/lib/ogrevzina/>
4. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/16.php
5. *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
6. http://www.tsvetaeva.com/letters/let_rajner_7.php

POETIC TEXT PERCEPTION BY POET MARINA TSVETAeva.

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 39–43. DOI: 10.17223/23062061/9/3

Nurgalievа Anastasiya F. Tomsk State University Research Library (Tomsk, Russian Federation). E-mail: virtr@lib.tsu.ru

Keywords: poetry of M. Tsvetaeva; perception of poetry; R.M. Rilke; dialogue.

The relationship of the reader and the author is always individual. The role of the reader always assumes the importance of one's willingness or unwillingness to engage in a dialogue with someone else's text. Marina Tsvetaeva's legacy contains materials that allow speaking about her dialogue with an "alien" text, in particular, with that of Rilke. The feature of this dialogue is that alien poetry and alien authors for Tsvetaeva are the "principle" (M. Bakhtin), a way of being, the "essence" (M. Tsvetaeva).

Tsvetaeva's comment on an article about Rilke suggests that this essence of "is only revealed by essence", through interpenetration. The lyrical hero of the "alien" author, Rilke, becomes the subject of Tsvetaeva's consciousness; Rilke's art world dissolves in Tsvetaeva's mind and is perceived through the art world of her own. The art world of the "alien" poet becomes the basis for the translation of her own senses.

Reflection of Rilke's poetry in the poetry of Tsvetaeva endows the latter with philosophical, intimate lyrical and spiritual features; makes it a poetry of impressions. Tsvetaeva's dialogue with Rilke, the subject of her consciousness, makes her philosophical poetry.

After the penetration into the position of a different person, one can unravel the artistic images of the poet. Readiness to become a subject of another consciousness allows becoming a reader penetrating into the world of another poet. Such penetration is particularly possible in poetry. For Tsvetaeva, reading poetry of a different author means to interpret someone else's art world into her mother tongue.

References

1. Tsvetaeva, M. (n.d.) *Neskol'ko pisem Rayner Mariya Ril'ke* [Several letters to Rainer Maria Rilke]. [Online] Available from: http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_rayner_nesk.php
2. Tsvetaeva, M. (n.d.) *Pis'ma R.M. Ril'ke* [Letters to R.M. Rilke]. [Online] Available from: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_rajner_7.php.
3. Revzina, O.G. (1991) *Sobstvennyye imena v poeticheskom idiolekte M. Tsvetaevoy* [Proper names in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva]. In: Grigoriev, V.P. (ed.) *Poetika i stilistika 1988–1990* [Poetry and Stylistics. 1988–1990]. Moscow: Nauka. pp. 172-192.
4. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gasp/16.php
5. Zubova, L.V. (1989) *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt* [The Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Tsvetaeva, M. (n.d.) *Pis'ma R.M. Ril'ke* [Letters to R.M. Rilke]. [Online] Available from: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_rajner_7.php.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/23062061/9/4

И.А. Айзикова

ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

В статье анализируется постановка проблемы читателя и чтения и ее решения, предлагаемые первым русским романтиком В.А. Жуковским в его литературно-критических статьях. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в первой половине XIX в. Жуковским формировалась самостоятельная концепция чтения и русского читателя, в основе которой лежит глубокое проникновение поэта в природу художественного текста, а также его ведущая мировоззренческая и эстетическая идея жизнотворчества. Ключевые слова: В.А. Жуковский, читатель, чтение, литературная критика.

Статья Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича «Романтическая эстетика и критика В.А. Жуковского», представляющая том «Эстетика и критика» Полного собрания сочинений и писем писателя, открывается следующим утверждением: «Родоначальник русского романтизма, Жуковский выступил и как его теоретик, пропагандист и популяризатор, проявив себя на критическом, журналистском, издательском поприще. Его многочисленные эстетические конспекты, критические статьи, размышления об искусстве в письмах и дневниках, записи на полях книг из его библиотеки – богатейший материал для осмысления его вклада в русскую эстетику и критику» [1. С. 413]. Среди проблем, поднимавшихся поэтом в этой области, следует выделить как одну из важнейших проблему читателя, которая, при всей изученности вопроса о самом Жуковском как читателе¹, до сих пор не привлекала внимания исследователей.

¹ В первую очередь следует указать на многочисленные работы томских филологов, изучавших библиотеку В.А. Жуковского, – Ф.З. Кануновой, Н.Б. Реморовой, Э.М. Жилияковой, А.С. Янушкевича, О.Б. Лебедевой, Н.Е. Разумовой, И.А. Айзиковой, Н.Е. Никоновой. Однако как самостоятельная эта про-

Между тем проблема читателя приобретает особый смысл в русской культуре первой половины XIX в., что определялось ее переходом из культуры эпохи Просвещения в культуру эпохи романтизма, отходом от установок на просвещение и воспитание личности путем воздействия на нее извне, с помощью наук и искусств, и закреплением в общественном сознании идеи саморазвития, жизнетворчества. Полное и глубокое осмысление эта проблема и поиски ее решения получили в литературной критике Жуковского, что, в свою очередь, позволяет по-новому, с точки зрения рецептивной эстетики, подойти к анализу критического наследия поэта¹. Кроме того, поиски Жуковского в области культуры чтения чрезвычайно созвучны нашему времени, также отмеченному веяниями переходности.

Уже в первой своей критической статье «О “Путешествии в Малороссию”», написанной в начале марта 1803 г. по поводу сочинения П.И. Шаликова, Жуковский подчеркивает актуальность и остроту проблемы читателя для своего времени. Вызвавшее единодушное «неприятие современников и насмешки критиков» [1. С. 451], это произведение было прочитано Жуковским совсем по-другому. И дело, думается, не в том, что он, как писал А.Н. Веселовский, «не разобрался в слащавой слезливости кн. Шаликова» [8. С. 49]. Жуковский, как и предполагал его друг Ан.И. Тургенев, посмотрел на этот текст с другой «точки зрения» [9. С. 422], продемонстрировав факт, следующим образом осмысленный современным исследователем: «...произведение не равно самому себе, и хотя текст словарно не изменчив, смысл произведения меняется, ибо рождается в процессе восприятия произведения читателем благодаря встрече его... опыта и жизненного опыта писателя» [10. С. 1].

Демонстрируя свой процесс чтения «Путешествия в Малороссию», Жуковский создает в статье своеобразную модель читателя, глубоко проникающего в авторский замысел и одновременно вступающего в сотворчество с ним в силу

блема не рассматривалась, она будет опущена и нами, так как требует специального изучения, выходящего за рамки данной статьи.

¹ О сочинениях В.А. Жуковского по эстетике и критике см.: [2], [3. С. 98–109], [4], [5] (разделы о Жуковском-критике), [6. С. 180–184], [7. С. 3–22], [1. С. 413–448] и др.

собственных культурных компетенций и художественного воображения. В статье запечатлен диалог сочинения и читателя как взаимодействие двух сознаний. Говоря словами Ю.М. Лотмана, текст, написанный Шаликовым, в процессе чтения его Жуковским «ведет себя как собеседник, в диалоге он перестраивается (в пределах тех возможностей, которые ему оставляет запас внутренней структурной неопределенности) по образцу аудитории, а адресат отвечает ему тем же – использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста» [11. С. 219–220].

Не углубляясь в оценку «Путешествия в Малороссию», подчеркнем, что Жуковскому явно удалось проникнуть в суть авторской – сентименталистской эстетики и поэтики, которая задает его определенную программу чтения. Статья начинается ясной и объективной формулировкой цели автора воспринимаемого текста: «При самом начале путешествия открывается цель автора. *Changeons de lieu pour nous dé faire du temps*, говорит он, и едет не с тем, чтобы описывать города и провинции, но с тем, чтобы уехать от времени, и если можно, увести читателя с собою» [1. С. 9].

В соответствии с авторской задачей Жуковский призывает читателей: «Не будем же искать в этой книге ни географических, ни топографических описаний... Автор думал об одном удовольствии читателя. Из отрывков его (сия книга составлена из отрывков), – попутно Жуковский-читатель фиксирует жанрово-родовую природу текста – его фрагментарность, характерную для сентименталистской прозы, – мы не узнаем, сколь многолюден такой-то город, могут ли ходить барки по такой-то реке и чем больше торгуют в такой-то провинции – мы будем бродить вместе с ним на крутой берег шумящего Днепра, последуем глазами за бурным течением реки, вздохнем близ могилы его друга, освещенной лучами заходящего солнца, и вместе с ним вспомним о прошедшем, которое невооруженно, которое быстро сокрылось и, может быть, унесло наше счастье» [1. С. 9].

Именно понимание шаликовской, сентименталистской, природы текста позволяет Жуковскому-читателю создать особое рецептивное пространство, внутри которого образуются новые идеи, образы и ассоциации, принадлежащие читателю, его художественному и мировоззренческому опыту. В рассматриваемой статье мы видим,

как перестраивается читатель в целях постижения авторского «мира текста» и как, в буквальном смысле слова, трансформируется сочинение Шаликова «по образу» адресата. Рассуждения о прочитанном органично переходят в пассажи читателя, дополняющие текст Шаликова и развивающие его в духе романтической эстетики и поэтики.

Так, пассаж о чувствительности развивает содержание этой центральной категории сентиментализма, понимаемой как некая заданная от рождения эмоциональная реакция человека на добро и зло, и сосредоточен на образе молодого человека-мечтателя «с пламенной душой», с «юным воображением», устремленным не в прошлое, а в будущее. Он переживает живое чувство, сложное и непредсказуемое, в котором соединены счастье, надежды, волнующие сердце желанья «узнать, что готовится ему за таинственным покровом». Пассаж заканчивается любимой мыслью Жуковского о скоротечности жизни и о том, что человеку ничего не осталось бы в этом мире, когда бы он «заранее положил в гроб свое сердце».

Воображение читателя создает свои образы и идеи, так далеко уводящие его от авторского текста, что он силой воли принуждает себя вернуться к авторскому замыслу: «Но я, кажется, хотел говорить о путешествии господина Шаликова! Возвратимся к нему!» [1. С. 10]. Таким же «но», останавливающим воображение и творческий порыв читателя, заканчивается пассаж о «путешественнике с образованною душою» («Но я опять забыл свой предмет...»). Цитату из главы «Летний вечер в Малороссии» читатель продолжает собственным пейзажем летнего московского вечера, вновь написанным в соответствии с романтической эстетикой. Такое чтение, считает Жуковский, находится в полном соответствии с авторской задачей: «Я читал... *Путешествие* г. Шаликова с удовольствием». Одновременно таким образом, как считает комментатор статьи Жуковского в Полном собрании сочинений и писем, писатель «выражает ироническое отношение к объекту критики» [1. С. 452]. Одним словом, статья являет результат чтения не только как рецептивной, но и как конструирующей деятельности Жуковского-читателя. Сочинение Шаликова выступает дополненным, конкретизированным, т.е. прочтенным, причем читатель выходит за пределы того, что содержится в

сочинении Шаликова, и составляет его новое, романтическое содержание. Такова исходная модель концепции чтения, которую Жуковский будет расширять, дополнять, по существу, однако, ничего в ней меняя¹.

Концепция читателя наиболее полно была выражена в статьях Жуковского, написанных и переведенных им для «Вестника Европы» в 1808–1811 гг., в которых, как и во всех других материалах, публикуемых в журнале, утверждалось уже сформированное новое – романтическое отношение к человеку и миру. В ряде статей Жуковский, в кругу других принципиальных проблем, ставит вопрос о читателе и предлагает пути его решения.

Статья, открывающая первый номер «Вестника Европы», вышедший под редакторством Жуковского (1808), «Письмо из уезда к издателю» начинается изложением концепции русского современного читателя устами Стародума, героя-литературной мистификации, вызывающей ассоциации с героем комедии Фонвизина «Недоросль», на что указал еще П.А. Вяземский [12. Т. 1. С. 264]. Главным положением речи Стародума является мысль о том, что «русские любят читать». Проблема заключается в том, что они выбирают для чтения. Выбор произведений, с его точки зрения, определяется ложной целью: «...читают единственно для рассеяния... книгою обороняются от нападающей скуки» [1. С. 177]. Чтобы не быть голословным, Стародум приводит в пример газету «Московские ведомости», издававшуюся при Московском университете и информировавшую общество о литературной жизни, публиковавшую рекламные объявления книгопродавцов. Он называет и Никольскую улицу в Москве, считавшуюся центром книготорговли. И там и там, считает Стародум, активно насаждается чтение романов, «ужасных, забавных, чувствительных, сатирических, моральных», достоинство которых состоит «почти в одном великолепном названии, которым обманывают любопытство» [1. С. 177].

Вступая в полемику с Н.М. Карамзиным, приветствовавшим в статье 1802 г. «О книжной торговле и любви ко чтению в России»

¹ Вопрос о концепции чтения Жуковского также требует более полного и специального рассмотрения, представляя собой актуальнейшую научную проблему.

чтение романов: «...я радуюсь, лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению <...> Одним словом, хорошо, что наша публика и романы читает» [13. С. 178–180], Жуковский голосом Стародума ставит вопрос о пересмотре соотношения «полезного» и «приятного» в чтении литературы, романа в частности. Роману, настаивает герой Жуковского, жизненно необходимо отпочковаться от «сказок» и «романцев», обратиться к изображению действительности и выработать для этого новые художественные средства. Отметим, что именно в 1800-е гг., как указывает современный исследователь, «на повестку дня встала задача создания романа, соединяющего широту взгляда на мир с вниманием к жизни частного человека» [14. С. 33] (см. также: [15. С. 176–197], [16. С. 151–170], [17. С. 7–13] и др.).

Чтение романов, которые предлагаются русскому читателю и, по мнению Стародума, представляют собой «пустую пищу для ума, несколько минут, поведенных в забвении самого себя, без скуки и деятельности, совершенно потерянных для будущего, – то ли называете, государи мои, чтением?». С точки зрения героя, выступающего рупором идей автора статьи, чтение не может быть «посторонним делом, которое позволено пренебрегать; пока не будем уверены, что оно принадлежит к одним из важнейших и самых привлекательных обязанностей образованного человека, по тех пор не можем ожидать от него никакой существенной пользы, и романы – самые нелепые – будут стоять на первой полке в библиотеке русского читателя. Пускай воспитание переменит понятие о чтении! Пускай оно скажет просвещенному юноше: обращение с книгою prepares к обращению с людьми – и то и другое равно необходимы!». Называя книгу другом человека, Стародум, по характеристике его собеседников читатель с большим стажем, утверждает, что «в обществе мертвых друзей становишься достойнее живых – то и другое требует строго выбора!» [1. С. 177].

В своей речи герой излагает целую программу самовоспитания читателя: «Каждый день несколько часов посвети уединенной беседе с книгою и самим собою; читать не есть забываться, не есть избавлять себя от тяжкого бремени, но в тишине и на свободе пользоваться благороднейшею частью существа своего – мыслью» [1. С. 177]. Такое понимание чтения как «торжественных минут

уединения и умственной деятельности», возвышения духом, озарения рассудка, приобретения внутренней свободы, «благородства и смелости» и утешения горестей органично вписывается в концепцию самосовершенствования, положенную Жуковским в основу «Вестника Европы» и своего творчества в целом и звучит чрезвычайно актуально и в наше время. «Читать с такой целью – действовать в уединении с самим собою для того, чтобы научить себя действовать в обществе с другими, – есть совершенствоваться, стремиться к тому высокому предмету, который назначен для тебя Творцом, час от часу более привязываться ко всему доброму и прекрасному...». С точки зрения Стародума, чтение – это большой труд и духовный подвиг: «Прочешь толстую книгу от доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей, и так, чтобы, закрыв ее, можно было дать самому себе отчет, какую дорогою дошел до последней мысли писателя, есть важный подвиг, на который... не всякий, привыкший к легким и приятным трудам, способен решиться» [1. С. 180].

Современный читатель, считает Стародум, далек «от такой благородной деятельности духа», так как превратил чтение в «ничтожное, унижительное рассеяние [1. С. 177]. Поскольку акт чтения, в понимании Стародума (Жуковского) – это двусторонний процесс: он организуется восприятием читателя, обладающего своим видением произведения, и текстовыми стратегиями автора, задающими «программу» чтения, постольку возможно «настроить» читателя на более высокий уровень диалога с литературой. Хороший журнал, с его точки зрения, мог бы, воспользовавшись «сильной охотой» русского человека читать, при «таком пестром выборе чтения» помочь читателю в определении его круга чтения, воспитывая в нем хороший художественный вкус предлагаемыми публикациями. Средств к тому множество: знакомство с «богатствами литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и где угодно; единственное условие – разборчивость» [1. С. 178].

Именно журнал, которому приходилось, как справедливо указывает Г.В. Зыкова, «добиваться признания самого права на

место в культуре» [18. С. 13]¹, который отвергался высокой литературой, потому что он во многом игнорировал ее нормы, отличаясь «энциклопедизмом» и отсутствием резкого разграничения художественной, научной, публицистической и т. д. прозы, и мог (подспудно) продвинуть словесность в ее развитии. Одновременно он мог развить литературные компетенции русского читателя, сформировать у него новые рецептивные ожидания и новую эстетическую реакцию на прочитанное путем трансформации старых, складывающихся из прежних представлений о жанрах, темах, формах, языке художественного произведения, наконец, привить ему вкус к чтению разной литературы – поэзии, прозы, сочинений на философские, политические, эстетические темы (последние три категории, по словам, Стародума, «требуют особенной зрелости от читателя» [1. С. 179]). Жуковский настаивает на необходимости изменения и внешних, и внутренних факторов, влияющих на качество чтения, он требует наращивания знаний читателя об окружающем мире и видит целесообразность формирования психологических предпосылок рецепции художественного текста, что позволяет углубить процесс чтения и сделать его более плодотворным.

Особую роль в воспитании читателя, в обучении его новым читательским практикам, что оказывается, в понимании Жуковского, оборотной стороной развития словесности, он отводит литературной критике, в которой видит «суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное [1. С. 248]. Принимая во внимание мысль о том, что «каждый читатель есть сам по себе критик, ибо он думает и судит о том, что читает» [1. С. 248], в статье «О критике» 1809 г. Жуковский утверждает представление о критике как образце читательской компетенции, как об особой читательской стратегии, присущей «профессиональному читателю».

Выстраивая классификацию читателей, автор статьи выделяет два «рода»: «...одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются с темным и весьма беспорядочным о ней понятием – это происходит или от непривычки мыслить в связи, или от некоторой беспечности,

¹ Об участии Жуковского в «Вестнике Европы», кроме этой работы, см.: [19. С. 87–118], [20. С. 201–228], [21. С. 71–80].

которая препятствует им следовать своим вниманием за мыслями автора и разбирать впечатления, в них производимые красотами или недостатками его творения; другие читают, мыслят, чувствуют, замечают прекрасное, видят погрешности – и в голове их остается порядочное, полное понятие о том, что они читали» [1. С. 249]. Жуковский подчеркивает, что «кривые и косые» суждения о художественном произведении связаны не только с отсутствием вкуса, но и с его «испорченностью предубеждениями» (т.е. уже сложившимися читательскими ожиданиями).

Позицию критика определяет установка на аналитическое, критическое восприятие, т.е. способность на основе литературных норм адекватно оценивать художественный текст. Он «одарен от природы глубоким и тонким чувством изящного <...> чувство показывает ему красоту там, где она есть... рассудок определяет истинную цену ее и не дает ему ослепляться ложным блеском <...>. Он знает все правила искусства, знаком с превосходнейшими образцами изящного; но <...> в душе его существует собственный идеал совершенства» [1. С. 249–250]. Критик – это особый читатель, который обладает определенной степенью отстранения от воспринимаемого текста, благодаря которому у него появляется возможность особенного вхождения в художественный мир другого. Он способен не только переживать и осмысливать прочитанное, но и осмысливать свое переживание, в связи с чем способен быть «Ариадниною нитью» для читателей, «облегчая для них работу ума», соединяя и приводя в систему то, что «им представлялось без связи», давая возможность «сравнивать собственные понятия с чужими, более или менее основательными» и, главное, распространяя художественный вкус, т.е. «чувство и знание красоты в произведениях искусства» [1. С. 249]. Формирование художественного вкуса, считает Жуковский, напрямую связано с «нравственной образованностью» человека. В собственных статьях 1809–1811 гг. («О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Московские записки», «Электра и Орест») и в более поздних, относящихся к 1840-м гг. («О стихотворениях И.И. Козлова», «Две сцены из “Фауста”»), представлена именно такая позиция литературного критика.

Особый интерес представляют статья Жуковского «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810) и его рецензии

на переводы – «Новая книга: Училище бедных, сочинение госпожи Ле Пренс де Бомон. Перевод с французского Настасьи Плещеевой» (1808) и «Радамист и Зенобия», перевод трагедии Кребийона, выполненный С.И. Висковатовым (1810). Важным моментом в них является подтекстовое сравнение акта чтения с процессом перевода. Перевод осмысливается Жуковским именно как процесс прочтения текста на другом языке, и в том и в другом случае основой рецепции является заложенная в природе литературного произведения многозначность, источником которой, в свою очередь, является образность художественного мышления автора. Именно потому переводчик, как и читатель, квалифицируется Жуковским как соавтор. Не обращаясь к этой проблеме, требующей специального изучения, остановимся лишь на статье «Новая книга», в которой, в связи с размышлениями о просвещении крестьян и представителей третьего сословия, купцов, ремесленников, ставится вопрос о массовом читателе.

Констатируя тот факт, что «в России, со времени размножения школ, средства просвещения сделались общими – купцы, ремесленники, даже простые земледельцы начинают учиться, читают» [1. С. 185], Жуковский утверждает, что это «необходимо для человека во всяком состоянии, и может быть благотельно в самой хижине земледельца» [1. С. 185]. Однако, учитывая тяжелый физический труд мещан и земледельцев, почти не оставляющий им свободного («праздного») времени, Жуковский полагает, что круг их чтения должен быть соответствующим их образу жизни. Он утверждает, что в этот круг должны входить только «прямо полезные» книги, обеспечивающие знакомство с «простыми понятиями чистой морали, весьма необширными... некоторыми приятными чувствами, которые, трогая сердце и оставляя в нем следы неизгладимые, делают его добрее и чище; точнейшими сведениями о тех вещах, которые принадлежат к особенному званию каждого – напр<имер> для ремесленника о его ремесле, для земледельца о земледелии» [1. С. 186].

Проблема заключается в том, считает Жуковский, что таких специально написанных для читателя из народа книг, учитывающих взаимосвязь его специфического сознания и культурного уровня и замысла автора, в России практически нет. Нет и писателей, «которые захотели бы жертвовать талантом своим такому кругу

людей, которых одобрение не может быть удовлетворительно для авторского самолюбия» [1. С. 187].

Именно закрытость имеющихся произведений для понимания малообразованными читателями заставляет их, даже научившихся в училищах читать, отказываться от чтения или причает к поверхностному чтению, не сопровождающемуся пониманием и переживанием прочитанного, т.е. диалогом с текстом, или, что несколько не лучше, «обременяет» «голову понятиями, для них ненужными, нередко весьма вредными. Напр<имер>, какую пищу найдет простолудин в истории, представляющей ему такие происшествия, в которых ему несвойственно принимать участия? Романы, привлекательные для светского человека, именно потому, что он находит в них ту самую сцену, на которой и сам играет какую-нибудь роль, знакомят простолудина с людьми, отдаленными от него званием, обычаями, образованностью; воображение переносит его в такой мир, из которого навсегда он исключен судьбою; невольно делает сравнение... и, может быть, научается не уважать себя в ограниченном своем состоянии. То же почти можно сказать и о других книгах, которые или писаны языком слишком высоким для людей, привыкших выражаться просто, или рассуждают о предметах, им чуждых» [1. С. 187].

Продолжая размышлять о «библиотеке поселян, ремесленников и им подобных», Жуковский предлагает примерный ее состав, в который должны войти *Катехизис морали, Обице понятия о натуре, о главных ее законах, о некоторых явлениях небесных, Энциклопедия ремесленников и земледельцев, Повести и сказки* (как «необходимое дополнение к *Катехизису морали*»), *Обице правила, как сохранять свое здоровье, народные стихотворения*. Учитывая читательский адрес, писатель советует авторам использовать простой, «без витийств» язык, рассуждения сопровождать примерами, «взятыми из жизни тех людей, для которых» они предлагаются; теорию излагать ясно и кратко; стихи писать так, чтобы чувства читателей становились нежнее, а мысли «приобрели бы некоторую живость» [1. С. 188]. Переведенная А.И. Плещеевой книга «Училище бедных», по мнению Жуковского, «может занять одно из первых мест в библиотеке простолудина: она включает в себе все главные правила практической морали, сделанной искусством автора привлекательною для таких людей, которые

вообще или не любят читать, или читают одни пустые сказки» [1. С. 189]. Статья заканчивается словами благодарности и автору, и переводчице, посвятившим «общей пользе» часть своей жизни¹.

Таковы основные вопросы о читателе, поднимаемые Жуковским в его литературно-критических статьях, и их решения, предлагаемые писателем. Изучение этого материала в аспекте названного проблематики убеждает в том, что в первой половине XIX в. первым русским романтиком успешно формировались самостоятельная концепция чтения и русского читателя современной Жуковскому эпохи, а также общая типология читателя, верхний уровень которой отводился литературному критику, способному стать посредником между писателем и читателем. В основе этих концепций лежит, с одной стороны, глубокое проникновение Жуковского в природу художественного текста, восприятие которого предполагает обязательный диалог произведения с читателем, а с другой – ведущая мировоззренческая и эстетическая идея жизнетворчества, определявшая творческую и духовную деятельность писателя на протяжении всей его жизни и оказавшая решающее влияние на переход русской культуры их эпохи Просвещения в эпоху романтической философии, этики и эстетики. Размышления Жуковского о читателе отчетливо показывают тенденции дальнейшего развития и литературы, и ее читательского восприятия.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 12: Эстетика и критика. М., 2012.
2. Сакулин П.Н. Взгляд Жуковского на поэзию. М., 1902.
3. Белоруссов И.М. Зачатки литературной критики: Жуковский // Филологические записки. Воронеж, 1891. Вып. 2. С. 98–109.
4. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959.
5. Кулешов В.И. История русской критики. М., 1972.
6. Курилов А.С. Теория критики в России XVII – начала XIX века // Проблемы теории литературной критики. М., 1980. С. 180–184.

¹ В статье «Писатель в обществе» (1808) подспудно Жуковский рассуждает о не менее сложных отношениях писателя и читателей из светского общества, отличающихся «образованностью, саном, происхождением», «разборчивым вкусом», привыкших раздавать награды талантам, но часто подчиняющих свои вкусы и оценки моде и общественному мнению.

7. *Прозоров Ю.М.* Литературно-критическое творчество В.А. Жуковского // В.А. Жуковский-критик. М., 1985. С. 3–22.
8. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
9. *Вацуро В.Э., Виrolайнен М.Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987.
10. *Ковылкин А.Н.* Читатель как теоретико-литературная проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
11. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2004.
12. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
13. *Карамзин Н.М.* Сочинения: в 2 т. М.; Л.: 1964. Т. 2.
14. *Рублева Л.И.* Романы В.Т. Нарезного: традиции и новаторство. М., 2002.
15. *Лотман Ю.М.* Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997.
16. *Мани Ю.В.* У истоков русского романа // Вопросы литературы. 1983. № 5.
17. *Сахаров В.И.* Русская проза XVIII–XIX веков: Проблемы истории и поэтики. М., 2002.
18. *Зыкова Г.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
19. *Галахов А.Д.* В.А. Жуковский: (Материалы для определения его литературной деятельности) // Отечественные записки. 1863. Т. 91, № 12, отд. 2.
20. *Гиттус В.В.* «Вестник Европы» 1802–1830 годов // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46, вып. 3.
21. *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.

THE PROBLEM OF THE READER IN V.A. ZHUKOVSKY'S LITERARY CRITICISM.

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 44–58. DOI: 10.17223/23062061/9/4

Ayzikova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; reader; reading; literary criticism.

One of the issues Zhukovsky, a literary critic, raised was a major problem of the reader. Despite the previous studies of Zhukovsky as a reader, the general aspect of the problem has still not attracted the attention of researchers. Meanwhile, the problem of the reader acquires a special significance in the Russian culture of the first half of the 19th century, which is determined by the culture transition from that of the Enlightenment to the culture of the Romantic era, by the change of orientations from education and upbringing of the individual by the outside influence of the arts and sciences to the idea of self-development, creative life. The literary criticism of Zhukovsky contains a very full and deep understanding of the problem as well as the search for its solution, which, in turn, allows a new approach, in terms of receptive aesthetics, to the analysis of the critical legacy of the poet. In addition, Zhukovsky's search in the culture of reading is extremely in tune with our time, also marked with trends of transition. The analysis of Zhukovsky's literary and critical articles shows that in the first half of the 19th century the first Russian

romanticist successfully formed independent concepts of contemporary reading and the Russian reader, as well as the general typology of the reader, with the literary critic, a potential mediator between the writer and the reader, at the top of the typology. The concepts are based on Zhukovsky's deep penetration into the nature of a literary text, the perception of which requires a mandatory dialogue of the text with the reader, as well as on the leading ideological and aesthetic idea of a creative life. This idea defined the creative and intellectual activities of the writer throughout his life and decisively influenced the transition of the Russian culture of the Enlightenment to the era of Romantic philosophy, ethics and aesthetics. Zhukovsky's reflections about the reader clearly show trends of further development of literature and its reader's perception.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochleniy: v 20 t.* [Complete Works. In 20 vols.]. Vol. 12. Moscow.
2. Sakulin, P.N. (1902) *Vzglyad Zhukovskogo na poeziyu* [Zhukovsky's view of poetry]. *Vestnik vospitaniya*. 5.
3. Belorussov, I.M. (1891) *Zachatki literaturnoy kritiki: Zhukovskiy* [The beginnings of literary criticism: Zhukovsky]. *Filologicheskie zapiski*. 2. pp. 98-109.
4. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy cheverti XIX v.* [Russian Criticism of the Early 19th Century]. Moscow; Leninrad: AS USSR.
5. Kuleshov, V.I. (1972) *Istoriya russkoy kritiki* [The History of Russian Criticism]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Kurilov, A.S. (1980) *Teoriya kritiki v Rossii XVII – nachala XIX veka* [The theory of criticism in Russia of the 17th – early 19th centuries]. In: Nikolaev, P.A. & Chernets, L.V (eds) *Problemy teorii literaturnoy kritiki* [Problems of the theory of literary criticism]. Moscow: Moscow State University. pp. 180-184.
7. Prozorov, Yu.M. (1985) *V.A. Zhukovskiy-kritik* [V.A. Zhukovsky – literary critic]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 3-22.
8. Veselovsky, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voo-brazheniya"* [V.A. Zhukovskiy. Poetry of Feeling and Heart Imagination]. St. Petersburg.
9. Vatsuro, V.E. & Virolaynen, M.N. (1987) *Pis'ma Andreyu Turgeneva k Zhukovskomu* [Letters from Andrey Turgenyev to Zhukovsky]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka.
10. Kovylnin, A.N. (2007) *Chitatel' kak teoretiko-literaturnaya problema* [The reader as a literary-theoretical problem]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Lotman, Yu.M. (2004) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo.
12. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy. T. 1–12* [Complete Works. Vols. 1–12]. St. Petersburg.
13. Karamzin, N.M. (1964) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
14. Rubleva, L.I. (2002) *Romany V.T. Narezhnogo: traditsii i novatorstvo* [Novels by V.T. Narezhny: Traditions and Innovations]. Moscow: Prometei.
15. Lotman, Yu.M. (2005) *O russkoy literature: Stat'i i issledovaniya (1958–1993). Istoriya russkoy prozy. Teoriya literatury* [About Russian literature: Articles and Research (1958–1993). The History of Russian Prose. Theory of Literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

16. Mann, Yu.V. (1983) U istokov russkogo romana [The sources of the Russian novel]. *Voprosy literatury*. 5.

17. Sakharov, V.I. (2002) *Russkaya proza XVIII–XIX vekov. Problemy istorii i poetiki* [Russian Prose of the 18th–19th centuries. Problems of History and Poetics]. Moscow: Institute of World Literature, RAS.

18. Zykova, G. (1998) *Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy» (1805–1830 gg.): raznochintsy v epokhu dvoryanskoy kul'tury* [Moscow University Journal *Herald of Europe* (1805–1830): Proletariats in the era of aristocratic culture]. Moscow: Dialog-MGU.

19. Galakhov, A.D. (1863) V.A. Zhukovskiy (Materialy dlya opredeleniya ego literaturnoy deyatelnosti) [V.A. Zhukovsky (Materials to determine his literary activity)]. *Otechestvennye zapiski*. 91(12).

20. Gippius, V.V. (1939) “Vestnik Evropy” 1802–1830 godov [*Herald of Europe* in 1802–1830]. *Uch. zap. Leningradskogo gos. un-ta*. 46(3).

21. Yanushkevich, A.S. (1985) *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [The Milestones and Challenges of Zhukovsky's Creative Evolution]. Tomsk: Tomsk State University.

Н.Е. Никонова

**В.А. ЖУКОВСКИЙ – ЧИТАТЕЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ
1840-Х ГГ.: СБОРНИК ГЕОРГА ГЕРВЕГА
«СТИХИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА» (1841)¹**

В научный оборот вводится материал помет и автографов Василия Андреевича Жуковского на страницах издания одного из самых известных немецких поэтов, представлявших новое революционно-демократическое направление, Георга Гервега (Herwegh G., «Gedichte eines Lebendigen» (1841)). В статье впервые представлен обзор и сравнительный анализ русской и немецкой рецепции личности и творческого наследия Гервега 1840–2010-х гг., в контексте которой замечания Жуковского имеют особое звучание.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Г. Гервег, рецепция, немецкая поэзия.

Лето 1841 г. ознаменовалось для немецкого мира настоящей литературной сенсацией. В Цюрихе вышла в свет первая часть сборника двадцатичетырехлетнего поэта Георга Гервега (Georg Herwegh, 1817–1875) «Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen» («Стихи живого человека. С посвящением умершему»). Книга возымела пьянящий эффект, оказала мощное влияние в равной степени на консерваторов и реакционеров. Это был новый род политической поэзии, основанной почти исключительно на риторике. Гервег оказался востребованным в застрявшей в бидермайере массово читающей и пишущей благочестивой Германии, понятным и близким противоборствующим партиям, прибегнув к беспроигрышной стратегии: штюрмерско-радикальный пафос его стихов основывался на незыблемой сюжетно-композиционной основе духовно-назидательной литературы, а также романтической натурфилософии и мифопоэтике. Незатейливое языковое воплощение вечных тираноборческих мотивов вкупе с актуальным для страны призывом к единению, протесту и освобождению сделали его стихи понятными для массового читателя. Жизнеутверждающий пафос несогласия скрывался уже в заглавии, которым автор прозрачно намекал на «Письма умершего» немецкого

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ № 12-34-01225 и №. 13-34-01228.

князя, писателя-путешественника, тонкого и ироничного рассказчика, майора русской службы и основателя самого большого европейского парка в английском стиле Германа фон Пюклера-Мускау, сочинения которого знал и Жуковский, читавший среди прочего вызвавший полемику Гервега четырехтомник князя «Briefe eines Verstorbenen Ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland. Frankreich. Deutschland und Holland, geschrieben in den Jahren 1826–1829» [1. С. 259]. Молодого поэта не устраивала оторванная от реальных дней романтическая ирония Пюклера-Мускау. В отличие от последнего, не получившего широкой известности в Германии и не стремившегося к ней, Гервег проснулся знаменитым. Известнейшие из его современников моментально отреагировали на его сенсационный дебют, окрестив его каждый на свой лад. А. Руге провозгласил Гервега «апостолом Нового времени», Г. Гейне, иронично предостерегая не знавшего броду, назвал его «железным жаворонком».

Как бы там ни было, первый том «Стихов живого человека» менее чем за два года (1841–1843 гг.) был переиздан шесть раз с немалыми тиражами (от одной до шести тысяч экземпляров). Слава Гервега шла впереди него, и способствовали этому не только успех разобранных на девизы пропагандистских стихов, но и его нелогичная, эпатажная стратегия обращения с обеими сторонами политического Олимпа.

Гервег остался, в сущности, автором одной книги, второе издание которой оказалось в руках Жуковского. Вместе с революционным настроением в сборнике присутствовали и песнь королю, и сонеты, не имеющие политической подоплеки, а также посвящения Гутенбергу, Уланду, Бюхнеру и др. Свойственная проповеди риторика автора, наследственного священника, не доучившегося на теологическом факультете, стала залогом не только грандиозного успеха, но и разгромной критики антологии Гервега и его стиля: друзья по революции упрекали его в бестелесности образов, собратья по перу иронизировали, однако узнаваемые формы и риторика духовно-назидательных жанров позволили ему быть понятным большинству, вписаться в контекст книжной культуры пиетизма и благочестия, подъем которой в Пруссии был фактически регламентирован на государственном уровне. Вряд ли сам поэт или его русский читатель могли представить себе реализацию эфемерных идей, которая настигла Германию спустя семь лет после выхода первой части цикла.

Прежде чем говорить о восприятии Жуковским пафоса поэзии Гервега, необходимо представить сложившиеся в гуманитарной мысли разнообразные образы этого немецкого автора, которому было суждено оставить глубокий след в истории русской словесности и русской мысли. Нам известны как минимум три модели восприятия, которые интересующиеся могут обнаружить в литературе о нем. Первая из них аутентична и обнаруживается в немецкоязычной традиции, где фигура Гервега была популярна в 1990-х гг., о чем свидетельствуют как минимум две посвященные ему монографии [2]. Авторы этих работ в определенной мере полемизируют. В книге писателя М. Краусника, вышедшей в 1993 г., поэзия Гервега определена как преходящее порождение революционной эпохи, незамысловато отражающее новые политические веяния, муссирующее клишированные понятия в стиле лозунгов. В монографии литератора и переводчика У. Энциенбергера личность Гервега представляется в героическом свете, о чем красноречиво говорит название его неоднократно издававшейся работы «Гервег. Жизнь героя» [3]. Однако в разысканиях немецких филологов специально не говорится о неполитической эстетике автора и той роли, которую революционный поэт сыграл в русской литературе благодаря драматической истории, связавшей его с семьей Герценов. Незамеченной в специальных работах осталась единственная в своем роде статья Г. Цигенгейста, опубликованного в 1962 г. два неизвестных письма Герцена и Гервега периода разрыва их отношений [4].

В России личность и наследие Гервега осмыслились поэтапно. Характер рецепции при этом определялся, как это часто бывает, культурно-исторической ситуацией в принимающей культуре. Начальный период восприятия, который условно можно отнести к 1870–1900-м гг., связан с первой попыткой представить Гервега и его поэзию в контексте немецкой литературы от ее начал до середины XIX в., предпринятой знаменитым литератором, переводчиком, издателем и поэтом Н.В. Гербелем (1827–1883). В его антологию «Немецкие поэты в биографиях и образцах» [5] вошли пять стихотворений Гервега в переводах П. Вейнберга, А. Плещеева, М. Михайлова, Н. Грекова и И. Крешева. Однако едва ли не большую значимость имеет вступительная заметка самого Гербеля, обрисовывающая биографию Гервега и его художественную манеру, при этом участие поэта в консервативном или революционном, коммунисти-

ческом или анархическом движениях намеренно не подчеркивается, а ярчайшие черты его поэзии, в том числе и политической, отмечаются с ясных литературоведческих позиций. Пожалуй, за всю более чем полуторавековую историю русской рецепции поэт Гервег не получил более интеллигентного, объективного портрета, чем от Гербеля. Впредь каждый из фактов этого восприятия будет иметь очевидную субъективную окраску, отражая рефлексамии облик самого реципиента.

Второй этап активного обращения отечественной словесности к наследию «железного жаворонка» связан с приходом и воцарением в России того идейного пафоса, который был характерен для стихов, определивших скандальную популярность немецкого поэта. Начало этого периода связано с послереволюционным десятилетием 1920-х гг., когда русский читатель получил «Стихи живого человека» в переводе Б. Пастернака (1925), неоднократно переиздававшуюся переводную антологию статей немецкого ученого Ф. Меринга «Мировая литература и пролетариат» (1925) и роман П.К. Губера «Кружение сердца. Семейная драма Герценов» (1928). Так полноценная русская переводческая рецепция Гервега началась именно со «Стихов живого человека», самого репрезентативного и не самого однозначного цикла, который и был предметом пристального внимания Жуковского. В совокупности новый образ Гервега, хотя и был значительно идеализирован в соответствии с новыми идеологическими задачами, политической пропагандой революционного подъема в 1920-х гг., все же обрел свои основные конститутивные черты.

В конце 1940-х гг., к столетнему юбилею революционных событий, свидетелем которых стал Жуковский, в Советской России был выпущен новый том немецкой политической поэзии, в котором не последнее место занимали стихи Гервега. Подборка его сочинений следовала за открывавшими антологию сочинениями Г. Гейне и более чем в два раза превышала их количество. Большинство переводов (29 из 34) было выполнено Н.Л. Вержейской (1903–1985), в работе также участвовали известные профессионалы А. Арго (А. Гольденберг, 1897–1968) и Л.М. Пеньковский (1894–1971). Переводческая стратегия в целом определяется как вольная, иногда доходящая до своеволия. И без того скудные реалии, культурно-исторический генезис и философские основы стихотворного мира немецкого поэта сглажены и приближены к советской действитель-

ности и советскому читателю, в результате чего выборка Гервега прочитывается как образцовая агитпропаганда для внутреннего потребления. Автором комментариев и вступительной статьи к изданию «Немецкая поэзия революции 1848 года» выступил известный мастер перевода и исследователь русско-европейских литературных связей И.В. Миримский. В его статье Гервег представлен «талантливейшим певцом зари германской революции 1848 г.», в чьих стихах «оптимистический порыв к солнцу, язычески жизнерадостная чувственность, весенняя многокрасочность сочетаются с восторженной любовью к народу и страстной ненавистью к его угнетателям» [б. С. 10–11]. К подобному вчитыванию собственных смыслов, актуальных для послевоенной эпохи в СССР, располагали характерный агитационно-пропагандистский пафос и прозрачная риторическая основа поэзии Гервега. В действительности, всматриваясь в аутентичный контекст жизни и творчества этого современника Жуковского, вряд ли можно признать справедливость рассуждений Миримского, находящихся в том же стилистическом и эмфатическом регистре, что и избранные предметы внимания комментатора. В это же время вышла актуальная работа М.В. Серебрякова «Поэт Гервег и Маркс» (Л., 1949), освещающая малоизвестные, интересные факты из биографии и творческого диалога двух личностей и также не лишенная неизбежного идеологического подтекста.

Спустя десятилетие русская литература обратилась к наследию Гервега специально, обозначив новый этап рецепции крупной антологией свежих переводов его стихов «Избранное» (М., 1958) и рядом литературоведческих трудов, из которых особо выделяются работы А.Л. Дымшица [7] и С.В. Тураева [8]. На этот раз в собрание вошли около сотни стихотворений Гервега, большую часть из них составил материал первого тома «Стихов живого человека», при этом поэт оказался представленным с различных сторон: не только как представитель радикального политического направления, но и как автор полноценных в художественном смысле произведений. В «Избранное» были включены талантливейшие, с нашей точки зрения, переводы Б.Л. Пастернака, доработанные и часто выполненные заново переводы Н.Л. Вержейской, а также работы признанных мастеров советской школы поэтического перевода Л.В. Гинзбурга, Е.Г. Эткинда и др. В обстоятельном вступительном очерке гейневеда А.И. Дейча Гервег, его деятельность и творчество получили все-

стороннее освещение, свою историю о немецком поэте автор предисловия заключал справедливым утверждением: «В его творческом наследстве остались прежде всего “Стихи живого человека”». Они вошли в сокровищницу немецкой национальной поэзии» [9. С. 9].

В 1970-х гг. статьи о Гервеге переписывались для учебников по немецкой литературе и антологий. При этом характеристики его художественного метода звучали все более критично. Так, авторы «Истории зарубежной литературы XIX века», отмечая, что «сороковые годы XIX века были периодом расцвета немецкой революционно-демократической поэзии», оставляет целый ряд объективных наблюдений, лишенных идеологической модальности. Например, небезосновательно полагая, что, во-первых, «успех сборника Гервега объясняется тем, что политическая по преимуществу тематика стихов, их гражданский боевой пафос были в немецкой поэзии тех лет чем-то необычным и новым» и что, во-вторых, «пафосу стихов Гервега свойственна большая доля абстракции: слова “тирания”, “деспотизм”, “свобода” и другие никак не конкретизируются поэтом, у них нет точного “адресата”, в них нет исторически точного социально-политического содержания» [10]. Наконец, в 1997 г. вышла во многом итоговая монография С.В. Тураева «Революция во Франции и немецкая литература» [11], где обстоятельно исследуется широкий историко-культурный контекст, в котором представляется наследие Гервега, уточняются многие факты его биографии и характеризуется генезис мировоззрения поэта.

И все же Гервегу суждено было с новой силой «откликнуться» в истории русской литературы и гуманитарной мысли спустя полвека после выпуска «Избранного» на русском языке. Всплеск внимания ознаменовался выходом в 2009–2013 гг. сразу нескольких работ, посвященных отношениям немецкого поэта с А.И. Герценом и его супругой Натали. В постсоветской русистике неоднозначная и неординарная личность немецкого поэта приобрела новые черты, внимание сосредоточилось на любовном треугольнике Герцены – Гервег, послужившим главным прототипом для «Былого и дум». Так, в 2009 г. вышло объемистое эссе литератора и ученого В.А. Широкова под заглавием «Любовная геометрия Герцены» [12], автор которого не скупится на яркие характеристики в адрес немецкого поэта, «писаного красавца», «рокового мужчины для жены Герцены», старательно «втиравшегося в доверие к русским друзьям» и в результате

фактически погубившего их своей «бесхарактерностью», «торгашеским чутьем», «многословными и лживыми излияниями» [12]. Из сочинения В.А. Широкова явствует, однако, что роль Гервега в истории русской интеллигенции отнюдь не малозначима. Этот тезис получает свое доказательное развертывание в последовавшей за эссе статье И.А. Паперно 2010 г. «Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции» [13].

И.А. Паперно удалось проследить более чем полуторавековую историю бытования и изучения семейной драмы Герценов и Гервега и сделать некоторые выводы. Во-первых, о том, что «история семейной драмы Герцена превратилась в один из культурных институтов русской интеллигенции: связь между интимностью и историей стала <...> воспроизводимой в жизни отдельного человека»; во-вторых, «для многих — друзей, читателей, исследователей, писателей — причастность к семейной драме Герцена стала переживанием глубоко личным, интимным»; и хотя «поколения исследователей русской общественной мысли и литературы живо интересовались семейной драмой Герцена, эта история еще не закончилась» [13].

Словом, не вызывает сомнений важность той роли, которую Гервег, сам того не подозревая, сыграл в истории русской мысли, русской словесности и культуры в целом. Эта роль является едва ли не более значимой, чем место, занимаемое им в мировой литературе. Конечно, поселившемуся в 1840 г. в Германии первому русскому романтику В.А. Жуковскому могло быть известно об истории Герцена, развернувшейся в 1848–1852 гг., однако, в 1841 г. Гервег предстал перед ним таким, каким его знала немецкая читающая публика.

История восприятия и характер осмысления наследия и личности Г. Гервега в России ждут своего исследователя, приведенные факты этой рецепции представляют богатый материал. Бесспорно то, что у истоков ее стоял современник Гервега, Фридриха-Вильгельма IV, свидетель событий 1840-х гг., первый русский романтик В.А. Жуковский. В личной библиотеке поэта сохранилось представляющее несомненный научный интерес издание этого тома, тщательно им изученное и прокомментированное. Книга заслуживает специального внимания, поскольку открывает перед нами малоизвестное амплуа Жуковского как участника литературной жизни современного ему немецкого мира.

Логично предположить, что интерес Жуковского к личности и сочинениям новоиспеченной знаменитости возрос после того, как Гервег побывал на приеме у дружественного русскому монаршему наставнику короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV. Этот шаг вошел в идеологизированные хрестоматийные статьи как «политически неосторожный поступок», опрометчивость, связанная с недостаточной твердостью революционных взглядов. Аудиенция короля действительно снизила рейтинг Гервега среди однопартийцев, а желание восстановить репутацию побудило к вызывающим выпадам против принявшего его монарха, запретившего задуманное им периодическое издание вместе с многими другими газетами радикального толка. Последовавшая ссылка в Швейцарию означала по сути конец звездного успеха Гервега. Думается, что во время этих событий 1842 г. Жуковский и удосужился внимательно изучить манеру «живого человека» и его «Стихов».

К чтению Жуковский подошел профессионально. Том немецких стихотворений изобилует пометами, которые позволяют говорить об оригинальной рецептивной стратегии читателя. На начальном развороте книги рукой Жуковского оставлен автограф из четырех строк, свидетельствующий о вдумчивом и неоднократном чтении сочинений, о попытках проникнуть в сущность новой политической поэзии. Романтик фиксирует процесс и результаты этого погружения:

Первое чтение – сила в блестящ<ем> выраже<нии>

Второе чтение – чз <смысл>

Главная мысль свобода? Бог?

Эти рукописные строки фиксируют как процесс, так и результат осмысления Жуковским-читателем риторических контаминаций Гервега. В первой строке русский поэт по достоинству оценивает талант автора, определив его эпитетом «блестящий». Вторая строка намечает ту полемику, которая выразится в пометах читателя на страницах книги далее, третья же обозначает важнейшую магистраль философско-эстетической диалектики художественной системы Гервега, его парадоксальное вращение в пределах от собственного утопического концепта «свободы», не предполагающего объекта приложения, т.е. обозначения того, от кого или от чего требуется освободиться, до различных устойчивых формульных маркеров ду-

ховно-назидательной словесности. Эта сущностная и, с нашей точки зрения, очевидная особенность поэтического мира выходца из семьи священника Гервега, проучившегося несколько лет на факультете теологии в Тюбингене, почему-то не привлекла достаточного внимания тех, кто обращался к его наследию.

В разысканиях зарубежных литературоведов пунктирно намечена мысль о том, что одним из опорных моментов его успешного риторства является следование установленным правилам проповеднического жанра, композиционной структуре речи, произносимой перед паствой священником, призванным увлекать, наставлять, призывать и убеждать – одним только животворящим словом. Однако и в содержательном, мотивно-сюжетном плане христианско-религиозные семемы книжной культуры Нового немецкого благочестия и пиетизма являются системными в сборнике, где большинство центральных текстов раскрывают свой политический пафос на материале, почерпнутом из традиций духовно-назидательной словесности. И практически все эти стихотворения так или иначе отмечаются рукой Жуковского. К таковым принадлежат:

Arndt's Wiedereinsetzung / Возвращение Арндта на престол
Gebet / Молитва
Das freie Wort / Свободное слово
Protest / Протест
Aufruf / Призыв
Neujahr (1841) / Новый год (1841)

Первое из приведенного списка стихотворение не получило известности в русской рецепции, очевидно, из-за необходимости предназначенного советскому читателю бесконечного комментария, объясняющего, как и почему в поле зрения продвинутого оппозиционера попало имя известнейшего проповедника, центральной фигуры немецкого пиетизма и домашнего благочестия, мистика и богослова Иоганна Арндта, книги которого имелись практически в каждой германской семье XVIII–XIX вв. Отрицая его «возвращение на престол» (Wiedereinsetzung), которое фактически произошло в 1840-е гг. на инициированном государством взлете книжной культуры пиетизма в Пруссии (см. следующий раздел), Гервег заявлял (строки отчеркнуты Жуковским одной чертой):

G. Herwegh**Arndt's Wiedereinsetzung**

Nun schickt Ihr uns den Alten mit der Krücke,
Alt – nicht bloß durch der Jahre Zahl.

Wohl möcht' er stehn, wie wir noch, und nicht wanken

Im heißen Pulverdampf,
Doch rufen andre Fahnen und Gedanken
Und andre Götter uns zum Kampf [14. S. 24].

Подстрочный перевод**Возвращение Арндта на престол**

Теперь Вы посылаете нам старика с клюшкой,
Старого – не только одним количеством лет.

Пожалуй, он хотел бы устоять, подобно нам, и не шататься

В горячих клубах пороха,
Но зовут нас иные знамена и мысли
И иные боги к борьбе.

В «Призыве» рефреном проходит строка, заключающая каждую из четырех октав и побуждающая к «священной войне» («Frisch auf, zum heiligen Krieg!»), не нашедшая эквивалентов в русском переводе Н. Вержейской. Подобного упрощения удалось избежать лучшему из переводчиков Гервега Б.Л. Пастернаку. Так, поэтическая семантика стихотворения «Протест» в его версии сохраняет подчеркнутую в начальных строках идентичность лирического Я, причисление себя к протестантам: «So lang ich noch ein Protestant, // Will ich auch protestieren» [14. S. 52] («Пока еще я протестант, // Я громко протестую» [9. С. 83]) и восьмикратный неточный повтор последнего стиха. Наконец, необычно красочна и красноречива призывающая к мятежу картина, изображенная Гервегом в финале стихотворения «Новый год. 1841» посредством христианско-религиозных образов и отчеркнутая Жуковским:

G. Herwegh**Neujahr. 1841**

Ja! du wirst, schon seh' ich, traun!
Neue Sterne ziehen,
Neue Tempel seh' ich baun,
Neue Völker knien;
Donnerklang und Harfenton
Rufen in die Mette –
Still! die Engel opfern schon
Einen Ring der Kette [14. S. 61].

Г. Гервег**Новый год (пер. Н.Л. Вержейской)**

Внял ты! Вижу блеск зарниц,
Новых звезд восходы...
В новых храмах пали ниц
Новые народы.
Всенощным греметь дано
Музыкой и словом.
Ангел новое звено
Прикрепил к оковам [9. С. 44].

Открытое выступление против домашнего благочестия, принявшего форму государственной идеологии, которую стал активно продвигать Фридрих-Вильгельм IV в лидировавшей в начале 1840-х гг.

Пруссии, содержится в подтексте политической поэзии Гервега. Эту особенность и отметил В.А. Жуковский, зафиксировавший свой вопрос об основных поэтизмах: «Главное слово свобода? Бог?».

На финальных страницах книги, изученной Жуковским, находится *система помет*, которую вдумчивый читатель оставил на последнем развороте для записей: вертикальное отчеркивание, двойное вертикальное отчеркивание, помета в виде плюса и минуса. Под каждой из этих маргиналий находим оригинальную аббревиатуру (вероятно, «гл», «п», «пп» и «худ»). Логично предположить, что вертикальное отчеркивание представляет собой выделение «главного», а знаки плюс и минус – одобрение или неодобрение соответственно. Помимо этого, в сборнике находятся не отраженные в этом перечне маргиналии в виде горизонтального подчеркивания отдельных стихов, знаков вопроса, а также помета «NB» и записи поэта. Из сорока стихотворений сборника Жуковским так или иначе отмечено двадцать девять. Для наглядного представления приведем список стихотворений, обнаруживающих маргиналии читателя (заглавия в нашем переводе):

Frau Karolina G. In Zürich / Г-же Каролине С. в Цюрих
Leicht Gepäck / Легкая ноша
Wer ist frei? / Кто свободен?
Arndt's Wiedereinsetzung / Возвращение Арндта на престол
Gebet / Молитва
Der letzte Krieg/ Последняя война
Der sterbende Trompeter / Умиравший горнист
Reiterlied / Песнь всадника
Rheinweinlied (Okt. 1840) / Рейнвейнская песня (окт. 1840)
Das freie Wort / Свободное слово
Drei Gutenberglieder (Juni 1840) / Три песни Гутенбергу (июнь 1840)
Die Jungen und die Alten / Молодые и старики
Protest / Протест
Aufruf / Призыв
Neujahr (1841) / Новый год (1841)
Frühlingslied (1841) / Весенняя песня (1841)
Der Freiheit eine Gasse! / Свободе – дорогу!
Vive la République! / Да, здравствует Республика!
Der Gang um Mitternacht / Полуночный поход
Strofen aus der Fremde / Строфы с чужбины
Ufnau und St. Helena / Уфнау и Св. Елена
Sonette / Сонеты
IX. Den Naturdichtern / Певцам природы
VII.
XIX.

XX.
XXII. Die Geschäftigen / Хлопотуны
XLIII.
XLIV.

Из системы маргиналий явствует рецептивная стратегия Жуковского-читателя. Во-первых, он не принимает эстетических манифестов Гервега, которые представляют собой первые двадцать из отмеченных текстов. Категоричность этого неприятия относится к смыслу, сюжету, но не к форме и проявляется в многочисленных записях романтика. Так, возле сочинений «Молитва», «Последняя война», «Рейнвейнская песня», «Песни Гутенберга» находятся разборчиво выведенные карандашом лаконичные комментарии идентичного содержания: «набор слов» (с. 27), «без мысли набор слов» (с. 31), «набор слов без смысла» (с. 38), «неопределенный набор слов?» (с. 45). Далее на страницах издания напротив заглавия или отдельных строк Жуковский ставит многочисленные знаки вопроса или минусы с повторяющимся от текста к тексту критическим смыслом, отмечая одной чертой «главное», ключевые или понравившиеся стихи.

Однако наследие Гервега не исчерпывается легковесной, заразной риторической поэзией, разобранной по строкам на лозунги и речёвки в рядах немецкой оппозиции 1840-х гг. Иная сторона его таланта выражена в сонетах, шесть из которых (VII, XIX, XX, XII, XLIII, XLIV) получили положительную оценку Жуковского, отметившего их плюсом. Совершенно точно об их месте в творчестве немецкого поэта написал Н.В. Гербель: «Сонеты составляют лучшую часть произведений Гервега, и это именно потому, что в них нет ничего политического. Тут попадаются порой действительно поэтические мысли и обороты. <...> Читая эти и некоторые другие произведения Гервега, нельзя не пожалеть, что поэт, обладавший бесспорно значительным талантом, посвящал лучшие свои силы погоне за мыслями, истинное значение которых ему не дано было понять» [4. С. 608].

К сожалению, ни один из выделенных Жуковским сонетов без протестно-политического содержания не вошел в «Избранное» Гервега, изданное в России в 1958 г. Отмеченные тексты развивают тему поэта и поэзии, решение которой вполне импонирует читателю, поскольку выполнено в его стилистике. Горные и морские пейзажи,

кладбищенский топос, элегические мотивы преходящести земного, неразличимости жизни и смерти, онтологический статус природного ландшафта, сливающегося с ландшафтом души в поэтическом творчестве, – все эти особенности поэтики сонетов Гервега глубоко созвучны романтизму Жуковского. Уже заглавные строки (перевод наш. – Н.Н.) дают представление об этой близости: «Пастырь свободы, вассал красоты...» (XX), «Я стоял на утесе, тут услышал я песню...» (XLIII), «Доступный лишь буре и жгучему солнцу...» (XLIV).

И все же нельзя не сказать отдельно о стихотворении, помеченном поэтом значком NB: это двухчастное произведение под названием «Уфнау и Св. Елена» («Ufnau und St. Helena»), образность которого обнаруживает очевидное сходство с одним из последних стихотворений Жуковского «К русскому великану» (1848). В образах островов Уфнау и Святой Елены Гервег изображает Германию и Францию. Крупнейший в Швейцарии остров, расположившийся в Цюрихском озере, стал местом, где окончил свои дни гуманист, литератор, политик и рыцарь Ульрих фон Гуттен (1488–1523), выступавший с критикой церковных догм, примкнувший впоследствии к М. Лютеру и борющийся за единую и свободную от Рима и власти многочисленных герцогов и князей Германию. Гервег видит в фигуре Гуттена идеальный образ национального героя-освободителя, способного вдохновить немецкий мир на новом витке политических событий сер. XIX в. и стать альтернативой Наполеону в народном сознании и массовой культуре. Первая часть стихотворения посвящена критике французской революции, политики и личности Бонапарта, вместе с которым в Доме Инвалидов похоронена и история франков: «Es schläft die fränkische Geschichte // Mit ihm im Dom der Invaliden!» [14. S. 106]. Могила Гуттена на острове Уфнау, куда держит путь лирический герой Гервега, изображается с противоположными коннотациями: как «памятник немецкой чести» («der Stein der deutschen Ehre»). Вторую часть венчают строки риторического вопроса: «Когда же в немецких хижинах будет обитать Гуттен вместо Бонапарта?». Подобно тому, как обращение Жуковского «К русскому великану» воспевае монархическую устойчивость России, изображенной в образе утеса в океане революционных событий, «Уфнау и Св. Елена» Гервега призывает Германию встать на свой путь, отвернувшись от примера Франции. Маринистика в обоих случаях означает бытийное пространство, «вкруг ревуций океан» Жу-

ковского вполне сопоставим с «мировым океаном» Гервега, утверждающего: «Mein Weltmeer sei Dein See, o Zürich!» [14. S. 107] (Мои всемирным океаном да будет твое озеро, о Цюрих!). Сюжет встречи с Наполеоном на острове Святой Елены будет раскрыт Жуковским в его последней поэме «Странствующий жид», где сыграет ключевую, поворотную роль.

Таким образом, рецептивная стратегия Жуковского, читателя популярнейшего сборника политической поэзии, открывает активную коммуникативную позицию, интенции диалога и освоения, направленные как на форму, способы поэтического выражения, так и на содержательно-смысловой уровень произведений. Опираясь категориями, предложенными М.М. Бахтиным, можно сказать, что Жуковский-читатель ориентировался как на «внешнее произведение» (архитектоническую форму воспринимаемого эстетического объекта), так и на внутреннее произведение (композиционную форму текста). При этом он объективно оценил мастерство Гервега-стихотворца, отметив его «блестящее выражение», и слабые стороны его риторики (многократный комментарий «набор слов без смысла»). Профессионализм (или богатый опыт читателя) позволил поэту последовательно и всесторонне изучить немецкое издание и вступить в продуктивный диалог с резонантными характеристиками «чужого» текста.

То, что Жуковский был «посвященным» читателем, и его рецептивная стратегия была неизменно креативной и продуктивной, т.е. чтение включало в себя сотворчество, дальнейшее использование «чужого», обращение его в «свое», закрепление в собственных сочинениях не является новостью, это декларировалось самим романтиком. Однако ранее не рассматривавшийся материал позволяет, во-первых, говорить о Жуковском как родоначальнике русской рецепции Гервега; во-вторых, открыть новые черты поэтического наследия последнего. Наконец, исследованная рецептивная стратегия «Стихов живого человека» заставляет пересмотреть категоричность утверждений об абсолютном отрицании Жуковским нового направления политической поэзии, основанием для которых служит часто цитируемое и вполне однозначное высказывание романтика о пафосе Г. Гейне из манифестарного послания к Н.В. Гоголю «О поэте и современном его значении», в котором немецкий автор назван «хулителем всякой святыни», «свободным собирателем и провозгласи-

телем всего низкого, отвратительного и развратного», «темным демоном» [15. Т. 12. С. 223–224]. Творчеством Гейне немецкие литературные новинки не ограничивались, более того, он в определенной мере оставался в стороне от событий в Германии в 1840-х гг., не принимая в них деятельного личного участия по известным причинам. Книга настоящего лидера новой поэзии в нач. 1840-х гг. Георга Гервега сохранила малоизвестное амплу Жуковского как участника литературной жизни современного ему немецкого мира. Рассмотренная читательская парадигма восприятия свидетельствует о том, что поэт не просто отмахивался от новых веяний, упорно отстаивая консервативную точку зрения, но внимательно изучал современные тенденции в литературе, находя и в них созвучные формы и смыслы.

Громкий пафос отрицания традиций и деструкция слова, или, как называет его русский поэт, «неопределенный набор слов без мысли», – вот что вызывало в нем неприятие политической поэзии. В то время как национально-патриотические мотивы стихотворений Гервега, напротив, не получили его резкого неодобрения, а будучи поставленными на историко-культурную почву, продуцировали активный творческий диалог, выразившийся в данном случае в очевидной близости художественных дискурсов Гервега и Жуковского в стихотворениях «К русскому великану» и «Уфнау и Св. Елена».

В разнонаправленности векторов восприятия Жуковским немецкого цикла отразилась, думается, противоречивость самого Гервега, обращавшегося с пиететом к монарху и рьяно призывавшего к революционному бунту, выступавшего против Франции и влияния Наполеона, но прекрасно подражавшего Беранже, Ламартину и Платену. По выражению Н.В. Гербея, «песни его похожи на проблески молний среди мрака, во время которых нельзя разобрать, что они именно освещают» [5. С. 608].

Кроме того, креативная стратегия Жуковского-читателя «Стихов живого человека» была, как и в большинстве случаев, автобиографичной. Отклик реципиента вызывали излюбленные мотивы, образы немецкого романтизма и темы, а также их классические решения. Последний из получивших его одобрение сонетов как будто относится к его будущей судьбе на германской земле, предсказывая те мысли и чувства, которые выразятся в эго-документах русского поэта второй половины 1840-х гг.

G. Herwegh

XLIV

Erreichbar nur dem Sturm und Sonnenbrand,
 Von keines Wandrers Fuße umgebogen,
 In scheuen Kreisen nur vom Aar umflogen,
 Wie ein Johannes in der Wüste, stand

Ein Blümchen einst auf kahler Alpenwand;
 Der Himmel hatte, doppelt ihm gewogen,
 Es seinem Herzen näher auferzogen,
 Doch nur mit Klagen schaut er in das Land.

„Warum, o Gott, in eines Felsen Schoos?
 Warum, o Gott, mir solch ein einsam Loos?
 Was sterb' ich nicht in holder Schwestern
 Mitten?“

Still, meine Blume, still! Was klagst du noch?
 Wohl bist Du einsam, aber sicher doch
 Vor Menschenhänden und vor Menschentrit-
 ten [14. S. 176].

Подстрочный перевод

XLIV

Доступный лишь буре и жгучему
 солнцу,
 Там, где не ступала нога путешест-
 венника,
 Где лишь орел нерешительно кру-
 жит,
 Как Св. Иоанн в пустыне, рос

Цветок однажды на голой альпийской
 скале;
 Небеса одарили его вдвойне,
 Взрастив у своего сердца,
 Но он все смотрит в долину с сожа-
 лением.

«Почему, о Боже, в лоне скалы?
 За что, о Боже, мне такая одинокая
 доля?
 Отчего не дано умереть среди пре-
 лестных сестер?»

Тише, мой цветок, тише! Отчего ты
 ропщешь?
 Возможно, ты и одинок, однако
 защищен
 От рук людских и их шагов.

Наконец, среди рукописей В.А. Жуковского в фондах РНБ сохранился выполненный готической скорописью список стихотворения «К Георгу Гервегу» («An Georg Herwegh»). Текст не датирован и подписан в конце именем и фамилией современника Жуковского, приближенного ко двору Фридриха Вильгельма IV майора прусской армии, участвовавшего в боях с Наполеоном, автора более десятка известных трудов о военной истории Германии, о героях Пруссии, о военной географии и др. Фридриха Вильгельма Беникена (Benicken, Friedrich Wilhelm). Будучи убежденным представителем консервативно настроенной промонархической интеллигенции, а значит, единомышленником В.А. Жуковского, Беникен с большой долей вероятности мог быть лично знаком с русским поэтом. Состоящее из 88 строк стихотворение наполнено оправданной критикой в адрес Гервега по поводу беспочвенных призывов к борьбе с иллюзорным

врагом, громкой беспредметной риторики его стихотворений, а также обвинений короля Пруссии после аудиенции 1841 г. Например:

An Georg Herwegh

Ein König nimmt dich auf mit seltner Mil
de,

Ein König, der zu lehnem du gewagt,
Den du in zügellosem Binder Bilde
Der Trägheit und der Tohrheit angeklagt
[16. Л. 1 об.]

Dein Lied ist Lüge. Wo sind Deutschlands
Gegner? [16. Л. 1 об.]

Wie schlecht verstehst du Vaterlandes Ju-
gend [16. Л. 2]

Дословно

Король принимает тебя на редкость миро-
сердно,

Король, которого ты отвергнуть отважил-
ся,

Которого ты в бесцеремонно сплетенной
картине

В вялости и глупости обвиняешь <...>

Твоя песнь – ложь. Где он, Германии про-
тивник?

Как плохо ты понимаешь молодежь Оте-
чества

Завершается поэтическое обращение призывом от лица придворного поэта к борьбе против манеры Гервега: «Heran! – Dir trotzst ein deutscher Männerbund!» (Вперед! – Тебе противостоит немецких мужей союз!).

Как удалось установить, список сделан с произведения знакомого Г. Гервега, немецкого публициста, политика-оппозиционера Вильгельма Марра (Wilhelm Marr, 1819–1904), опубликовавшего это стихотворение под псевдонимом в виде брошюры под заглавием «Георгу Гервегу и придворным поэтам, состоящим на службе прусского короля» с посвящением майору Ф.В. Беникену в 1843 г. Ко времени публикации Марр переехал в Швейцарию и сошелся с политическими поэтами, высланными из Германии, среди них был и Г. Гервег. Нельзя точно утверждать, было ли это стихотворение написано в ироническом, пародическом ключе, или же скрывшийся под псевдонимом Марр всерьез выдвигал небезосновательные обвинения в адрес нашумевшего своим сборником Гервега, однако наличие списка в собрании автографов Жуковского свидетельствует о неслучайном пристальном внимании русского поэта к развитию немецкой политической поэзии 1840-х гг. вообще и имени Гервега в частности.

Литература

1. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Томск, 1981.

2. Krausnick M. Die eiserne Lerche. Weinheim und Basel, 1998 (впервые в 1993).
3. Enzensberger U. Herwegh. Ein Heldenleben. Eichborn, Frankfurt am Main 1999.
4. Ziegenggeist G. Herzen und Herwegh. Zwei unbekannte Briefe über ihren Bruch im Januar 1851 // Zeitschrift für Slawistik. Volume 7, 1962. Issue 1, S. 210–215.
5. Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1871.
6. Немецкая поэзия революции 1848 года. М., 1948. С. 10–11.
7. Дымищ А.Л. Карл Маркс и поэт Гервег // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. 1958. Т. 170. С. 333–350.
8. Тураев С.В. Творчество позднего Гервега // Вопр. лит. 1959. № 10.
9. Гервег Г. Избранное. М., 1958.
10. Елисарова М.Е., Колесников Б.И. История зарубежной литературы XIX века. М., 1992 // Литература Западной Европы <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/elizarova-izl/kriticheskij-realizm-xix-veka.htm>
11. Тураев С.В. Революция во Франции и немецкая литература. М., 1997.
12. Широков В.А. Любовная геометрия Герцена: эссе // Наша улица. 2009. Февр. №111 (2). <http://kuvaldn-nu.narod.ru/2009/02/shirokov-herstsen.htm>
13. Паперно И.А. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1890-е годы) / авториз. пер. с англ. М. Долбилова // НЛЮ. 2010. № 103. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
14. Herwegh G. Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen. Vierte Auflage. Zürich und Winterthur, 1842.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры. М., 2012.
16. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский), оп. 2, № 355. Л. 1–2.

V.A. ZHUKOVSKY, A READER OF THE GERMAN POETRY OF THE 1840S: GEDICHTE EINES LEBENDIGEN BY GEORG HERWEGH (1841).

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 59–78. DOI: 10.17223/23062061/9/5

Nikonova Natalia E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; G. Herwegh; reception; German poetry.

The summer of 1841 was marked by a real literary sensation for the German world. The first part of the collection of poems by the twenty-four-year-old Georg Herwegh (Georg Herwegh, 1817–1875) *Gedichte eines Lebendigen* (“Poems of a Living Man”) was published in Zurich. The effect of the book was intoxicating, it had a powerful impact both on conservatives and reactionaries. It was a new kind of political poetry based almost exclusively on rhetoric. Herwegh proved to be very demanded in the pious Germany of the Biedermeier which was massively reading and writing at that time. He was close to and understood by the opposing parties, having adopted a safe strategy: the “Stuermer” and radical pathos of his verses was based on the immutable plot and composition structure of spiritual and edifying literature, as well as on romantic natural philosophy and mythopoeitics. The unpretentious language which he used to express the eternal motives of tyrant-fighting together with the call for unity, protest and liberation, relevant to the country, made his poems clear to the general reader.

The life-affirming pathos of disagreement could be noticed already in the title, with which the author hinted at *Letters of the Dead* by Hermann von Pückler-Muskau, a Ger-

man prince, a traveling writer, a subtle and ironic narrator, a major in the Russian service, and the founder of Europe's largest English-style park. His works were familiar to Zhukovsky, who read the Prince's four-volume edition *Briefe eines verstorbenen. Ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland, Frankreich, Deutschland und Holland, geschrieben in den Jahren 1826-1829* (Lobanov, 1981, 259), this book causing Herwegh's polemics.

The paper addresses the problem of attributing and analyzing the facts of the Russian reception of the poems by Georg Herwegh, one of the most famous German poets, a representative of the new revolutionary and democratic direction. The notes and autographs V. A. Zhukovsky made in the editions of Herwegh are introduced in the scientific discourse (Herwegh G., *Gedichte eines Lebendigen* (1841)). For the first time the paper shows the overview and the comparative analysis of the Russian and German reception of Herwegh's personality and his creative heritage of the 1840s–2010s. In this context, Zhukovsky's remarks have a special significance.

In Russia, Herwegh's personality and legacy were conceived stage-by-stage. This way, the peculiarities of the reception were determined by the historical and cultural situation in the recipient culture. The first period of the comprehension may be essentially dated back to the 1870s–1900s. The second period is connected in Russia with the appearance of the ideological pathos that was typical of the poems, which brought a scandalous popularity to the German poet. The burst of attention was marked in 2009–2013 when a cycle of new articles on the relationship between the Herzens and Herwegh was published.

References

1. Lobanov, V.V. (ed.) (1981) *Biblioteka V. A. Zhukovskogo (Opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Krausnick, M. (1998) *Die eiserne Lerche* [The Iron Lark]. Weinheim und Basel.
3. Enzensberger, U. (1999) *Herwegh. Ein Heldenleben* [Herwegh. A Hero's Life.]. Frankfurt am Main: Eichborn.
4. Ziegengeist, G. (1962) Herzen und Herwegh. Zwei unbekannte Briefe über ihren Bruch im Januar 1851 [Herzen and Herwegh. Two unknown letters about their break in January 1851]. *Zeitschrift für Slawistik*. 7(1). pp. 210-215. DOI: 10.1524/slaw.1962.7.1.210
5. Herbel, N.V. (ed.). (1871) *Nemetskie poety v biografiyakh i obraztsakh* [German Poets with Biographies and Samples]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K°.
6. Mirimsky, I.V. (ed.). (1948) *Nemetskaya poeziya revolyutsii 1848 goda* [German Poetry of the Revolution of 1848]. Moscow: Goslitizdat. pp. 10-11.
7. Dymshits, A.L. (1958) Karl Marks i poet Gerveg [Karl Marx and the Poet Herwegh]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedinstituta*. 170. pp. 333-350.
8. Turaev, S.V. (1959) Tvorchestvo pozdnego Gervega [The Works of the Late Herwegh]. *Voprosy literatury*. 10.
9. Herwegh, G. (1958) *Izbrannoe* [Selected Poems]. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature.
10. Elisarova, M.E. & Kolesnikov, B.I. (1992) *Istoriya zarubezhnoi literatury 19 veka* [The History of Foreign Literature of the 19th century]. Moscow: Vysshya Shkola.
11. Turaev, S.V. (1997) *Revolyutsiya vo Frantsii i nemetskaya literatura* [The French Revolution and German Literature]. Moscow: Nasledie.

12. Shirokov, V.A. (2009) Lyubovnaya geometriya Gertsena. Esse [Herzen's love geometry]. *Nasha ulitsa*. 111(2). [Online] Available from: <http://kuvaldnu.narod.ru/2009/02/shirokov-hertsen.htm>.

13. Paperno, I.A. (2010) Intimnost' i istoriya: semeynaya drama Gertsena v soznanii russkoy intelligentsii (1850–1890-e gody) [The intimacy and history: Herzen's family drama in the minds of the Russian intelligentsia (1850–1890-ies)]. Translated from English by M. Dolbilov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 103. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>.

14. Herwegh, G. (1842) *Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen* [Poems of Living. With a Dedication to the Deceased]. 4th ed. Zurich und Winterthur.

15. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [Complete Works and Letters in 20 Vols.]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

16. *Department of Manuscripts. Russian National Library*. Fund 286. List 2. File 355.

Т.П. Каргашова

**РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА В СИБИРСКОЙ
ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ
СЕЛЬСКИХ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX В.)**

Статья посвящена изучению характера чтения в народных бесплатных библиотеках, открытых Обществом содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии, которое было учреждено известным сибирским просветителем и книготорговцем П.И. Макушиным для продвижения книг в деревню. Показана определяющая роль частной инициативы в создании местной библиотечной сети и формировании фондов бесплатных библиотек. Опираясь на новые архивные данные, автор показывает эволюцию читательских вкусов и предпочтений сельских жителей, а также их интерес к произведениям классической русской и зарубежной литературы.

Ключевые слова: чтение, классическая литература, народная бесплатная библиотека, Сибирь, Томская губерния, П.И. Макушин.

За последнее время заметно вырос интерес исследователей к изучению характера чтения не только в городах, как средоточиях культуры и образования, но и в сельской местности [1–3]. Если в европейской части России учреждением книжных складов и библиотек на селе занималось земство, представители от земства проводили исследования чтения [4–5], то в Сибири этим занимались предприниматели-книгопродавцы и общественные организации.

На территории Томской губернии в 1901 г. известным книготорговцем и просветителем П.И. Макушиным было учреждено Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, которое за 1902–1919 гг. открыло около 600 бесплатных библиотек и взяло на себя ответственность за формирование читательского спроса на селе.

В настоящее время архив Общества содействия находится в фонде документов Томского краеведческого музея и после завершения обработки скоро будет введен в научный оборот. На сегодняшний день в нем насчитывается 1696 документов. Это переписка об открытии народных библиотек, о присылке книг и выпуске периодических изданий для читален. Солидную часть архива составляют

отчеты о деятельности библиотек за разные годы. Отчеты, или сведения о деятельности библиотек, были составлены в форме ответов на вопросы анкеты, отпечатанной типографским способом на специальных бланках Общества содействия. Всего в архиве 434 анкеты за 1904–1918 гг., объем источников достаточно репрезентативный и имеет большой исследовательский потенциал для изучения характера чтения в сельских народных библиотеках. Наиболее информативными являются «Сведения о библиотеках» за 1912 г. (146 анкет) и за 1915 г. (188 анкет). Анкеты заполнялись заведующими библиотеками на местах и содержали как отчетные сведения о количестве книг и читателей, так и информацию о самых читаемых книгах и самых популярных отделах библиотеки.

В современной исследовательской литературе, в основном основанной на общероссийском материале, бытует мнение, что в крестьянской среде преобладала религиозная и лубочная литература, а классика была трудна для понимания людей, получивших грамотность, но не имеющих систематического образования [6. С. 33, 161–168; 7. С. 326]. Выводы, сделанные на общероссийском материале, неоправданно распространялись на всю страну, в том числе и на Сибирь, хотя характер чтения в европейской части России и в Сибири различался. Так, в крестьянской среде Верхнего Поволжья духовная литература находилась по востребованности на 2-м месте и составляла 19,5% [3. С. 88–898].

По материалам Центрального Черноземья, среди читателей наибольшим спросом пользовалась беллетристика (48%), а духовно-нравственная литература составляла 26% [8. С. 268]. На материале народных библиотек Томской губернии доминирование религиозной и лубочной литературы не подтверждается. В целом духовно-нравственная литература не превышала в чтении сибирских крестьян 10–15%, а в большей части селений и 3% [9. С. 42–48]. В сохранившихся каталогах бесплатных библиотек и списках ветхих и утраченных книг отсутствовала и лубочная книга. Скорее всего, это объясняется более поздним открытием самих библиотек, которое приходится на начало XX в., когда уже был накоплен определенный опыт в издании и распространении книг для народа. К этому времени крупные российские издатели вместо лубочных книг перешли к изданию более качественной литературы. Книга стала доступной, дешевой и разнообразной.

Такие толстые журналы, как «Нива», «Родина», «Вокруг света», вместе с подпиской бесплатно рассылали в качестве приложений произведения наиболее популярных писателей. Таким образом, целые собрания сочинений русской и зарубежной классики попадали даже в самые отдаленные уголки.

Вопреки мнению о том, что открытые Макушиным сельские библиотеки комплектовались в основном изданиями промонархической и религиозной тематики, а классики русской и зарубежной литературы были представлены на книжных полках довольно скудно [10. С. 169], отчеты свидетельствуют о наличии разнообразного репертуара и большого интереса крестьян к классике.

Так, в бесплатной народной библиотеке в селе Койновском Барнаульского уезда Томской губернии, открытой при содействии Павленковского фонда, среди 10 самых выдаваемых авторов за 1912 г. на первом месте оказался Ф.М. Достоевский, его роман «Преступление и наказание» был выдан 24 раза. Далее по количеству выданных следуют «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (24 раза), «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя (20 выданных), сочинения А.С. Пушкина и А.Ф. Писемского [11. № 1145].

Повышению интереса к классической литературе способствовало повсеместное развитие школьного образования. Читательская аудитория сибирских народных библиотек в основном состояла из учащейся молодежи, в большей степени ориентированной на светскую книгу. В селе Керевском Богородской волости Томского уезда в 1915 г. книгами пользовались в основном учащиеся и молодежь. Читали И.С. Тургенева (выдавался 7 раз), Л.Н. Толстого «Воскресение» (5 раз), А.П. Чехова (12 раз), Большой популярностью пользовались «Князь Серебряный» А.К. Толстого (8 раз), «Сказки» Г.Х. Андерсена (25 раз) [11. № 274]. В селе Усть-Сосновском Кузнецкого уезда в 1912 г. читатели спрашивали «Робинзона Крузо» Д. Дефо (18 раз), «Хижину дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (14), сочинения Н.А. Некрасова (13), «Войну и мир» Л.Н. Толстого (11), сочинения И.С. Тургенева (15), М.Ю. Лермонтова (19), А.С. Пушкина (10), очерки и рассказы В.Г. Короленко (11) [11. № 571].

Особой популярностью пользовались рассказы из народного быта Л.Н. Толстого: «Где любовь, там и Бог», «Хозяин и работник», «Чем люди живы». Они считались доступными для народного по-

нимания и входили в обязательные и рекомендательные списки литературы для народного чтения, но его романы «Война и мир», «Воскресение» вряд ли можно назвать легким чтением, тем не менее именно эти романы мы находим в списках самых читаемых. Так, в деревне Яркуль Каинского уезда роман «Воскресение» Л. Н. Толстого в 1915 г. выдавался читателям 33 раза [11. № 539], в селе Петропавловском Мариинского уезда в 1912 г. «Воскресение» было выдано 58 раз [11. № 639], в селе Панфиловском Кузнецкого уезда в 1912 г. – 36 раз [11. № 586].

В одном из писем П.И. Макушину заведующий библиотекой, учитель Балыксанского училища Бийского уезда Павел Ушаков, прослушавший курсы по библиотечному делу, организованные Московским городским народным университетом им. А.Л. Шанявского, решил поделиться своими наблюдениями по поводу читателей: «Скажу о читателе. Читатель только нарождается, а потому нужна самая популярная книга, больших томовых изданий не надо пока». Далее он пишет, что такие классики, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, не пользуются тем вниманием, какого они заслуживают, а их место занимают Рубакин и Семенов. «Со временем будет ощущаться острая нужда в классиках, – пишет он далее, – но к этому нужна подготовка» [11. № 928]. Однако вопреки теории сибирские крестьяне увлеченно читали не только отдельные произведения, но и полные собрания сочинений русских и зарубежных авторов. Так, в с. Ново-Кривошеинском Ново-Александровской волости Томского уезда в 1915 г. собрание сочинений Н.В. Гоголя выдавалось 21 раз, собрание сочинений А.С. Пушкина – 17 раз, а Г. Сенкевича 1-й том – 14 раз, 2-й – 9 раз, 3-й – 7 раз [11. № 152].

Крестьянская среда не была однородной, и разброс в читательских предпочтениях был большим. В одних библиотеках заказывали сказки для детей, в других – литературу по сельскому хозяйству и кооперации, большой популярностью пользовалась местная периодика, не забывали и про русскую и зарубежную классику, повести и рассказы современных писателей. В крупных промышленных и торговых селах, таких как Усть-Чарышская пристань, для более взыскательных читателей народной библиотеки-читальни были заказаны рассказы Л. Андреева, «Горящие здания» К.Д. Бальмонта, 5 произведений К. Гамсуна, сочинения М. Горького, Ги де Мопассана

(12 т.), Э. Золя, Г. Ибсена, «Борьба миров» Г. Уэллса, «Крейцерова соната» Л.Н. Толстого и «Воскресение» (с рисунками Пастернака [!]), а также «Гений и помешательство» Ч. Ломброзо, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше и др. [11. № 911] Этот список говорит не только о более взыскательных, но и хорошо осведомленных о новинках литературы читателях.

Вопреки мнению, что книгопродавцы сбывают в деревню все ненужное, литература, которая считалась низкосортной или бульварной, в народные библиотеки Томской губернии не попадала. Отбор в народные библиотеки был очень тщательный и многоступенчатый. Этот отбор происходил как на уровне правительства с помощью цензурных ограничений и составления обязательных и рекомендательных списков книг для народа, так и на уровне издателей и книгопродавцев, а затем уже и библиотекарями на местах.

Так как характер чтения, прежде всего, зависел от содержания и состава фондов библиотек, особая ответственность за их комплектование возлагалась на библиотекаря. Чаще всего ими оказывались учителя (75% библиотек находилось при школах). В силу своей профессии библиотекари-учителя заказывали в основном лучшие произведения русской и зарубежной классики и не допускали в библиотеку уголовно-бульварную литературу, которой было очень много на рынке. Так, для библиотеки села Старо-Бардинского Бийского уезда в 1912 г. учитель Ф. Шевцов заказал следующих авторов: «Желательна русская классика: Достоевский, Гончаров, Писемский, Чехов, Салтыков-Щедрин» [11. № 850]. «Очень нужно [пополнить библиотеку] произведениями образцовых русских писателей: Л.Н. Толстого, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Жуковского, Лермонтова, Тургенева», – пишет учитель из поселка Балта Ояшинской волости Томского уезда [11. № 113]. Но не только учителя просили прислать «серьезную литературу».

Казак Георгий Степанович Губко (с. Ново-Кривошеинское Томского уезда) пишет: «Желательно иметь в виду большого спроса Тургенева «Записки охотника», Л. Толстого, Короленко, Чехова и другие» [11. № 152]. «Нужен Достоевский», – пишет отставной есаул Иван Лукич Мокин из станицы Антониевской Бийского уезда [11. № 923]. В Смоленскую народную библиотеку Бийского уезда в 1915 г. были пожертвованы священником Дмитрием Смирновым 200 книг различного содержания, среди которых рассказы Л. Анд-

реева, Л.Н. Толстого, К. Гауптмана и др. [11. № 869] Подбор авторов произведений для священника достаточно необычный.

Наиболее активные местные жители хотели получить не только книги и периодику, но и участвовать в распространении просвещения среди остальной крестьянской массы. Среди местных жителей с. Ново-Обинского Бийского уезда в 1915 г. был организован кружок любителей чтения, члены которого решили учредить библиотечное общество для привлечения и приучения крестьян к чтению. Материальную помощь кружку оказало местное кредитное товарищество, ассигновав 100 руб. на покупку книг. На эти деньги были заказаны собрания сочинений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, и других русских писателей-классиков [11. № 884–886].

Примеры из ежегодных библиотечных отчетов свидетельствуют о том, что не только библиотекари и учителя, но и сами крестьяне проявляли неподдельный интерес к произведениям классиков. На вопрос анкеты о том, нужно ли пополнить библиотеку и какими книгами, довольно часто встречаются следующие ответы: «Большой спрос на Пушкина, Лермонтова, Толстого и др. классику» (с. Тисуль, Мариинский уезд) [11. № 777]; «Желательно было бы иметь полное собрание сочинений Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Гончарова (с. Прокудское, Томский уезд) [11. № 95]. Из с. Алтайского Бийского уезда в 1907 г. поступили запросы на следующие книги, которых не оказалось в библиотеке: произведения Аксакова, Ф.М. Достоевского, Островского, полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (особенно «Война и мир», «Анна Каренина») [11. № 1004]. На основе анкетных данных архива мы видим, что на классику был и спрос, и предложение. Исследование механизма регулирования спроса и предложения при формировании фондов библиотек на региональном материале – одно из перспективных направлений для будущих исследований.

Заказы на книги были очень разными. Ю.В. Тимофеева в монографии, посвященной книжной культуре сельского населения Томской губернии пишет что на рубеже XIX–XX вв. в чтении крестьян происходили такие важные изменения, как секуляризация чтения, вытеснение лубочной книги более качественными «изданиями для народа». В изучаемый период стали больше читать произведения отечественных и зарубежных писателей, признанных позже класси-

ками мировой литературы. Интересуясь отечественной литературой, деревенские читатели спрашивали сочинения Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева (особенно «Записки охотника»), Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Рубакина, Н.А. Некрасова, В.Г. Короленко, М.Ю. Лермонтова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.И. Немировича-Данченко, басни И.А. Крылова. Из иностранной литературы самыми читаемыми были Г.Х. Андерсен, Г. Бичер-Стоу, Д. Дефо, Ч. Диккенс, М. Твен, Г. Сенкевич и др. [1. С. 104–105] Архивные материалы подтверждают популярность перечисленных авторов и позволяют проиллюстрировать положения монографии конкретными ссылками из анкет.

Чтение русской и зарубежной классики свидетельствует о пробуждении духовных интересов в крестьянской среде, сельских читателей волновали вопросы не только практического, но и мировоззренческого характера.

При усилении внимания государства и общества к вопросам чтения и читателя мы вынуждены учитывать успешный опыт наших предшественников, предпринимателей-подвижников, которые блестяще сочетали воспитательные программы с коммерческой целесообразностью, тем более что просветительное движение в Сибири опиралось на собственный эффективный опыт самоорганизации и самореализации.

Дальнейшее изучение архивных документов позволит полнее представить картину читательской активности на селе, расширит наше представление о духовных потребностях крестьян, основных направлениях эволюции читательских предпочтений начала XX в.

Литература

1. Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012. 292 с.
2. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книги в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск, 2013. 234 с.
3. Нуждина А.А. Книга в крестьянской среде Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Научные ведомости. 2007. № 8 (39), вып. 4. С. 86–92.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
5. Смирнов А. Что читают в деревне // Русская мысль. 1903. № 7.
6. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. 448 с.

7. Буганов А.В. Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX века // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. 363 с.

8. Кононова Т.Л. Читательская аудитория и чтение в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Центрального Черноземья) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 265–269.

9. Отчет совета общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии за 1904–1907 г. Томск, 1908. 49,4 с.

10. Косых Е.Н. Библиотечная сеть Западной Сибири накануне и в революционном 1917 году // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск, 2010. Вып. 2. С. 165–171.

11. Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Личный фонд П.И. Макушина. (№ 1–1696, нумерация предварительная).

RUSSIAN AND FOREIGN CLASSICAL LITERATURE IN A SIBERIAN VILLAGE (BASED ON SURVEY OF RURAL PUBLIC LIBRARIES IN TOMSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY).

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 79–88. DOI: 10.17223/23062061/9/6

Kartashova Tatiana P. M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kartashova67@yandex.ru

Key words: reading; classical literature; free public library; Siberia; Tomsk Province; P.I. Makushin.

Dissemination and existence of books in Siberia was significantly different from the experience in the European part of Russia, and in many ways dependent on public and private initiatives.

For the promotion of books in the countryside known Siberian enlightener and book-seller P.I. Makushin established the Society to Promote the Rural Free Library Reading Rooms in Tomsk Province which opened about 600 free libraries in 1902–1919 and assumed responsibility for the formation of the reader demand in rural areas.

Shaping the future of library funds and adding to the already open, the members of the society for the study of readers' needs frequently used questionnaires. The information on the most popular and unpopular books in the library profiles is best known for 1912 and 1915. Based on the questionnaire data, the regional specificity of the repertoire was determined: the lack of cheap popular literature and little demand for the literature of spiritual content in the public libraries of Tomsk Province. Questionnaires also indicated great interest of peasants to the classics. The writings by A.S. Pushkin, N.V. Gogol, I.S. Turgenev as well as stories and novels by L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky were very popular.

This explained the later opening of the libraries themselves, which occurred at the beginning of the 20th century. By this time, there had accumulated experience in publishing and distributing books for people. Major Russian publishers turned from popular cheap print (lubok-book) to better-quality literature. The book became available, cheap and varied. Increased interest in classical literature promoted the widespread development of school education. Readers of Siberian public libraries were mainly students mostly focused on secular books.

Russian and foreign classics reading indicates awakening spiritual interests among peasants; rural readers were concerned about issues of not only practical, but also ideological character.

References

1. Timofeeva, Yu.V. (2012) *Knizhnaya kul'tura sel'skogo naseleniya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [The Book Culture of the Rural Population of Western Siberia (the late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: TsRNS.

2. Zvereva, K.E. & Zverev, V.A. (2013) *Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i knigi v russkoy derevne kontsa XIX – nachala XX veka* [How Siberia learned to read: school, literacy and books in Russian village of the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

3. Nuzhdina, A.A. (2007) *Kniga v krest'yanskoj srede Verkhnego Povolzh'ya vo второй половине XIX – nachale XX vv.* [Books among the peasants of the Upper Volga region in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauchnye vedomosti*. 8(39). pp. 86-92.

4. Firsov, B.M. & Kiseleva, I.G. (eds) *Byt velikorusskikh krest'yan-zemlepahtsev. Opisaniye materialov etnograficheskogo byuro kn. V.N. Tenisheva (na primere Vladimirskoy gubernii)* [The Life of the Great-Russian peasants. The Description of Ethnographic Materials of the Prince Tenishev's Office (a Case Study of Vladimir Province)]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.

5. Smirnov, A. (1903) *Chto chitayut v derevne* [What people in the village read]. *Russkaya mysl'*. 7.

6. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works of Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

7. Buganov, A.V. (2001) *Dukhovnaya knizhnost' i pis'mennost' russkikh krest'yan XIX veka* [Spiritual book culture and literature Russian peasants of the 19th century]. In: Listova, T.A. et al. (eds) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [The Orthodox Life of Russian Peasants in the 19th – 20th Centuries: The Results of Ethnographic Research]. Moscow: Nauka.

8. Kononova, T.L. (2014) *Readership and Reading in the Russian province in the Late 19th – Early 20th Centuries (a Case Study of the Central Black Soil Region)*. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2. pp. 265-269. (In Russian).

9. The Society for the Rural Library Promotion. (1908) *Otchet soveta obshchestva sodeystviya ustroystvu sel'skikh bibliotek-chitalen v Tomskoy gubernii za 1904-1907 g.* [Report of the Board of Society for the Promotion of the Rural Libraries in Tomsk Province for 1904–1907]. Tomsk: Siberian Printers' Partnership.

10. Kosykh, E.N. (2010) Bibliotechnaya set' Zapadnoy Sibiri nakanune i v revolyutsionnom 1917 godu [The Library Network of Western Siberia before and in 1917]. In: Fadeev, K.V. (ed.) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX-XXI vv.* [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building, pp. 165-171.

11. Tomsk Regional Museum named after M.B. Schatiloff (ТОКМО). *Lichnyy fond P.I. Makushina* [P.I. Makushin's Archive]. 1-1696.

Е.А. Масяйкина

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению аналитической справки о деятельности сельской библиотеки в качестве источника сведений о предпочтениях читателей в выборе литературы. Изучена социально-демографическая структура читательской аудитории, проанализированы общая направленность, видовая, отраслевая и тематическая структура читательских предпочтений в Чаинском районе Томской области, читательские интересы библиотекарей. Сделаны выводы о значимости сельской библиотеки в области формирования и изучения читательских предпочтений.

Ключевые слова: сельские библиотеки, библиотечная аналитика, аналитическая справка, изучение читателей, читательские предпочтения, Томская область.

Современная сельская библиотека является учреждением социальной сферы, призванным решать культурно-просветительские, воспитательные, образовательные, информационные задачи.

Оценить деятельность сельской библиотеки мы можем по самым разнообразным источникам. К ним относятся и отзывы читателей, и результаты исследований общественного мнения в целом, и оценка деятельности библиотеки органами местного самоуправления. Также для получения сведений о работе библиотек используются результаты непосредственного ознакомления с деятельностью библиотеки, публикации в профессиональной периодике, материалы конференций, совещаний и семинаров различного уровня. Наиболее информативным источником, безусловно, являются материалы библиотечной аналитики, включающие как планово-отчетную и организационно-методическую документацию, так и результаты ее аналитической переработки. Полученная информация позволяет оценить состояние и уровень библиотечной деятельности и может оказывать влияние на качество принимаемых управленческих

решений как на федеральном, региональном, так и на местном уровнях.

Ежегодно специалистами центральных библиотек субъектов Российской Федерации готовятся аналитические материалы о состоянии библиотечного обслуживания во всех регионах страны. Они имеют большое значение для формирования реальной картины библиотечной жизни в Российской Федерации. Учитывая важное значение региональной аналитики, Российская национальная библиотека в рамках общероссийского проекта «Корпоративная полнотекстовая база данных «Центральные библиотеки субъектов Российской Федерации» провела конкурс на лучший аналитический обзор о деятельности муниципальных библиотек региона в 2013 г. [1]. Победителем данного конкурса стала Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина (ТОУНБ), представив «Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности муниципальных общедоступных (публичных) библиотек Томской области за 2013 год» [2]. Данный обзор был составлен на основании отчетных материалов, предоставленных в ТОУНБ центральными районными библиотеками Томской области. Аналитическая деятельность ведется специалистами центральных районных библиотек на регулярной основе в рамках методического мониторинга и имеет давние исторические традиции. Появление унифицированных форм библиотечной отчетности является одним из результатов процесса централизации библиотек, происходившей в СССР после выхода в 1974 г. Постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек и научно-техническом прогрессе» [3].

Предметом исследования данной статьи является аналитическая справка о деятельности современной сельской библиотеки, рассматриваемая в качестве источника по изучению читательских предпочтений различных категорий библиотечных пользователей. Необходимо отметить, что в практической деятельности многих библиотек употребляется такое понятие, как «аналитический отчет». Данные термины, имея некоторые содержательные оттенки, тем не менее применяются сельскими библиотеками с равной частотностью, в едином смысловом поле и поэтому используются нами в качестве синонимов.

Частично информация о сущности и значении аналитических справок о деятельности сельской библиотеки была представлена в

статье К.А. Кузоро [4. С. 410]. Автор отмечала, что составление аналитических справок является традиционным направлением методической деятельности библиотек. Материал, собранный в процессе изучения деятельности библиотеки за определенный период, подвергается анализу и оценке, в результате чего делаются выводы о положительных и негативных тенденциях в деятельности библиотеки; о наиболее перспективных направлениях ее дальнейшего развития; о внедрении новшеств и возможностях их эффективного использования. Аналитические справки отражают цели и задачи ее развития, характеризуют важнейшие направления работы, содержание работы с различными категориями читателей, уровень развития материальной базы, особенности управления персоналом, абсолютные и относительные статистические показатели. Зачастую к аналитической справке прилагаются сопроводительные материалы, включающие сценарии наиболее удачных проведенных мероприятий, подборки публикаций из местной прессы, отзывы читателей.

Изучая аналитические справки о деятельности сельской библиотеки, мы можем прямо или косвенно почерпнуть оттуда самую разную информацию, в том числе и о спектре читательских предпочтений, которые активно влияют на цели и задачи библиотеки, на формирование библиотечного фонда, на направленность массовых мероприятий, на уровень базовых статистических показателей, применяемых для оценки деятельности библиотеки.

В современной профессиональной литературе термин «читательские предпочтения» трактуется достаточно широко и разнообразно. Мы исходим из определения, приведенного в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «Предпочтение» – это преимущественное внимание, уважение, одобрение кому-чему-нибудь сравнительно с кем-чем-нибудь» [5]. Таким образом, понятие «читательские предпочтения» мы понимаем как преимущественное внимание к выбору определенной литературы, обусловленное проявлением жизненных интересов (нравственных, духовных, профессиональных, познавательных) и осознанных потребностей читателей. Наряду с данным понятием в профессиональной литературе можно встретить и такие определения, как «читательские интересы», «читательские диспозиции», «читательская мода», «информационные потреб-

ности» и др. В контексте данного исследования мы будем использовать понятие «читательские предпочтения» как максимально обобщающее, содержательно близкое многим отраслям деятельности (библиотечное дело, издательское дело, литературоведение, педагогика, психология), связанным с созданием и использованием информации и документов на различных материальных носителях. Предпочтения читателей по выбору литературы весьма разнообразны и могут быть структурированы по различным основаниям: по видам документов, по жанровой, тематической или авторской принадлежности, по хронологическому, языковому или территориальному признаку и т.д.

В качестве примера, иллюстрирующего возможность использовать аналитическую справку о деятельности современной сельской библиотеки для выявления спектра читательских предпочтений, были использованы отчетные документы о деятельности Муниципальной централизованной библиотечной системы (МЦБС) Чаинского района Томской области [6]. На материале аналитической справки о деятельности МЦБС в 2013 г. попытаемся составить представление о деятельности библиотечной системы, а также о возможностях сельской библиотеки по привлечению населения к чтению.

Прежде всего, в аналитической справке приводятся общие сведения об учреждении и обозначаются основные направления библиотечно-информационной деятельности. В контексте изучаемой нами проблемы наиболее актуальными являются информационное направление (предполагающее обеспечение доступа для пользователей к информационным ресурсам), а также культурно-просветительское.

Важнейший элемент аналитических справок – базовые статистические показатели: количество читателей (пользователей), число посещений за отчетный год, количество выданных документов, объем выдачи в рамках межбиблиотечного абонемента (МБА) и электронной доставки документов (ЭДД). Также важным показателем является количество посещений сайта МЦБС. Так, по состоянию на конец 2013 г. общее количество пользователей составило 9080 человек, что на 9 человек больше, чем в предыдущем году. Учитывая, что общее количество жителей Чаинского района составляет 13 248 человек [6. С. 15], мы можем видеть, что

читателями библиотечной системы являются 68,5 % населения, в том числе детей до 14 лет – 2 305 человек (25,3 %), молодежи 15–24 лет – 932 человек (10,2 %).

Также аналитическая справка предоставляет информацию по социально-демографической структуре читательской аудитории района. Основными пользовательскими группами являются пенсионеры, дети до 14 лет, активно услугами библиотеки пользуются подростки, служащие, рабочие, социально незащищенные граждане. Также были выявлены сведения об образовательном уровне читательской аудитории. Так, высшее образование имеют 1 113 человек (12,2 %), неоконченное высшее – 107 человек (1,1 %), среднее специальное – 2 244 человек (24,7 %), среднее – 1 794 человек (19,7 %), неоконченное среднее – 1 104 человек (12,1 %) [6. С. 15]. Данные показатели подробно характеризуют потенциальный читательский рынок одного из северных районов Томской области и могут служить основанием для прогнозирования развития читательских интересов.

Для понимания особенностей организации библиотечного обслуживания жителей района актуальной является информация о структуре централизованной библиотечной системы. В 2013 г. МЦБС Чаинского района насчитывала в общей сложности 17 библиотек, в том числе Центральная районная библиотека, Детская районная библиотека и 15 библиотек-филиалов в селах района [6. С. 5].

Тем не менее библиотечным обслуживанием охвачены не все населенные пункты района [6. С. 6], поэтому в сельских библиотеках активно развивается система внестационарного обслуживания, представляющая собой обслуживание читателей с использованием передвижных библиотек, библиотечных пунктов, коллективного, бригадного, заочного абонемента и книгоношества. Одной из популярных форм внестационарного обслуживания является библиотечный пункт книговыдачи – территориально обособленное подразделение библиотеки, где выдает книги ее штатный работник или библиотекарь-общественник. Внестационарное обслуживание читателей расширяет библиотечное пространство и играет незаменимую роль в предоставлении информации жителям малонаселенных пунктов, не имеющих стационарных библиотек [7]. Активное развитие библиотеками

системы внестационарного обслуживания обусловлено наличием стабильного читательского спроса на литературу различных жанров и тематической принадлежности. Таким образом, используя данную информацию, мы можем выявить перспективы развития книжного рынка в сельской местности.

Базовыми показателями, характеризующими деятельность библиотеки, являются сведения о количественных и качественных аспектах формирования документного фонда. Необходимо отметить, что библиотечный фонд сельской библиотеки формируется в прямом соответствии с информационными запросами читателей, которые, в свою очередь, неразрывно связаны с такой характеристикой, как «профиль фонда» (понимаемый как специализация библиотечного фонда на определенных видах и отраслевой направленности документов). Так, совокупный фонд Чаинской МЦБС в 2013 г. составил 171 405 экз., количество новых поступлений в фонд – 3 332 экз. Общий объем финансирования составил 633 715 руб. [6. С. 7]. Данные цифры показывают интенсивность обновления фонда и могут служить ориентирами при организации сотрудничества сельских библиотек и учреждений сферы создания и распространения документов.

Также аналитическая справка может предоставить информацию, характеризующую видовой состав, процессы движения и использования библиотечного фонда. Статистические показатели структурируются по видам документов, присутствующих в библиотечном фонде: книги и брошюры, журналы и газеты, CD- и DVD-диски, аудиокассеты, собственные электронные ресурсы (генерируемые данной библиотекой). Сведения приводятся в такой последовательности: количество экземпляров в фонде на начало года; количество экземпляров, поступивших и выбывших в отчетном году; количество экземпляров, входящих в фонд в конце года [6. С. 8]. Данная информация может прояснить читательские предпочтения (на основе которых и формируется библиотечный фонд) относительно наиболее популярных и спрашиваемых видов документов.

Полезной информацией, косвенно характеризующей структуру читательских интересов, являются сведения об отраслевом составе новых поступлений в библиотечный фонд. В аналитической справке предусмотрены отраслевые разделы, сформулированные на основе

классификационной системы, принятой в данной библиотеке (как правило, это таблицы Библиотечно-библиографической классификации). В первую очередь структурно выделяется литература по социально-экономическим, естественным, техническим и сельскохозяйственным наукам. Кроме того, сельские библиотеки подробно структурируют поступления по гуманитарным дисциплинам (поскольку основные поступления относятся именно к данным отраслям знания): литература по искусству, филологическим наукам, детская и художественная литература. Отдельно следует упомянуть новые поступления по краеведению, так как краеведческая деятельность относится к важнейшим направлениям работы библиотеки и книги краеведческой направленности пользуются самым активным спросом у читателей (таблица).

Отраслевой состав новых поступлений в муниципальные библиотеки Чаинского района Томской области в 2013 г. [6. С. 9]

Район	Соц.-экон. лит.	Естеств.-науч. лит.	Сельскохоз. науки	Искусство	Спорт	Худож. и дет. лит.	Техн. науки	Филологич. науки	Краеведение
Чаинский	579	238	23	66	–	2191	121	114	54

Находясь в сложной финансовой ситуации, сельские библиотеки стараются активно расширять круг источников комплектования документов. В частности, в качестве источника пополнения фонда можно назвать департамент по культуре и туризму Томской области, молодежный парламент Томской области, департамент природных ресурсов Томской области, комитет охраны окружающей среды и природопользования Томской области. Значительную помощь библиотекам в комплектовании фондов в 2013 г. Чаинской МЦБС оказали книготорговые организации «Книжный мир», «Красная строка», Добровольное общество любителей книги Томской области («ДОЛКнига»). Также документы в фонды сельских библиотек поступают благодаря сотрудничеству с Томской областной универсальной научной библиотекой им. А.С. Пушкина и Томской областной детско-юношеской библиотекой. Небольшую, но важную

часть пополнения фондов составляют дары читателей, а также передача ими в библиотеку литературы взамен утерянной или испорченной [6. С. 9].

Дополнительной информацией, позволяющей структурировать читательские предпочтения, являются сведения об отказах в выполнении информационных запросов [5. С. 9]. Отказы могут быть обусловлены самыми разнообразными причинами, основная из которых – отсутствие издания в библиотеке. За 2013 г. в Чаинской МЦБС читатели получили всего 423 отказа, из них самое большое количество в области художественной и детской литературы – 96, а также социально-экономической литературы – 70. Меньше всего отказов по литературе в области искусства – 15. Тем не менее отказ как явление, неизбежно возникающее при использовании библиотечных фондов, может рассматриваться и в позитивном контексте. Благодаря количественному и содержательному анализу отказов библиотека получает ориентиры для пополнения документного фонда – как в направлении тематики и заглавий требуемых документов, так и в отношении количества экземпляров наиболее спрашиваемой литературы.

Тематическая структура читательских предпочтений и интересов наглядно представлена в таком разделе аналитической справки, как «Полный перечень выписываемых газет и журналов по библиотечной системе за отчетный год» [6. С. 9]. Чаинская МЦБС выписывает более 100 названий периодических изданий, распределяя их по филиалам. Необходимо отметить, что большинство изданий приобретается в 1–2 экземплярах и находится на хранении в Центральной библиотеке. Тем не менее читатели библиотек-филиалов испытывают активную потребность в свежей периодике, поэтому в библиотечной системе развивается такое направление деятельности, как внутрисистемный обмен (ВСО), предполагающий совместное поочередное пользование наиболее популярными изданиями (художественной и детской литературой, справочными и периодическими изданиями). В частности, за 2013 г. по системе ВСО было выдано около 6 тыс. книг и 500 экз. периодических изданий. Наиболее популярными изданиями являются «Мой уютный дом», «Моя прекрасная дача», «Рыболов», «Веселый колобок», «Делаем сами» и др. [6. С. 13].

В контексте изучения читательских предпочтений информативным является раздел аналитической справки, посвященный изучению интересов пользователей в целях повышения эффективности предоставляемых информационно-библиотечных услуг [6. С. 16]. Выявлено, что при составлении плана мероприятий сельская библиотека ориентируется прежде всего на тематические интересы читателей. Немаловажным основанием также являются учебные планы образовательных учреждений. В популяризации литературного наследия библиотеки опираются на ежегодный «Календарь знаменательных и памятных дат». В процессе работы с различными категориями читателей библиотекой было выявлено, что детей и подростков более всего интересуют развивающие и познавательные игры, конкурсные формы работы, позволяющие им проявлять творческую активность и в итоге более эффективно усваивать учебный материал. Читатели старшего поколения более заинтересованы в общении, поэтому для них предпочтительны такие формы работы, как клубы по интересам, вечера воспоминаний, встречи с интересными людьми, обсуждения прочитанных книг. Для различных категорий читателей оказались интересными такие формы работы, как «Летний читальный зал» (предполагающий не только выдачу литературы вне стен библиотеки, но и сопровождение информационного обслуживания конкурсами, играми и познавательными мероприятиями на свежем воздухе), а также «Книговорот по-Чаински» (организация книжного шкафа свободного доступа и обмена книгами).

Отраслевую структуру читательских интересов представляет перечень целевых программ, реализуемых в деятельности сельской библиотеки [6. С. 16–17]. В частности, это «Жить в согласии с природой», «Экологическая азбука», «И на старости не без радости», «Основы информационной культуры», «Поселок красив людьми», «Литературная классика на все времена», «Школа активного гражданина (ШАГ)», «Золотая сотка», «Библионик – программа творческого чтения», «Чтение – дело семейное», «Традиции матушки-Руси», «Известное-неизвестное Подгорное» и др. В частности, в 2013 г. «Литературная гостиная» Чаинской МЦБС приглашала читателей на заседания по таким темам, как «Творчество Олега Митяева», «К 90-летию Николая Доризо», «Книга В. Колочковой «Знак Нефертити», «Солнце моей жизни, или

Три женщины Федора Достоевского», «Стихи любимых поэтов». В рамках развития семейного чтения прошли творческие мероприятия по произведениям Н. Носова, В. Драгунского, С. Михалкова, Б. Заходера, а также читателям были предложены книжные выставки на тему «Все начинается с семьи».

Традиционно сельские библиотеки значительное внимание уделяют краеведческой деятельности, в рамках которой выделяются следующие направления: историческое, экологическое и литературное краеведение [б. С. 21–22]. Популярность данного направления говорит в том числе и о востребованности документов (книг, периодики, электронных изданий) по соответствующей тематике. Работа по историческому краеведению предполагает организацию мероприятий по истории как Томской области в целом, так и Чаинского района и отдельных поселений. Экологическое краеведение привлекает внимание читателей к сохранению природного наследия области, охране и благоустройству заповедников и памятников природы, организации конкурсов на лучшую усадьбу и т.д. Работа по литературному краеведению включает организацию творческих встреч с поэтами и писателями Томской области (В.М. Костин, Н.В. Хоничев). Для обеспечения информационного сопровождения указанного направления работы библиотеки формируют специализированный фонд краеведческой литературы (как правило, немногочисленный), ведут картотеки в традиционном и электронном виде, оформляют тематические папки, включающие статьи из местных периодических изданий (прежде всего, районной газеты «Земля Чаинская»). Отдельного упоминания заслуживает создание в Чаинской МЦБС собственной краеведческой базы данных «Исток», которая содержит оцифрованные фотографии, материалы из семейных архивов, публикации из центральной и местной периодики.

Востребованность читателями краеведческой информации находит свое отражение в издательской деятельности сельских библиотек. Так, в 2013 г. Чаинская МЦБС подготовила следующие мини-издания: «Милая, добрая Родина: сборник стихов и песен о Подгорном» и «Вехи истории: краеведческий календарь: юбилейные и памятные даты и события Чаинского района на 2014 год» [б. С. 23–24]. Данные издания активно используются в культурно-просветительной работе с людьми старшего поколения, которые

являются носителями исторической памяти, а также с детьми и подростками, в процессе освоения ими учебной программы, при написании докладов и рефератов.

Изучению сферы читательских интересов жителей села также способствует информация из раздела «Справочно-библиографическое и информационное обслуживание» [6. С. 24]. Данное направление работы предполагает целенаправленное предоставление фактографической и библиографической информации читателям по интересующим темам как в индивидуальном, так и групповом режимах обслуживания. Так, в 2013 г. приоритетными в информационном обслуживании явились такие темы, как кролиководство, птицеводство, растениеводство и рукоделие. Для выполнения данного вида запросов библиотекой используются собственный книжный фонд, статьи из периодических изданий, удаленные и локальные электронные ресурсы. При составлении аналитических справок библиотекари неоднократно отмечают трудности, препятствующие повышению эффективности данной работы: недостаточно укомплектованный документный фонд, недостаточное финансирование для покупки периодических изданий, отсутствие Интернета во многих филиалах, нехватка оргтехники.

Одним из важнейших направлений работы сельской библиотеки является информационное обеспечение образовательных программ [6. С. 25]. Поскольку более 25% читательской аудитории – школьники и студенты, большое внимание библиотеки уделяют реализации их информационных потребностей. В данном случае сельская и школьная библиотеки работают в тесном контакте, объединяя усилия по предоставлению необходимой литературы ученикам, их родителям, педагогам и сотрудникам образовательных учреждений. Помимо информации, напрямую относящейся к образовательным программам, читателям предлагаются дополнительные материалы – как расширяющие кругозор и формирующие общую эрудицию, так и касающиеся способов повышения эффективности информационной деятельности (в частности, в рамках библиотечных уроков по курсу «Основы информационной культуры»). В частности, за 2013 г. были проведены занятия (и, соответственно, представлена литература по данной тематике) по следующим темам: «Книга и библиотека в

истории человечества и современном мире», «Умелый читатель», «Поиск интересной книги», «Как полюбить чтение, если не любишь читать?» и др.

Осветить направленность читательских интересов также поможет информация из такого раздела аналитической справки, как «Участие библиотеки в конкурсах и проектах» [6. С. 33]. Тематика конкурса свидетельствует о наличии читательского интереса к данной теме и, как следствие, востребованности соответствующей литературы для выполнения конкурсных заданий. В 2013 г. библиотеки Чаинской МЦБС приняли участие в следующих конкурсах: «Читаем всей семьей», «Храним любовь к родной земле», «Россия – родина моя», «Экология родного края», «Чтобы дети верили в чудо: конкурс творческих заданий по детской литературе», «Живу. Люблю. Сохраняю: литературное творчество читателей», «Сказки и легенды земли Сибирской», «Вода, озера, реки глазами детей» и др.

Сотрудники библиотек, работая в рамках вышеперечисленных направлений, сами нередко выступают в качестве читателей [6. С. 35]. Одной из основных должностных обязанностей современного библиотекаря является повышение профессиональной квалификации. Современный рынок профессиональной литературы предоставляет широкие возможности для библиотек по приобретению необходимых изданий (например, издательства «Профессия», «Либерия» и др.). Сельские библиотеки, находясь в сложной финансовой ситуации, вынуждены очень избирательно относиться к пополнению фондов соответствующей литературой. Тем не менее каждая ЦБС в обязательном порядке выписывает ряд периодических изданий, позволяющих находиться в курсе современных профессиональных событий. Так, в Чаинской МЦБС работают 32 человека, из которых 9 имеют высшее образование, высшее библиотечное – 4, среднее специальное – 20. Более 20 лет работают 15 человек. Больше всего сотрудников находятся в возрастных границах от 30 до 55 лет – 22 человека. Перечисленные социально-демографические характеристики, несомненно, накладывают отпечаток на структуру профессиональных читательских интересов, влияя на требования к уровню подачи материала, информационной насыщенности, наличию баланса между освещением научного и практического опыта. Для обеспечения

профессионального роста сотрудников в Чаинской МЦБС выписывается ряд журналов по библиотечному делу, педагогике и организации досуга: «Библиотека», «Читаем, учимся, играем», «Библиополе», «Книжки, нотки и игрушки», «Школьная библиотека», «Читайка» и др. Данные издания наряду с обучающими мероприятиями (районного, областного и всероссийского масштаба) способствуют повышению качества работы сотрудников во всех базовых направлениях деятельности сельской библиотеки.

На основе изученного материала мы можем сделать ряд выводов.

Аналитическая справка является информативным источником, позволяющим как оценить деятельность сельской библиотеки в целом, так и выявить сведения, характеризующие особенности читательских предпочтений жителей сельской местности.

В результате изучения аналитической справки о деятельности муниципальных библиотек Чаинского района Томской области было выявлено, что сельские библиотеки являются активными потребителями как традиционной, так и электронной книжной продукции. Данная ситуация обусловлена не только профилированием библиотечного фонда и особенностями читательских предпочтений, но и требованиями ИФЛА к обновлению библиотечного фонда. Так, фонд общедоступной библиотеки должен полностью обновиться в течение 10 лет; 10 % изданий должны быть изданы в течение последних 2 лет, 30–40 % изданий – за последние 5 лет [8. С. 64].

Сельские библиотеки ведут активную деятельность по формированию и развитию потребности в чтении у различных категорий пользователей. Особенно эффективной является работа с детьми и подростками, которые являются для сельской библиотеки приоритетной читательской категорией и составляют около 25 % от общего числа читателей.

Сельские библиотеки имеют возможность формировать читательский интерес к конкретным изданиям, участвовать в рекламе и продвижении новинок книжного рынка. В профессиональной литературе описан практический опыт отдельных библиотек по созданию и использованию буктрейлеров – небольших рекламных видеороликов, в интересной и доступной форме рассказывающих о какой-либо книге.

Сельские библиотеки могут служить площадкой для проведения социологических исследований по изучению читательских предпочтений жителей села. Учитывая, что большая часть населения района (68 %) является читателями местной ЦБС, подобные исследования будут обладать достоверностью и репрезентативностью.

Сельские библиотеки активно занимаются формированием и развитием информационной культуры читателей, в том числе развитием читательских компетенций. В частности, это возможности поиска необходимой информации с использованием традиционных и современных информационных технологий; знание особенностей современного документопотока; умение работать с текстом, применять навыки анализа и интерпретации данных; умение структурировать материал и делать осознанные выводы; воспитание уважительного отношения к книге и понимание значения процесса чтения во всех сферах жизнедеятельности личности.

Возможности сельских библиотек по формированию читательских предпочтений ограничены сложной финансовой ситуацией в сфере культуры. Раскрыть потенциал сельских библиотек и повысить эффективность их деятельности могли бы целевые программы со стороны издателей и книгораспространителей, предлагающие разнообразные благотворительные и рекламные мероприятия, развивающие систему скидок, реализующие возможности взаимовыгодного сотрудничества.

Литература

1. *Конкурс «Библиотечная аналитика-2014»* [Электронный ресурс]. URL: <http://clrf.nlr.ru/konkurs> (дата обращения: 01.12.2014).

2. *Муниципальные общедоступные (публичные) библиотеки Томской области: информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2013 год* [Электронный ресурс]. Томск, 2014. 117 с. Электрон. версия печат. публ. URL: http://clrf.nlr.ru/tmp_librf/7DCD5EAC-1A4F-4F97-AC3B-371E5729BA7B.pdf (дата обращения: 01.12.2014).

3. *Положение о централизации государственных массовых библиотек*: утверждено Министром культуры СССР 3 февраля 1975 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8496.htm (дата обращения: 01.12.2014).

4. *Кузоро К.А.* Аналитические справки как источник изучения культурно-просветительской деятельности современных сельских библиотек Томской области // Документ : история, теория, практика : сб. материалов V Всерос. науч.-

практ. конф. с междунар. Участием, Томск, 27–28 октября 2011 г. / под общ. ред. О.А. Харусь. Томск, 2012. С. 410–414.

5. *Предпочтение* // Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/967982> (дата обращения: 01.12.2014).

6. *Аналитическая справка о деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Чаинского района» за 2013 год* [Электронный ресурс] / сост. Н.А. Стукалова. Подгорное, 2014. 44 с. Электрон. версия печат. публ. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570_AS_Chaino_2013.pdf (дата обращения: 01.12.2014).

7. *Библиотека, идущая к людям: электронная книжная выставка* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aonb.ru/virt5/virt5.html> (дата обращения: 02.12.2014).

8. *Справочник библиотекаря* / науч. ред. А.Н. Ванеев, В.А. Минкина. СПб.: Профессия, 2001. 448 с. Библиотека.

ANALYTICAL REPORTS ON THE ACTIVITIES OF THE MODERN RURAL LIBRARY AS A SOURCE OF READING PREFERENCES STUDY.

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 89–105. DOI: 10.17223/23062061/9/7

Masyaykina Evgeniya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

Keywords: rural libraries; library analytics; analytical report; study of readers; reading preferences; Tomsk Oblast.

Modern Rural Library is a social service institution designed to solve many problems. Activities of the rural library are evaluated according to different sources. The most informative of these are the materials of library analytics, including both planning and reporting, organizational and methodological documentation, and the results of its analytical processing. Analytical work in the library has a long historical tradition, its objectives, and assumes a certain methodology. Its materials can show reading preferences of different categories of library users who actively influence the goals and objectives of the library, the formation of the library collection, the types of events, the level of basic statistical indicators used to assess the activities of the library.

The term “reading preferences” in the article is understood as a primary attention to the choice of particular literature determined by the vital interests (moral, intellectual, professional, educational) and conscious needs of readers. Reading preferences in literature are quite diverse and can be structured on a variety of grounds.

The study of the analytical report on the activities of municipal libraries of Chainsky District of Tomsk Oblast showed that rural libraries are active users of both traditional and e-book products. This situation is due not only to the library collection profile and the reading preferences, but also to the requirements of the International Federation of Library Associations and Institutions for the renewal of the library fund. Rural libraries are active in the formation and development of needs in reading for different categories of users. Especially effective is to work with children and adolescents who are a priority reader category for rural libraries, and constitute about 25 % of the total number of readers. Rural libraries have an opportunity to shape the reader’s interest to specific publications, to participate in advertising and promotion of novelties of the book market. Professional literature describes the practical experience of individual libraries in creating and using book

trailers, small promotional videos telling about a book in an interesting and easy way. Rural libraries can serve as a platform for carrying out sociological studies on the reading preferences of villagers. Given that most of the population of the region (68 %) are the local Centralized Library System readers, such studies will be the credible and representative. Finally, rural libraries are active in the formation and development of the information culture of readers, including the development of reading skills. In particular, it is opportunities of finding necessary information with the use of traditional and modern information technology; knowledge of the characteristics of modern information flow; ability to work with the text, apply the skills of data analysis and interpretation; ability to structure the material and make grounded conclusions; promote respect for books and understanding the value of the reading process in all spheres of life of the individual.

The possibilities of rural libraries in the formation of reading preferences are limited to the difficult financial situation in the sphere of culture. A solution to the problem of using the potential of rural libraries and improving their efficiency is target programs from publishers and book distributors, offering a variety of charitable and promotional activities, developing a system of discounts and mutually beneficial cooperation.

References

1. Central Libraries of the Russian Federation. (2014) *Konkurs "Bibliotchnaya analitika-2014"* [Library Analyst-2014 Competition]. [Online] Available from: <http://clrf.nlr.ru/konkurs>. (Accessed: 1st December 2014).
2. Central Libraries of the Russian Federation. (2013) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Tomskoy oblasti: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatelnosti za 2013 god* [Municipal Public Libraries of Tomsk Region: Informational and Analytical Review for 2013]. [Online]. Available from: http://clrf.nlr.ru/tmp_librf/7DCD5EAC-1A4F-4F97-AC3B-371E5729BA7B.pdf. (Accessed: 1st December 2014).
3. Library of USSR Legal Acts. (1975) *Polozhenie o tsentralizatsii gosudarstvennykh massovykh bibliotek: utverzhdeno Ministrom kul'tury SSSR 3 fevralya 1975 goda* [Regulation on the Centralization of State Public Libraries: approved by the USSR Minister of Culture of February 3, 1975]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8496.htm. (Accessed: 1st December 2014).
4. Kuzoro, K.A. (2012) *Analiticheskie spravki kak istochnik izucheniya kulturno-prosvetitel'skoy deyatelnosti sovremennykh sel'skikh bibliotek Tomskoy oblasti* [Analytical reports as a source of study of cultural and educational activities of a modern rural library in Tomsk region]. In: Kharus', O.A. (ed.) *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: History, Theory, Practice]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 410-414.
5. Ushakov, D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/967982>. (Accessed: 1st December 2014).
6. Stukalova, N.A. *Analiticheskaya spravka o deyatelnosti munitsipal'nogo byudzhetskogo uchrezhdeniya kul'tury "Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotchnaya sistema Chainskogo rayona" za 2013 god* [Analytical Report on the Activities of the Municipal Budget Institution of Culture "Centralized Library System of Chainsky District" for 2013]. [Online] Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3570_AS_Chaino_2013.pdf. (Accessed: 1st December 2014).

7. Arkhangelsk Regional Scientific Library. (n.d.) *Biblioteka, idushchaya k lyudyam: elektronnaya knizhnaya vystavka* [The Library Coming to People: An Electronic Book Exhibition]. [Online] Available from: <http://www.aonb.ru/virt5/virt5.html>. (Accessed: 2nd December 2014).

8. Vaneev, A.N. & Minkina, V.A. (2001) *Spravochnik bibliotekarya* [The Librarian Reference Book]. St. Petersburg: Professiya.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 091 : 371.64/.69(093)
DOI 10.17223/23062061/9/8

В.А. Есипова

ТЕХНИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ КНИГИ И ПОВЕДЕНИЕ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В статье рассматривается проблема соотношения репертуара изданий, воспроизведенных при помощи различных техник тиражирования. Показано, что новые техники тиражирования не сменяют друг друга последовательно, а существуют, позволяя автору сделать выбор в пользу той или иной техники воспроизведения в зависимости от стоящих перед ним задач. Доказано, что появление новых техник тиражирования приводит к изменениям в репертуаре, что отражает поведение автора и читателя в связи с появлением новых технических возможностей.

Ключевые слова: история книги, рукописная книга, литография, книжный репертуар, техника тиражирования книги.

Как констатирует известный историк книги Роже Шартье, «процессы производства, распространения и чтения текстов неодинаковы в эпоху свитка, кодекса и компьютерного экрана» [1. С. 17]. Шартье предлагает разграничивать следующие типы трансформаций:

а) «революции» в технике воспроизводства текстов (в первую очередь переход от scribal culture к print culture);

б) изменения в самих формах книги (главное из них – это вытеснение книги-свитка, volumen, книгой, состоящей из тетрадей, codex, в первые столетия христианской веры, но были и другие, более скромные, в результате которых в XVI–XVII вв. печатная страница приобрела иной вид);

в) более масштабные изменения в области читательских компетенций и способов чтения. Все эти процессы происходят с разной скоростью и в разном ритме. Наиболее интересный вопрос, который стоит перед историей чтения, – это, безусловно, установление взаи-

мосвязи между этими тремя типами изменений, техническими, формальными и культурными [1. С. 138].

Для того чтобы реконструировать эти изменения, историки книги обращаются к сохранившимся книжным собраниям и исследуют их как с точки зрения техник воспроизведения, так и с других точек зрения, например со стороны репертуара. Рассмотрим в качестве примера коллекцию отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Ранее уже была опубликована работа, посвященная эволюции репертуара учебной и научной рукописной книги на примере материалов ОРКП НБ ТГУ [2]. В ней, в частности, было показано, что с появлением новых техник воспроизведения, например литографии и гектографа во второй половине XIX в. происходит изменение репертуара рукописной книги. Научные и учебные тексты уходят из состава рукописной книги и в состав литографии и машинописи.

В настоящее время уже закончено описание более поздних частей коллекции рукописей ОРКП НБ ТГУ (вторая половина XIX–XX в.). Анализ тематики рукописей этой части коллекции показывает, что относительное количество научных и учебных рукописей становится еще меньше. Так, среди рукописей гражданского письма XX в. имеется единственный сборник математических трудов [3], историческое сочинение [4], сборник духовных музыкальных произведений [5] и альбом архитектурных форм [6].

На это могут быть следующие причины. С одной стороны, именно в конце XIX – начале XX в. начинает проникать в повседневный быт ученых печатная машинка; постепенно от писания рукой ученый все чаще переходит к печатанию на машинке. Соответственно, эти рукописи отложились в другой коллекции ОРКП НБ ТГУ – «Литография и машинопись». Также продолжают широко использоваться в качестве техники тиражирования учебников и курсов лекций литография и гектограф. С другой стороны, если и рассматривались творческие рукописи ученых как документ, подлежащий хранению, то уже не как единичные рукописи, а в составе личного архива. В этом качестве они чаще всего передавались на хранение не в библиотеки, а в государственные архивы или музеи. Подтверждением этого предположения служат личные архивы ученых (например, Г.Н. Потанина), отложившиеся в ОРКП НБ ТГУ.

Другой сегмент – литературные произведения – представлен в рассматриваемом периоде гораздо шире, чем в периодах более ранних: таких рукописей 6 ед. Он включает в основном тексты, написанные в начале XX столетия, в том числе – посвященные Сибири и Томску [7] (текст опубликован: [8]. См. также [9, 10]. Наконец, наиболее многочисленна группа старообрядческих сочинений, переписанных гражданской скорописью (7 ед.) ([11, 12, 13] и др.

Очевидно, в XX в. продолжилось и усилилось перераспределение репертуара между различными техниками тиражирования. Этот процесс усложнился и ускорился не в последнюю очередь потому, что, наряду с литографией и гектографом появляются такие техники воспроизведения, как стеклография, ротап rint и (позже) электрографическая копия. Эти техники плоской печати позволяли получать тираж весьма оперативно, минуя при этом стадию набора. За счет этого стоимость тиражирования снижалась по сравнению с традиционной наборной печатью.

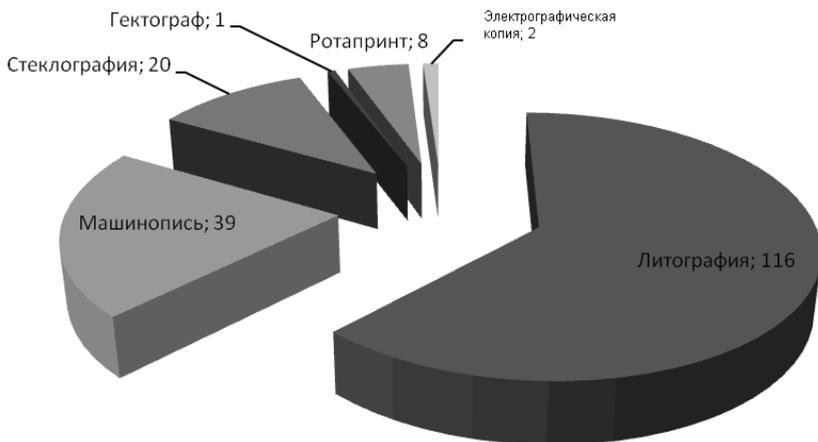

Рис. 1. Техники воспроизведения. XX в.

Рассмотрим эти детали подробнее, основываясь на коллекции «Литография и машинопись», хранящейся в ОРКП НБ ТГУ. Выберем из коллекции издания, относящиеся к XX в., всего их 187 ед. на настоящий момент; в них использованы следующие техники вос-

произведения (рис. 1). Видно, что подавляющее большинство изданий в составе рассматриваемой части коллекции литографировано (116 ед.), существенная доля представляет собой машинописные тексты (39 ед.), остальные техники представлены не так широко. Что касается тематики этих текстов, она распределяется следующим образом (рис. 2). Очень большую долю занимают именно учебные и научные тексты – конспекты лекций, учебники и т.д. (134 ед.), а также литературные произведения и мемуары (21 ед.). Невелика доля текстов религиозной тематики (15 ед.), производственной и инструктивной литературы (12 ед.) и картографических материалов (3 ед.).

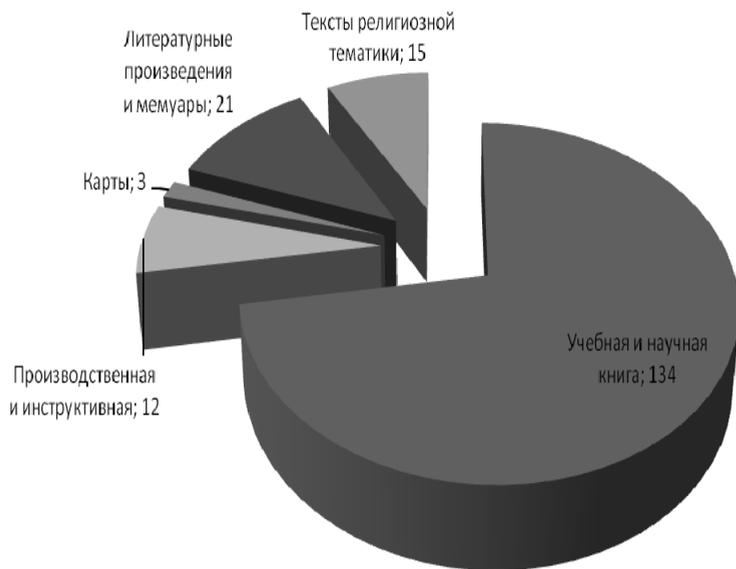

Рис. 2. Тематика изданий коллекции «Литография и машинопись»

Попробуем разобраться, чем был вызван выбор автором той или иной техники тиражирования текста. Анализируя историю возникновения литографированных театральных пьес, А.И. Рейтблат справедливо отмечает: «...широкий спрос на пьесы... не означал, что круг потребителей пьес велик. Ситуация была такова, что нужно

было много пьес, но выпущенных небольшим тиражом» [14. С. 351]. То же самое можно сказать и о конспектах студенческих лекций: необходимо было изготовление сравнительно небольшого числа копий по целому ряду курсов, которые к тому же обновлялись год от года. Спрос на литографированные курсы был устойчив и определялся наличием студентов, слушающих их. Но нельзя сказать, что группа этих студентов была велика, т.е. изготовление большого тиража было бы просто нерентабельно.

Ряд литографированных изданий лекций томских профессоров представлен в коллекции ОРКП НБ ТГУ. Например, «Записки по зоологии» по лекциям профессора Н.Ф. Кашенко были составлены студентами Гурьевым и Сасыкиным [15]. «Интегрирование дифференциальных уравнений» по лекциям профессора Ф.Э. Молина за 1904 г. составлено студентом Н. Хитровым [16], а курс лекций В.Л. Некрасова по той же теме за 1910 г. – студентом М.В. Пахомовым [17] и т.д. Иногда в издании указывалось также, что текст одобрен лектором, например: «По указаниям лектора и издал студент И.А. Квашинский» [18] или: «Составлено по лекциям и под редакцией проф. Алексеевского студ. И. Никишовым» [19].

Тиражирование литературных произведений с помощью литографирования и гектографирования было также обусловлено относительной дешевизной и сравнительно небольшой читательской аудиторией. Например, среди гектографированных изданий есть литературные журналы [20, 21]. Появление литографированных делопроизводственных документов [22] имело причиной также необходимость обеспечения небольшого круга заинтересованных лиц идентичными копиями текста и являлось в этом смысле предшественником современного электрографического копирования. В советский период в качестве техники тиражирования таких документов стала использоваться стеклография [23, 24].

Обратим внимание на технику изготовления оригинала для литографирования и гектографирования. В рассматриваемый период существовало две основные техники: письмо от руки с использованием специальных чернил и печать на пишущей машинке, лента которой также пропитывалась соответствующим составом. Оригиналы для тиражирования конспектов лекций, как и литературных журналов, преимущественно переписывались от руки; например, для изготовления оригиналов лекций обычно привлекались студенты с наи-

более разборчивым почерком; часто такие оригиналы переписывались не одним студентом, а группой. В результате в готовом издании можно наблюдать смену почерков по тетрадам.

В качестве оригинала для гектографированных изданий также использовались преимущественно рукописи. К этому необходимо добавить, что эта техника тиражирования к началу XX в. стала еще более дешевой и общедоступной. Если в 80–90-е гг. XIX в. для приобретения гектографа необходимо было специальное разрешение, то в 1913 г. книжный магазин П.И. Макушина предлагал всем желающим приобрести «Арифмометры, ротаторы-альфидинги, дающие до 150 копий в минуту, иостографы, мимеографы, шапирографы, гектографы и все принадлежности к ним» [25. С. 60–62; 26].

Делопроизводственные же документы перепечатывались при помощи пишущей машинки со специальной лентой; это вполне объяснимо, если принять во внимание обеспеченность пишущими машинками, например, томских организаций [26]. Кроме того, на услуги машинисток (или, как их называли, «ремингтонисток») в Томске в начале XX в. был большой спрос [27]. Таким образом, выбор техники изготовления оригинала для тиражирования был обусловлен низкой стоимостью и быстротой исполнения; в каждом из случаев использовались наиболее доступные и дешевые ресурсы.

Рассмотренные материалы приводят нас к следующим выводам. Такой тип трансформаций, как «революции» в технике воспроизведения текста, не является одномоментным, и техники воспроизведения не сменяют друг друга в строгой и однозначной последовательности, они сосуществуют и используются в зависимости от нужд автора и читателя. Это справедливо в отношении как крупных изменений (таких как переход от *scribal culture* к *print culture*), так и трансформаций внутри *print culture*, таких как появление и распространение техник малой полиграфии.

Сосуществование различных техник воспроизведения текста определяет специфику поведения автора и читателя, что отражается в репертуаре изданий, воспроизведенных различными техническими средствами. При появлении новой техники воспроизведения происходит «перетекание» части репертуара, ранее воспроизводившегося одним способом, в другую область, где тексты воспроизводятся новым техническим способом. Это «перетекание» обусловлено как нуждами автора (донесением как можно быстрее новой информации

до заинтересованного читателя и удобством, простотой использования новой техники), так и нуждами читателя (оперативность получения новых данных, воспроизведенных новым техническим способом). Как видно, эти процессы идут одновременно, но с разной скоростью и в разном ритме, что и определяет конкретно-историческую картину региональной истории книги.

Литература

1. *Шартье Р.* Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф. М.: Новое изд-во, 2006. 272 с.
2. *Есипова В.А.* Учебная и научная рукописная книга: проблемы терминологии и библиотечной практики (по материалам ОРКП НБ ТГУ) // Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 2: Книга в медиaprостранстве. Новосибирск, 2011. С.113–120.
3. *ОРКП НБ ТГУ.* 59.888. Некрасов В.Л. «Дифференциальное исчисление». XX в. (нач.).
4. *ОРКП НБ ТГУ.* В-9787. «Рязанское княжество во время нашествия Батюга». XIX в. (кон.) – XX в. (нач.).
5. *ОРКП НБ ТГУ.* В-16.468. Липаев Ф.А. Духовные музыкальные сочинения. XX в. (нач.).
6. *ОРКП НБ ТГУ.* В-9433. «Альбом архитектурных форм». XX в. (нач.; не ранее 1914 г.).
7. *ОРКП НБ ТГУ.* В-5475. «В гостях у томичей». 1901 г.
8. *Есипова В.А.* «В гостях у томичей» – рукопись начала XX в. о Томске // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 371. С. 84–91.
9. *ОРКП НБ ТГУ.* В-4246. Водяной С. «Сибирь через пятьдесят лет (возможная действительность)». Томск, 1920 г.
10. *ОРКП НБ ТГУ.* В-5512. Григорьев А.И. «Легенды о императоре Александре I Благословенном и Феодоре Козьмиче». 1909 г.
11. *ОРКП НБ ТГУ.* В-9416. Сочинение полемическое старообрядческое. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.).
12. *ОРКП НБ ТГУ.* В-17.986. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XX в. (нач.).
13. *ОРКП НБ ТГУ.* В-9785. Сборник духовных стихов. XX в. (50–60-е гг.).
14. *Рейтблат А.И.* Русская литографированная пьеса: ее создатели, распространители, хранители // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 349–356.
15. *Кащенко Н.Ф.* Записки по зоологии, составленные по лекциям профессора Кащенко, читанным студентам императорского Томского университета в 1889–1890 академ. году, студентами Гурьевым и Сасыкиным. Томск, 1889–1890. 331 с., 36 табл.
16. *Молин Ф.Э.* Интегрирование дифференциальных уравнений. По лекциям, читанным профессором Ф.Э. Молиным в 1903–1904 году / сост. студент Н. Хитров. Томск, 1904. 400 с.
17. *Некрасов В.Л.* Интегрирование дифференциальных уравнений: Курс химического и горного отделений / сост. студент М.В. Пахомов. Томск, 1910. 99 с.

18. *Титов В.С.* Конспект лекций о магнетизме, читанных в 1909 уч. году по курсу физики В.С. Титовым в Томском технологическом институте / сост. по указаниям лектора и издал студент И.А. Квашинский. Томск, 1909. 48 с.
19. *Алексеевский В.П.* Динамика / сост. по лекциям и под ред. проф. Алексеевского студ. И. Никишовым. 1912–1913 уч. год. Томск, 1913. 271 с.
20. *ОРКП НБ ТГУ.* В-5479. Родная Сибирь: лит.-науч. журн. 1919. №5. Томск. 18 л.
21. *Литературный журнал историко-филологического факультета ТГУ.* Томск, 1922. 60 л.
22. *Проект* временного положения о Сибирских Высших женских курсах в Томске. Б. м., б.г. [Томск]. 15 с.
23. *План* подготовки Томской железной дороги к осеннее-зимним перевозкам в 3 квартале 1931 г. Томск, 1931. 40 с., табл.
24. *План* подготовки Томской железной дороги к осеннее-зимним перевозкам в 3 квартале 1931 г. Томск, 1931. 40 с., табл.
25. *Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.).* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.
26. *Сибирская жизнь.* 1913. 16 февр.
27. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 56. Д. 32.

TITLE PRINT TECHNIQUES OF THE BOOK AND BEHAVIOR OF THE AUTHOR AND THE READER (BASED ON COLLECTIONS OF THE RARE BOOKS AND MANUSCRIPTS DEPARTMENT OF TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY).

Text. Book. Publishing. 2015, 2 (9), pp. 106–116. DOI: 10.17223/23062061/9/8

Esipova Valeriya A. Tomsk State University Research Library (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Key words: book history; manuscripts; lithograph; book repertoire; methods of book replication.

Three basic types of transformation are considered in today's bibliography: technical, formal and cultural. One of the major problems the history of reading is facing now is the problem of the relationship between these three types of transformation.

The problem of correlation between the repertoire of publications and the use of different replication techniques is considered in the article on the example of the collections of the Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library. Collections of manuscripts (mainly dated by the end of the 19th and early 20th centuries) and collection "Lithography and Typewritten Books" were under study. There obviously was a redistribution of the repertoire between the various techniques of replication: thus, the relative number of manuscripts of scientific and educational character decreased with time, but the number of scientific papers written on a typewriter, and lecture notes reproduced by lithography and the hectograph increased. The redistribution between different techniques of replication grew in the 20th century due to the emergence of new techniques of replication, in particular, without typesetting (collotype, electrographic copy). They allowed increasing the speed of edition production and reducing its cost; all this affected the author's choice in favor of a certain reproducing technique.

The new methods of replication did not follow each other sequentially, but coexisted; so, the author had a possibility to choose a method of replication depending on replication tasks, time and cost. For instance, the choice of the hectograph or lithography as a replication technique was due to a relatively low cost and a small size of readership. Using a typewriter is typical for manuscripts of scientists and writers, not intended directly for publication. Hectograph copies of business documentation ensured that a large range of people had identical copies of the text.

It is proved that appearance of new methods of book replication leads to changes in the book repertoire, which reflects the behavior of the author and the reader in connection with new technical possibilities. The coexistence of different replication techniques and a choice between them are reflected in the editions repertoire. These processes occur simultaneously, but at different speeds and in different rhythm, which determines the concrete historical picture of regional book history.

References

1. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Translated from French by I.K. Staf. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

2. Esipova, V.A. (2011) *Uchebnaya i nauchnaya rukopisnaya kniga: problemy terminologii i bibliotechnoy praktiki (po materialam ORKP NB TGU)* [Educational and scientific manuscript book: problems of terminology and library practice (based on the Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU)]. In: Lizuniva, I.V. (ed.) *Trudy GPNTB SO RAN* [Proceedings of the State Public Scientific Technological Library, SB RAS]. Issue 2. Novosibirsk: SPSTL SB RAS. pp.113-120.

3. Nekrasov, V.L. *Differentsial'noe ischislenie* [Differential calculus]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. 59.888.

4. Anon. (n.d.) *Ryazanskoe knyazhestvo vo vremya nashestviya Batyya XIX v. (kon.) – XX v. (nach.)* [Ryazan Principality During The Invasion of Batu. The Late 19th – Early 20th Centuries]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-9787.

5. Lipaev, F.A. (n.d.) *Dukhovnye muzykal'nye sochineniya. XX v. (nach.)* [Spiritual Musical Compositions. The Early 20th century]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-16.468.

6. Anon. (n.d.) *Al'bom arkhitekturnykh form. XX v. (nach.; ne ranee 1914 g.)* [An Album of Architectural Forms. The 20th century (1914 or later)]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-9433.

7. Anon. (1901) *V gostyakh u tomichey* [Visiting Tomsk Residents]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-5475.

8. Esipova, V.A. (2013) *Visiting Tomsk Residents: A Manuscript of Early 20th Century about Tomsk. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 371. pp. 84-91.

9. Vodyanoy, S. (1920) *Sibir' cherez pyat'desyat let (vozmozhnaya deystvitel'nost')* [Siberia in Fifty Years (A Possible Reality)]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-4246.

10. Grigor'ev, A.I. (1909) *Legenda o imperatore Aleksandre I Blagoslovennom i Feodore Koz'miche* [Legends of Emperor Alexander I and Blessed Theodore Kozmich]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-5512.

11. Anon. (n.d.) *Sochinenie polemicheskoe staroobryadcheskoe. XIX v. (kon.) – XX v. (nach.)* [The Polemical Work of the Old Believers. The Late 19th – early 20th century]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-9416.
12. Anon. (n.d.) *Sbornik staroobryadcheskiy smeshannogo sodержaniya. XX v. (nach.)* [The Collection of Old Believers's Works of mixed content. The early 20th century]. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-17.986.
13. Anon. (n.d.) *Sbornik dukhovnykh stikhov. XX v. (50-60-e gg.)* [The Collection of Spiritual Poems. The 1950-1960-s.] The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-9785.
14. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works of Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 349-356.
15. Kashchenko, N.F. (1889–1890) *Zapiski po zoologii, sostavlennye po lektsiyam professora Kashchenko, chitannym studentam imperatorskogo Tomskogo universiteta v 1889-1890 akad. godu, studentami Gur'evym i Sasykinym* [Notes on Zoology Based on Lectures by Professors Kashchenko in Imperial Tomsk University in 1889–1890 Compiled by Students Guriyev And Sasykin]. Tomsk: Mikhaylov & Makushin.
16. Molin, F.E. (1904) *Integrirovaniye differentsial'nykh uravneniy. Po lektsiyam, chitannym professorom F.E. Molinym v 1903–1904 godu* [Integration of Differential Equations. In Lectures Given by Professor F. Molina in 1903–1904]. Tomsk.
17. Nekrasov, V.L. (1910) *Integrirovaniye differentsial'nykh uravneniy. Kurs khimicheskogo i gornogo otdeleniy* [Integration of Differential Equations. The Course of Chemical and Mining Departments]. Tomsk.
18. Titov, V.S. (1909) *Konspekt lektsiy o magnetizme, chitannykh v 1909 uch. godu po kursu fiziki V.S. Titovym v Tomskom tekhnologicheskoye institute* [Lectures on Magnetism Read in 1909 for the Course of Physics by V.S. Titov in Tomsk Institute of Technology]. Tomsk.
19. Alekseevskiy, V.P. (1913) *Dinamika. Sostavleno po lektsiyam i pod redaktsiyey prof. Alekseevskogo stud. I. Nikishovym. 1912-1913 uch. god.* [Dynamics. Compiled from lectures by student I. Nikishov and edited by prof. Alekseevsky. 1912–1913]. Tomsk.
20. Rodnaya Sibir'. (1919) *Rodnaya Sibir'* [Native Siberia]. Literary and Scientific Journal. 5. The Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library TSU. V-5479.
21. Faculty of History and Philology, TSU. (1922) *Literaturnyy zhurnal istoriko-filologicheskogo fakul'teta TGU* [Literary Journal of the Department of History and Philology, Tomsk State University]. Tomsk.
22. Anon. (n.d.) *Proekt vremennogo polozheniya o Sibirskikh Vysshikh zhenskikh kursakh v Tomске* [The Draft of Provisional Regulations on the Siberian University for Women in Tomsk]. Toom: s.n.
23. Anon. (1931) *Plan podgotovki Tomskoy zheleznoy dorogi k osenneye-zimnim per-evozkam v 3 kvartale 1931 g.* [Plan for the preparation of the Tomsk railroad to the autumn-winter transportation in Quarter 3, 1931]. Tomsk: s.n.
24. Anon. (1931) *Plan podgotovki Tomskoy zheleznoy dorogi k osenneye-zimnim per-evozkam v 3 kvartale 1931 g.* [Plan for the preparation of the Tomsk railroad to the autumn-winter transportation in Quarter 3, 1931]. Tomsk: s.n.

25. Esipova, V.A. & Vorob'eva, T.L. (eds) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomska (XIX – nachalo XX v.)* [The Book Culture in Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

26. *Sibirskaya zhizn'*. (1913) 16th February.

27. The State Archives of Tomsk Region. Fund 3. List 56. File 32.

К.А. Ложкина, О.В. Климова

**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИВЕДЕНИЯ МАКЕТА
АННОТИРОВАННОЙ КАТАЛОЖНОЙ КАРТОЧКИ
В ВУЗОВСКИХ ИЗДАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ,
ВЫПУСКАЕМЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассмотрены функции макета аннотированной каталожной карточки на примере изданий, выпускаемых Издательством Уральского университета. Сделан вывод о том, что данный элемент выходных сведений издания лишился своего первоначального смысла в связи с автоматизацией процессов библиографической обработки и статистического учета изданий. Кроме того, макет аннотированной каталожной карточки проанализирован с точки зрения полезности/неполезности для читателей. Авторы статьи полагают, что отдельные его элементы – библиографическая полоска и аннотация – необходимы читателю, однако приведение в издании макета аннотированной каталожной карточки целиком вызывает неоправданное дублирование выходных сведений, что доказывает его нецелесообразность.

Ключевые слова: выходные сведения издания, каталожная карточка, макет аннотированной каталожной карточки, вузовские издания.

Как утверждает ГОСТ Р 7.0.3–2006, «выходные сведения – это составная часть аппарата издания, содержащая совокупность данных, всесторонне характеризующих издание и предназначенных для информирования потребителей, библиографической обработки и статистического учета изданий» (курсив наш. – К.Л., О.К.) [ГОСТ Р 7.0.3–2006, 2010, с. 249]. Таким образом, состав выходных сведений издания обусловлен потребностью в них читателей, работников библиотек, книготорговых организаций, а также сотрудников филиала ТАСС «Российская книжная палата», осуществляющего статистический учет изданий.

Составители ГОСТ Р 7.0.4–2006 выделяют основные и дополнительные выходные сведения, исходя из востребованности выходных сведений. Согласно этому ГОСТу одним из дополнительных элементов оформления издания является макет аннотированной каталожной карточки (далее – МАКК), в то время как в ГОСТ 7.4–77 МАКК входит в перечень основных элементов выходных сведений. Смысл макета аннотированной каталожной карточки А.Э. Мильчин

усматривает в том, чтобы библиотеки могли скопировать макет на каталожную карточку сразу же после поступления книг и тем самым резко сократить срок их библиотечной обработки [Мильчин, 2011, с. 38]. Именно поэтому ГОСТ 7.51–1998, а вслед за ним и ныне действующий ГОСТ Р 7.0.13–2011 жестко регламентируют размер МАКК в издании – 125 × 75 мм (размер МАКК равен размеру каталожной карточки). Однако отнесение МАКК к факультативным элементам выходных сведений ныне действующим ГОСТом свидетельствует об утрате отмеченной А.Э. Мильчиным функции. Рассмотрим проблему целесообразности приведения МАКК в вузовских изданиях на примере учебной и научной литературы, выпускаемой Издательством Уральского университета.

Во-первых, проанализируем необходимость МАКК для библиографической обработки и статистического учета изданий. При распределении тиража учебных изданий, выпускаемых Издательством Уральского университета, часть его попадает в зональную научную библиотеку (ЗНБ) УрФУ. Библиотека оснащена электронной системой каталогизации, которая подразумевает введение сведений об издании в электронные поля будущей карточки. Библиотекари самостоятельно анализируют издание и на основании этого анализа заполняют в электронной системе карточку, распечатывают ее и размещают в систематическом каталоге. Таким образом, сотрудники библиотеки не делают ксерокопий МАКК для последующего его размещения на карточке систематического каталога.

Кроме ЗНБ УрФУ, 16 экземпляров каждого издания, имеющего ISBN, отправляются в филиал ТАСС «Российская книжная палата» согласно закону об обязательном экземпляре документов. В этом законе указаны организации, в которых хранятся обязательные экземпляры печатных изданий, а именно: Российская книжная палата, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, библиотека Российской академии наук и др. Во всех этих организациях также внедрена электронная система каталогизации.

Таким образом, для библиографической обработки и статистического учета изданий вышеназванными организациями МАКК не нужен.

Следовательно, получается, что МАКК необходим только читателю для получения наиболее полной библиографической информа-

ции об издании. Для доказательства этого положения рассмотрим подробно перечень элементов, входящих в состав МАКК согласно ГОСТ Р 7.0.13–2011, и обоснуем полезность/неполезность каждого из них для читателя.

Как известно, МАКК состоит из заголовка библиографической записи и библиографического описания (библиографической полоски), издательской аннотации, классификационных индексов УДК и ББК, авторского знака и ISBN.

Заголовок библиографической записи и библиографическое описание (библиографическая полоска) содержат основные выходные сведения издания, их приведение в научных и учебных изданиях, выпускаемых Издательством Уральского университета, на наш взгляд, необходимо, поскольку составленная в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 библиографическая полоска помогает читателю оформить корректную ссылку на издание в научных работах. Эта функция библиографической записи очень важна: далеко не каждый читатель способен самостоятельно корректно оформить библиографическую запись, поскольку не имеет навыков работы с ГОСТ.

Издательская аннотация. Цель этого элемента МАКК – кратко охарактеризовать содержание, целевое назначение издания, его читательский адрес и другие особенности, не отраженные в выходных сведениях на титульном листе [Гильберг, 1979, с. 42]. Таким образом, аннотация, прежде всего, предназначена для потенциальных читателей издания. В рамках нашего исследования потенциальными читателями изданий, выпускаемых Издательством Уральского университета, в первую очередь являются студенты и преподаватели УрФУ.

Классификационные индексы УДК, ББК. Эти индексы предназначены для систематизации изданий, осуществляемой библиотеками. Согласно ГОСТ Р 7.0.4–2006 индексы УДК и ББК являются обязательными элементами выходных сведений издания, и размещать их следует в верхнем левом углу оборота титульной страницы издания [ГОСТ Р 7.0.4–2006, 2010, с. 278]. Если в издании приводится МАКК (напомним, что его размещение в издании согласно ГОСТ Р 7.0.4–2006 факультативно), то классификационные индексы дублируются. Такое дублирование оказывается неоправданным. Для читателя эти индексы малоинформативны, а для библиотек доста-

точно их приведения в левом верхнем углу оборота титульной страницы.

Двузначный авторский знак. «Это условное обозначение фамилии автора (первого автора, если авторов два или три) или первого слова заглавия (для книг, библиографическая запись которых начинается с заглавия, т.е. книг с более чем тремя авторами или книг, авторы которых не указаны) в виде первой (прописной) буквы фамилии автора или первого слова заглавия и соответствующего начальному слогу фамилии или заглавия двузначного числа в цифровой форме. При алфавитной расстановке книг на библиотечной полке или каталожных карточек в алфавитном каталоге авторский знак определяет их место там» [Мильчин, 2003, с. 21]. Согласно ГОСТ Р 7.0.4–2006 авторский знак является обязательным элементом выходных сведений издания и приводится в левом верхнем углу оборота титульной страницы издания под первой цифрой индекса ББК [ГОСТ Р 7.0.4–2006, 2010, с. 278]. Если в издании приводится МАКК, то происходит неоправданное дублирование авторского знака, поскольку библиотекарям достаточно авторского знака, обязательно приводимого под ББК, а читателю авторский знак фактически не нужен.

ISBN. Является международным стандартным номером книги. Согласно ГОСТ Р 7.0.4–2006 ISBN – обязательный элемент выходных сведений издания, размещаемый в левом нижнем углу оборота титульной страницы издания [ГОСТ Р 7.0.4–2006, 2010, с. 278]. Для читателя стандартный номер книги малоинформативен. Он приводится для осуществления регистрации издания филиалом ТАСС «Российская книжная палата». Если в издании приводится МАКК, то происходит неоправданное дублирование и ISBN.

Таким образом, из всех вышеперечисленных элементов МАКК полезными для читателя оказываются только библиографическая запись и издательская аннотация. Они могут быть приведены в издании как самостоятельные элементы, не находясь в составе МАКК. Следовательно, приведение МАКК в качестве элемента выходных сведений изданий, выпущенных Издательством Уральского университета, видится нам нецелесообразным. Для того чтобы подтвердить справедливость этого вывода для учебных и научных изданий других вузов, необходимо выяснить, кто в каждом конкретном случае взаимодействует с изданием после его публикации.

Думается, принципиально важно, чтобы издатели осмысленно подошли к оформлению выходных сведений издания и, принимая решение об их составе, кроме сложившихся традиций оформления, учитывали функциональность каждого приводимого элемента.

Литература

1. *ГОСТ Р 7.0.3–2006*. Издания. Основные виды. Термины и определения. Введ. 2007–01–01 // Основные стандарты по издательскому делу / сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 237–273.
2. *ГОСТ Р 7.0.4–2006*. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. Введ. 2007–01–01 // Основные стандарты по издательскому делу / сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 274–319.
3. *Гильберг Л.А.* Словарь-справочник автора / сост. Л.А. Гильберг, Л.И. Фрид; общ. ред. и словник А.Э. Мильчина. М.: Книга, 1979. 304 с.
4. *Мильчин А.Э.* Подготовка и редактирование аппарата книги: Как сделать книгу удобной для читателя. М.: Шк. изд. и медиа бизнеса: Унив. кн., 2011. 256 с.
5. *Мильчин А.Э.* Издательский словарь-справочник. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. 558 с.

THE FEASIBILITY OF THE ANNOTATED CATALOG CARD LAYOUT IN UNIVERSITY PUBLICATIONS BY THE URAL FEDERAL UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE.

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 117–122. DOI: 10.17223/23062061/9/9

Lozhkina Kseniya A., Klimova Olga B. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olvik@yandex.ru

Keywords: edition notice; catalog card; annotated catalog card layout; university publications.

State Standard GOST R 7.0.3–2006 sets the following functions of the edition notice: consumer informing, bibliographic processing and statistics on publications. Consequently, the notice can be considered in terms of its usefulness / uselessness for readers and librarians, booksellers, the Russian Book Chamber that does statistics on publications.

One of the additional elements of the edition notice is the annotated catalog card layout. A.E. Milchin sees its function in the reduced time of edition processing in a library: librarians can copy the layout with all the essential information on a book immediately after receiving it. That is why GOST 7.51–1998 and the current GOST 7.0.13–2011 strictly regulate the size of the annotated catalog card: 125 × 75 mm; the layout size is the size of the catalog card.

The question of the feasibility of the annotated catalog card layout can be considered on the basis of educational and scientific literature published by the Ural Federal University Publishing House. The annotated catalog card layout is not functional for books bibliographic processing and statistics, for the university libraries, including the regional UrFU Research Library, are equipped with an electronic cataloging system, which involves entering information on the edition in the electronic fields of future cards. This is also true

for organizations where 16 mandatory copies of publications are sent. Only two layout elements are functional for the reader: 1) the title of the bibliographic reference and the bibliographic description that helps the reader to make correct reference to the publication in academic papers; 2) publisher's abstract designed for a quick introduction of the publication. The remaining elements of the annotated catalog card layout (UDC, BBK, copy-right, ISBN) as mandatory elements of the edition notice are duplicated on the back of the title page and have little information for the reader. Consequently, a mandatory annotated catalog card layout as part of the edition notice in the Ural University publications seems unfeasible. The functional approach can help to determine the usefulness of this element for educational and scientific publications of other universities. Design of the edition notice should be conscious.

References

1. The All-Union State Standard (GOST). (2010) GOST R 7.0.3–2006. Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya [Editions. The main types. Terms and Definitions]. In: Dzhigo, A.A. & Kalinin, S. Yu. *Osnovnye standarty po izdatel'skomu delu* [Basic Publishing Standards]. 2nd ed. Moscow: Universitetskaya kniga. pp. 237-273.

2. The All-Union State Standard (GOST). GOST R 7.0.4–2006. Izdaniya. Vykhodnye svedeniya. Obshchie trebovaniya i pravila oformleniya [Editions. Publisher's Imprint. General Requirements and Rules of Registration]. 2007–01–01. In: Dzhigo, A.A. & Kalinin, S. Yu. *Osnovnye standarty po izdatel'skomu delu* [Basic Publishing Standards]. 2nd ed. Moscow: Universitetskaya kniga. pp. 274-319.

3. Gil'berg, L.A. (2011) *Slovar'-spravochnik avtora* [Author's Reference Book]. Moscow: Kniga.

4. Mil'chin, A.E. (2011) *Podgotovka i redaktirovanie apparata knigi: Kak sdelat' knigu udobnoy dlya chitatelya* [Preparation and editing of the book apparatus. How to make a book convenient for the reader]. Moscow: Universitetskaya kniga.

5. Mil'chin, A.E. (2003) *Izdatel'skiy slovar'-spravochnik* [The Editor's Reference Book]. Moscow: OLMA Media Grupp.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзикова Ирина Александровна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Карташова Татьяна Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова.

E-mail: kartashova67@yandex.ru

Киселев Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

Климова Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

E-mail: olvik@yandex.ru

Ложкина Ксения Александровна – студентка 4-го курса направления «Издательское дело» института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Масяйкина Евгения Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры информационно-библиотечной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: eamasyaikina@rambler.ru

Никонова Наталья Егоровна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Нурғалиева Анастасия Фагимовна – библиотекарь сектора хранения редких книг и рукописей Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета, аспирант ТГУ.

E-mail: virtr@lib.tsu.ru

Тулякова Елена Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: purple15@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), аннотация выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");
- автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (название и номер по классификации ВАК);
- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;
- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков; включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне²².

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала:

<http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

²² По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING
2015. № 2 (9)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 30.11.2015 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печ. л. 8,0; усл. печ. л. 7,3; уч.-изд. л. 7,1.
Тираж 500 экз. Заказ 1446.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru